

СРІДНЯ
ДО ЛЮБВИ

Ольга БрусниГина

Вредная девчонка ищет приключения на свою красивую пятую точку.

Она уже видит себя в образе крутой cool girl, рассекающей на авто премиум-класса.

На ней короткое кожаное платье, высокие шпильки и непременный атрибут — черные очки.

Вот она выходит из авто возле шикарного ресторана, где собрались сливки общества, взмахивает гривой волос и все взгляды устремляются к ней.

Она секси, роковая красотка, пожирающая сердца. К ее ногам пачками падают мужчины, а женщины завистливо глядят вслед.

Три дня до любви
Ольга Бруснигина

Двадцать лет тому назад осень танцевала вальс прощания. Загрустив вместе с нею, люди ступали в такт дуновению ветра, появившегося из далеких северных стран. Им в награду или наказание ледяные струи небесно-чистой воды, смывающей остатки воспоминаний о жарком лете. Для всех без исключения — пора грусти с созерцанием увядания природы. Печально наблюдать, как деревья теряют остатки яркого убора, застилая желтым ковром землю. И все же осень — удивительная пора, когда наступает умиротворение, время подведения итогов. В ней нет суровости зимы, легкости весенней поры, летнего сумасшествия, уходят прочь суетливые вечера, преисполненные романтической чуши.

Пусть это время года вызывает депрессию, но все же в ней можно отыскать частичку волшебства. Появление на свет «Осеннего малыша» — это великое чудо! Детишки, рожденные осенью, в отличие от остальных, имеют максимальные шансы прожить уникальный срок. Им характерны задумчивость с отличительной долей рассудка, когда успех считается обыденностью.

Впрочем, у провидения свои обстоятельства. Никто не выбирает где и когда ему появляться на свет. Как говорится: «Такая функция в наборе настроек отсутствует» и время года тут вовсе не при чем.

В боксе роддома находилась единственная роженица. Молодая девушка, только вчера ставшая мамочкой, сидела на кровати, поджав под себя ноги. Закусив губу, она раскачивалась из стороны в сторону, будто кукла-неваляшка. Хотелось закурить и выпить чего-нибудь покрепче. Тусклые русые волосы, собранные в небрежный клубок на макушке, неряшливость, выдавали в ней человека из неблагополучной среды. Новоиспеченная мама сердилась и беспрестанно грызла ногти.

Она то и дело отправляла взгляд в проем окна, за которым в однообразно пасмурном пейзаже не происходило никаких значительных изменений. Все то же небо, до краев заполненное серыми тучами, старая покривившаяся береза со стайкой галок на ветвях.

К малютке она не испытала материнского всепоглощающего чувства. Наоборот, она приняла ее появление, как проклятие, расплату за грехи, совершенные в состоянии забвения. В душе, преисполненной черной пустоты, не находилось даже малого уголка, чтобы разместить крупицу угрызений совести. Никто не заметил, как она исчезла в неизвестном направлении. Попросту сбежала в больничном халате и тапочках.

— Даже имя не дала, — сетовала пожилая медсестра, — разглядывая лицо новорожденной малютки, завернутой в тугий кулек казенными пеленками.

— И не говорите, Ирина Павловна, — согласилась с ней еще одна медсестричка, — на моей практике такое первый раз, а работаю я, слава Богу, пятнадцатый год.

— Кукушка бесстыжая! Отказную оставила и смылась.

— А девочка, какая прелестная получилась — дар божий.

— Я когда ее увидела, — продолжила старшая медсестра, — у меня имя сразу на языке появилось: Карина. Малышка, видишь, двух кровей будет — черненькая.

— Больно уж мала!

— Недоношенная, семимесячная. Кило шестьсот.

— Фамилию матери в свидетельство о рождении запишем? Как там ее? Напомните...

— Да, ну, ее к лешему, — возмутилась Ирина Павловна, — Ульяновой будет.

— Почему это?

— У нас здесь каждый третий Ульянов. Зачем малышку от места отводить. Вырастет, может, домой вернется.

— Обязательно вернется, — согласилась медсестричка.

Она еще раз взглянула на милое личико, сожалея, что не может взять отказницу себе. Муж настаивал на рождении собственных детей.

— Вот везет же некоторым! — возмутилась она.

— Сверху виднее, — отозвалась старшая, всегда вспоминая о неведомой высшей силе, вершащей праведные дела.

— Я пятый год не могу ребеночка завести, а эти рожают, бросают...

— Не нам решать, — вновь изрекла мудрую мысль начальница.

— Где же справедливость?

Кроха мирно сопела, сытно пообедав молочной смесью, не подозревая, что с момента рождения, будет бороться за место под солнцем.

Мамочка Карины, совсем юное создание, долго скрывала интересное положение, тем самым допустив вероятность ее рождения. Тот разгульный образ жизни, который она вела, не давал малейших намеков на предполагаемого отца девочки. Кто угодно мог оказаться горе — папашей. Порой за месяц насчитывалось до тридцати претендентов — по одному на каждый день месяца. Молоденькая развратница не знала удержки. С одного притона перебегала на следующий, обзаводясь новыми знакомствами и беспорядочными связями.

Приехав из деревни, учится в местном ПТУ на повара, она обосновалась в общежитии среди таких же провинциальных девчонок. Свобода от родительского внимания оказалась сладкой и манящей. Симпатичная мордашка давала пропуск во взрослую жизнь со всеми ее удовольствиями, где в приоритете сплошное веселье, море вина и куча партнеров для секса.

Первые знакомства ограничивались ребятами со старшего курса, а затем плавно перетекли по всему городу. Непаханое поле особей противоположного пола разных возрастов и интересов. На пути попадались интересные личности, ради сиюминутных приключений готовые выложить пару тысяч. Пэтэушнице хотелось гулять до одури. Постепенно она превращалась в ночную бабочку, скоро летящую на манящий свет легких денег.

Родители строгих правил, прежде следившие за дочерью, за каждым ее шагом, установили ряд незыблемых правил. Послушная дочь следовала указаниям, всецело смирившись с условиями семейного воспитания и содержания. Оказавшись за три сотни километров от дома, она наплевала на запреты, именно поэтому, шальная голова несла ее ноги по самым злачным местам.

Неразумная мамашка бежала прочь из больничных стен, навсегда закрывая мысль о брошенном ребенке. Ни капли сожаления по поводу аморального поступка, лишь огромное желание поскорее окунуться в привычную среду.

Уже вечером следующего дня, пребывая в состоянии абсолютного пьяного блаженства, Пэтэушница заливала байки о тяжелом детстве, несчастной доле ребенка из многодетной семьи, хотя такого в реальности не существовало и рядом. Чего не нафантазируешь, лишь бы оказаться в центре внимания. Случайные подружки с фингалами под глазами и такие же колоритные бойфренды внимали каждому слову, дружественно кивали, выражая сочувствие.

Тема с маленькой доченькой испарилась, словно ее и не было никогда.

Малышка с черными глазами смотрела на мир, не подозревая, что с момента рождения одиночество станет ее нормальным состоянием. Дом малютки, затем детский дом. Обшарпанные казенные стены в коридорах сплошной чередой сменяющие друг друга. Все та же потрескавшаяся зеленая краска, оборванный линолеум. В холодных спальнях ряды жестких кроватей, заправленных пахнущим хлоркой бельем.

В окружении десятки заплаканных детских глазенок, пытливо следящих за каждым взрослым, появляющимся в поле зрения. Ведь, может, в один прекрасный день появится добрая тетенька, которая ласково погладит вихры на макушке и скажет: «Я — твоя мама!»

Однажды за сироткой пришли. Бездетная супружеская пара выбрала ее среди остальных, чтобы назвать своей дочерью.

Первые смотрины состоялись удачно. Карина, по случаю, наряженная в розовое платье в комплекте с огромным бантом в волосах, выглядела куколкой. Сногсшибательная внешность не оставила равнодушными посетителей, которые все время перешептывались между собой. Отдельные фразы, доносящиеся до слуха, нравились малышке, поскольку никто и никогда не произносил: «Красотка, Лапочка». Видя милые улыбки, чувствуя тепло касаний, Каринка мечтала, чтобы тетенька и дяденька забрали с собой, но они ушли, и словно позабыв о ней, долго не появлялись.

Однажды, после завтрака из серой овсяной каши и приторно сладкого какао, оставляющего темные пятна на юбочке, воспитательница группы девочек громко прокричала:

— Карина! Сюда!

Девочка испугалась, оглядывая одежду. Так и есть, на подоле красовались коричневые кляксы, которые вызывали у воспитателя бурю гнева. Ох, и влетит же сейчас!

В кабинете директора Карину ждали приемные родители, явившиеся по знаменательному событию с огромным плюшевым медведем.

— Это тебе! — протянул подарок дяденька.

Каринка ухватила медведя и прижала к себе настолько крепко, что если бы он был живым существом, задохнулся бы от нехватки воздуха.

Воспитатель, сдерживая волнение, только и смогла вымолвить:

— Карин, а спасибо!

Вместо благодарности юркая малышка повисла на новой маме, чем привела всех в состояние всеобщего умиления. Такая душещипательная картина довела до слез не только взрослых, но и неожиданно появившихся в дверном проеме детишек.

Мотив благого поступка приемных родителей представлял некое сочетание желания материнства и вместе с тем оправдания общественного мнения по поводу, что семья без детей считается неполноценной.

В принципе, потенциальный отец не настаивал на изменении жизненного статуса, но вторая половинка изводила нытьем. Взвесив все за и против, покой дороже, он согласился. Любимая жена, гораздо моложе его, страдала перепадами настроения, загоралась идеями, а после так же быстро остывала, забрасывая в долгий ящик все начинания. Такими намерениями в квартире появлялась различная живность от котиков до черепах, после

благополучно передаваемая в более добрые руки.

Семья, обеспеченная всеми материальными благами, устраивала быт по принципу: муж зарабатывает, жена — тратит, причем она не работала ни одного дня в жизни, даже трудовой книжки не имела. Зачем? Есть более приятные увлечения, которые не только скрашивают однообразные будни, но и подтверждают высокий социальный статус: выставки, концерты, сеансы психолога, массажиста, косметолога и так далее. Было даже увлечение оккультными науками, посещение экстрасенсов, прогнозирующих светлое будущее. Муж потакал всем капризам, давно смирившись с определенным положением вещей. Его устраивало, что рядом оттюнингованная молодая жена, соответствующая его положению. С такой не стыдно показаться на людях, друзья-сверстники головы сворачивают от зависти.

Для женщины, не испытавшей материнского счастья, пришел переломный момент, когда подружки с детьми ходили по утренникам, родительским собраниям, а она не могла и словечка вставить в общие разговоры. Ребенок в ее понимании выглядел пропуском в интересную жизнь, наполненную воздушными шарами, плюшевыми игрушками, тортами со свечками по поводу именин. Последней каплей в решении по удочерению стало посещение концерта юных талантов, где мамочки наперебой расхваливали своих чад, блистающих на сцене. Она представила, как ее дочь танцует, поет, а ей за это вручают грамоту. Непередаваемый восторг!

В истории с Кариной, появившейся в белых интерьерах вместительной квартиры, произошла неувязочка. Новоиспеченные родители не рассчитали свои силы, а детдомовская девочка не оправдала их надежд. Она не становилась в узко поставленные рамки культурного воспитания: грызла ногти, не любила причесываться, купаться, могла и в тарелку руками залезть. Сплошной бардак!

Дальше — больше. Началось с банального воровства — мелочь из карманов. Родители не заметили пропажи и Карина осмелела. Стала красть все, что представляло, по ее мнению, какую-либо ценность. Конфеты прятала под матрас, кусочки колбасы и сосисок складывала под подушку или в бельевой шкаф под одежду.

Находки огорчали маму, но она сочувствовала дочке. Удивлял факт, что ребенок, складывает продукты про запас, боясь остаться голодной. Схроны при этом портились и воняли на весь дом.

— Карина, крошка, — пропела однажды ярко-алыми губами мамочка, пойдём, я покажу тебе, где лежат конфеты. Они все твои, не стоит совать их, куда не следует. Ешь сколько хочешь!

Постепенно до Карины дошло, что еды в достатке. Она лакомилась чудесным виноградом или уплетала странные на вкус мидии прямо пальцами из банки. После, вытерев масляные ручки об подол нарядного платья, переключалась на клубнику. При этом ее никто не ограничивал, не вводил запретов, наоборот, мамочка радовалась, что ребенок становился румяным и упитанным.

В чудо-детской, устроенной по всем правилам модных тенденций в розовом цвете, шкафы ломались от платьев, юбочек, кофточек. Карина терялась от обилия игрушек, книжек со сказочно-прекрасными картинками, разглядывать которые ни с чем несравнимое удовольствие. Она пристрастилась к пролистыванию любимых историй перед сном, представляя себя в роли златокудрых фей, совершающих волшебные превращения.

В гостях в этот вечер были важные люди. Пришла пора статус полной семьи выводить в свет. Карину нарядили как принцессу, чтобы представить под взоры критически

настроенных приятелей. Они, почему то убеждали, что брать детей из детдома плохая затея, может быть даже опасная. Мамочка старалась доказать обратное и показать, как правильное воспитание благотворно влияет на брошенного ребенка.

— Посмотрите, какая она прелесть, — с удовольствием изрекла она.

— Милашка, — согласилась гостя, замечая, что девочка в действительности обладает уникальной красотой.

С ними прибыл сыночек — ровесник Карины, пухленький и шумливый. При внушительном весе, он крутился без остановки, кричал, перебивал взрослых, переводя все внимание на свою персону. Противный его тоненький голосок никак не вязался с внешностью. Особо раздражительно звучало глупое хихиканье не к месту.

— Поиграйте в детской, — предложила приемная мама. Ей непременно нужно поболтать о том, о сем, рассказать детали пребывания маленькой жительницы в их доме.

Карина нехотя согласилась. Толстячок с первого взгляда ей не понравился.

Едва беседа приняла правильное русло, завлекла общей темой и расположила к душевным признаниям, все обрушилось неожиданно жестко. Звонкий визг пухлого мальчика заставил взрослых кинуться на звук. Карина злобно смотрела на лежавшего, на полу толстячка, брыкающегося ногами.

— Она укусила меня, — вопил мальчишка.

На нежной коже упитанной ручки сиял красно-розовый след зубов. Гости подняли, успокоили сыночка, бросая в адрес хозяйки недовольные взгляды и пшикания.

— Гены, ничего не поделаешь, — выговорили они, и ушли в дурном настроении.

Мамочка плакала в первый раз, все время, прокручивая в уме неприятную ситуацию. Запал стать родительницей пропал, пришло время обязательств. Вполне ожидаемо она начала сердиться по поводу и без. Постепенно девочка перестала быть дополнением мечты, превращаясь в объект недовольства.

— Карина, мыть руки! — ругалась она, — Грязнуля!

Ласковость из голоса пропала. Придирки по поводу бытовых мелочей вырастали до размеров скандала. Она то и дело повышала голос, вовсе переходя на крик. Карина от обиды забивалась в угол, шепча неприятные слова в ее адрес. Она копила злость, собирая ее в тугой клубок где-то в средоточии сердца. Порой становилось нестерпимо больно, душно от желания не накинуться на противницу. В расчет не бралась возможность жить в сладких условиях. Душонка волчонка томила в маленьком тщедушном тельце.

— Ты нам не родная, — сказанное новой мамой со злости, эхом отдавалось в ушах.

Карина и без этого напоминания страдала, а тут еще и постоянное жужжание, не дающее покоя. Она ведь хотела по-другому — мама и папа любят безмерно и не ждут, чтобы она ходила по струночке и выполняла команды. Карина, не познав любви, не умела любить сама. Более того она ощущала, что вовсе не соответствует высочайшим запросам, за которые можно признать любимым ребенком. Мама предупреждала не раз, что воспитанные девочки, ведут себя прилично: не шумят, не матерятся в присутствии взрослых, умеют говорить вежливые слова и беспрестанно благодарят за снисходительную милость.

После очередной стычки с приемной мамой, она решила мстить. Жестоко и беспощадно, уж такова ее непокорная натура. В ее уязвленном сознании до краев хватало обиды на весь белый свет, сделавший ее изгоем.

Стоя в углу детской, куда ее с недавних пор определяли в наказание, она царапала ногтями стену от бессилия. Ожесточение становилось все сильнее, росло снежным комом и

наконец, достигло критических размеров и взорвалось.

Последней каплей в терпении приемных родителей стало и вовсе неприятное событие — Карина взяла в руки ножницы.

Когда родители вернулись после ужина в ресторане, они застали жуткую сцену. Дочка занималась увлекательным занятием, приносящем ей радость, судя по масштабам проведенной работы. Весь гардеробный шкаф мамочки был вывален наружу, а поверх разноцветной кучи брендовой одежды возвышалась Карина с орудием возмездия. Испорченные платья узкими полосками серпантина укладывались на соболиную шубку, растерзанную детской ручкой.

На следующий день Карина вновь оказалась в том же детском доме. Все та же обветшалая спальня в разводах крашеных стен, те же знакомые соседки, плачущие по ночам. Зато подобная жизнь — родная среда, где понятны правила, а слова имеют особенный вес.

Желающих удочерить больше не находилось. Молчунья, замкнутая в себе, без друзей и подруг, Карина привыкла жить по режиму. Хотя это не всегда совпадало с ее истинными желаниями. При этом в голове имелся свой собственный мир фантазий и грез, в котором беззаботно летала, представляя себя сказочной принцессой, а иногда, в плохом настроении — злой волшебницей, наказывающей плохих ребят.

Обидчиков слишком много. Старшие мальчики всегда старались самоутвердиться за счет лепечущей мелкоты, попадающей под руку. Дать подзатыльник, пинок, как за здрасте. Оборонялась, как могла, пуская весь арсенал возможностей: кусалась, царапалась, за что слыла недотрогой, с которой шутки плохи. Все же иногда получала синяк или ссадину, если противник оказывался беспредельщиком, плевавшим на ее малый рост.

В страшные моменты Карине хотелось стать невидимкой, чтобы она могла спрятаться от всех. Вот бы открылся портал в параллельную вселенную с деревьями в небо, на которых растут сразу все вкусняшки, с пряничными домиками в которых живут смешливые гномики, желающие заполучить новую подружку. Уходя в мир фантазий, Карина справлялась с самыми сложными конфликтами и продолжала верить в чудеса.

В детском доме не было собственной школы, поэтому учеников младших классов возили в местную общеобразовательную. В свой первый класс Карина попала в восемь лет, на год позднее сверстников. Все потому, что она не вышла ростом. Этакая «Крошечка — Хаврошечка» — малюсенькая, худенькая, ручки-ножки по соломинке.

Учеба никак не поддавалась стараниям первоклассницы-детдомовки. В пользу урокам — большое количество времени, чтобы витать в облаках. Едва заслышав монотонный говор учителя, Карина уединялась в вымышленном мире, откуда выбираться не хотела. Даже на громкие окрики первой учительницы отзывалась не сразу. Впоследствии ученица заняла прочное место на задней парте, а тройки за полученные знания ставили автоматом, лишь бы закрыть учебную четверть.

Карина любила читать. К слову сказать, делала она это неплохо. Это единственная наука, которая оказалась на радость и открыла еще более увлекательный мир сказочных героев, удивительных приключений. Юная читательница восторгалась красивому слогу стихов, запоминала наизусть особо понравившиеся строки. В скором мыслительном процессе являлись яркие образы никоим образом несочетаемые с грубой действительностью. Учительница очень удивилась, когда при проверке скорости чтения худшая из учениц прочитала сто двадцать слов без запинки. Лучший результат в классе!

— Вот, это сюрприз! — восхитился педагог со стажем, — Так держать!

Потом с гордостью рассказывала коллегам, что даже у необучаемого ребенка есть шанс. Перехвалила. Математика для Карины являлась истиной за семью печатями. Мало того, что цифры писать не получалось, так их еще и складывать и вычитать надо было.

— На пальцах объясняю, — теряя терпение, твердила учительница, — сожми кулачки.

Мучаясь не первый раз, Карина знала, что добром это не кончится.

— Разжимай два пальца. А, теперь еще два. Сколько получилось?

Большие карие глаза девочки удивленно смотрели на руки.

— Три?

— Почему три? — не унималась учительница.

— Два? — гадала Карина.

— Подумай!

— Шесть?

Весь класс прыснул дружным смехом.

— Наказание, какое! — выбилась из сил учительница, — будто в лотерею играем: «Угадай цифру».

Одноклассники не замечали тихую, словно мышка, Карину. В перемены она не бегала, не шалила, держалась особняком. В основном, занимая одинокое место позади, она листала очередную книжку, полученную в библиотеке.

Один случай в пятом классе, раз и навсегда определил, что с этой замкнутой чокнутой лучше не связываться. Вовка — заводила и шутник, являлся неоспоримым лидером еще с первого класса. В его неразумной голове рождались идеи баловства, порой, неподдающиеся здравому смыслу. В свои проказы он вовлекал таких же хулиганов, готовых поизмываться над более слабыми. Однажды хитрющий Вовкин взгляд заметил шикарный объект для издевательств. Каринка сидела за партой, вырисовывая на листе, вырванном из тетради, неведомые круги и петельки. Подмигнув верному другу, Вовка подкатил к ней и сразу же приступил к унижению:

— Эй, чучело! — с высоко поднятым носом, заговорил он, — от тебя псиной за километр несет!

Дружный смех подзадорил Вовку, давая понять, что он на правильном пути и шутка удалась.

Карина никак не среагировала на оскорбление. Вовка на голову выше, да и сильнее раза в два. Пусть катится к черту, авось ему надоеет и он отвалит сам.

— Коза, к тебе обращаюсь! — продолжал хамить озорник. Вырвав из ее рук лист с рисунком, разорвал в клочья и засунул ей за шиворот.

Карина, молча встала...

О том, что произошло дальше, одноклассники рассказывали в кабинете директора.

Первый удар Вовка получил в нос. Маленький острый кулачок метко вписался в нужное место, и кровь брызнула в разные стороны. Пинок задира получил в слабое место ниже пояса, а кульминацией стала прокушенная острыми зубками рука. Карина умела постоять за себя. Не единожды приходилось не только пропускать удары, но и раздавать их. Иначе нельзя, тема с сильными и слабыми вызубрена с трехлетнего возраста. До поры-времени, пока не трогали, не вступала в противостояние, но в случае заварушки не стояла в стороне. Вовка же не знал этого, на свою беду.

Родители Вовки устроили в школе грандиозный скандал. Но, увидев крошечную обидчицу сына, не поверили словам.

— Владимир! — удивилась его мама, — не может быть! Ты уступил маленькой девочке?

Пристыженный поражением Вовка перешел в другой класс, едва завидев опасного противника в школьном коридоре, спешил прочь со скоростью ветра. Мудрая классная встала на сторону Карины — Вовка давно нуждался в хорошей трепке.

Школьная жизнь круто поменялась с приходом молодого учителя физкультуры, который только что закончил институт. Карина, оказалось, имела стремление к гимнастике. Ее гибкое тельце выгибалось в кругую дугу. За первый месяц обучения талантливый педагог выделил девочку среди остальных, дав тем самым толчок к дальнейшим достижениям. Шпагаты, сальто, стойки, мосты, винты давались не без труда, но упорству гимнастки можно только позавидовать. Тренировалась без усталости, получая множество лестных слов.

— Жаль, возраст упустили, — сетовал физкультурник, — года три бы назад. Карина достигнув двенадцатилетнего возраста, все еще выглядела крохотной, поэтому ее вполне можно было принять за ученицу начальных классов.

Тренер неотрывно рядом: подстраховать, подсказать, указать на ошибки. Для замкнутой девчонки, вздрагивающей от чужого прикосновения, вначале было сложно принять опеку, но после, освободившись из футляра, она протягивала смело руку, чтобы опереться. Тренер, видя старание, нацелился вырастить будущую рекордсменку.

Что скрывать, тайно она была влюблена в него. Вслушиваясь в тембр мужского голоса, она улавливала особенные нотки, пропитанные искренней добротой. И тогда в ее коварных карих глазах загорались искорки радости. Она знала, как привлечь к себе внимание, поэтому пользовалась этой привилегией чаще остальных. И да! Ей до жути нравилось пользоваться положением любимицы.

Находясь на пике переходного возраста, Карина пребывала в состоянии, когда мир воспринимается по-особенному. Становление характера, манеры поведения, закладываемые семейными устоями, напрочь отсутствовали, так же, как и модель нормальных человеческих отношений. В ее разумении, полученном после прочтения любовных романов, имелись лишь прекрасные принцы, мистические герои, далекие от реальности. Карина приписывала несуществующие достоинства единственному мужчине в окружении. В ее воображении, он предстал в образе супергероя, спасающего мир.

Она стала часто смотреться в зеркало и, как правило, оставаться недовольной увиденным. Ей казалось, что она не идеальна и выглядит намного хуже, чем другие девочки. То ей казалось, что она слишком худая, то наоборот, слишком толстая, то она замечала мелкие недостатки, выставляющие ее в невыгодном свете. Ей хотелось иметь светло синие глаза, светлые волосы, а еще длинные красные ногти, как она видела в вырезке из глянцевого журнала.

Гардеробом похвастаться она не могла, имея лишь стандартный набор немарких вещей, заношенных до катышков, да еще пару туфель на сплошной подошве. Зато в манере держать себя уже проскальзывала имитация поведения взрослой женщины. Вдобавок к прочим сюрпризам, добавились основные признаки переходного возраста, такие как агрессивность, перепады настроения, излишняя нервозность и изворотливость. Много проблем представляла непредсказуемость, с которой и сама Карина не знала что делать. Еще минуту назад она считала данный поступок отвратительным, а после без зазрения совести совершала подлянку. «Подвиги», подпитанные своенравием, совершались с удовольствием. Каринка портила вещи одноклассников просто для забавы.

Пришел день, когда Карина перестала быть малышкой. Активный рост начался неожиданно. Всегда стоя завершающей в шеренге на уроке физкультуры, пятая с конца, а после со своим метр семьдесят пять встала во главе строя. Одно осталось неизменным — излишняя худоба и угловатость.

О роскошных длинных волосах Карина грезилась больше всего. Больная тема. Всех детдомовских девочек стригли «Под мальчика». В общих спальнях нередко заводились вши — трудно выводимые кровопийцы, перепрыгивающие от одного ребенка к другому. Для учреждения это ЧП. Медсестра с визгом носилась от одной воспитанницы к другой, забиралась руками в короткие волосы.

— Гнид-то сколько! Мама дорогая! — причитала она, — за неделю не вывести, проще налысо обрить.

С мальчиками, впрочем, так и поступали. Девочек наличие лысой головы обезображивало даже маленьких, поэтому — короткая стрижка. В мечтаниях у Карины волосы до пояса: послушные, крупными волнами, а на макушке диадема, светящаяся яркими камнями.

Дальше девятого класса Карина не доучилась. Вместе с этим закончились и ее спортивные занятия, и состоялось расставание с любимым тренером. Карина понимала, что на следующий год, он выделит новую любимицу и будет улыбаться ее успехам. А она... Она покатила колесо своей жизни в противоположную сторону, вдалеке останутся мечты о наградах, всеобщем признании.

Аттестат — тройки. Только по физкультуре — заслуженная пятерка. У детдомовских после окончания школы один путь — училище. Квота на места заранее обговаривалась: для девочек — швея, для мальчиков — сварщик.

Впереди три года училища, но швея из Карины не получалась. Не было в ней ни аккуратности, ни усидчивости. Когда одноклассницы с интересом изучали выкройки в журналах, обсуждали фасоны и модели платьев, она продолжала мечтать о фантастических мирах, драконах и, конечно же, о принцах.

На этом моменте взросления с Кариной случилось удивительное перевоплощение. Из тихони она переквалифицировалась в пацанку, пусть по-прежнему такую же несловоохотливую, но вредную. Она стала зачинщицей драк среди сверстниц. Могла вспылить из-за мелкого недоразумения или обидного высказывания в ее адрес. Драться, кстати, она умела здорово. Не было в ней ни жалости, ни угрызений совести по поводу разбитых носов, расцарапанных щек. С ожесточением дикой кошки вцеплялась она в длинные волосы соперниц, стараясь вырвать клочки побольше.

Стоя на ковре в кабинете директора училища, Карина не извинялась, ни пыталась оправдаться. Преподаватели измучились с такой воспитанницей. Дерзкая девчонка успела насолить всем. Дни считали, когда для нее прозвучит прощальный звонок, и она навсегда забудет дорогу до входа. Если бы можно было выдавать антинаграды, Карина получила «почетное» первое место.

— Почему, ты ударила Риту? — спрашивала, умудренная сединами преподавательница.

Карина молчала. Ей и сказать-то нечего. Объяснение — попала под горячую руку — не катит.

— Извинись!

— Не буду!

— Ты заслуживаешь наказания! — угрожала учительница.

Карине вlepляли двойку за поведение, выгоняли с занятий, оставляли на дополнительные, но ей «сиренево». Скрипнет зубами, выругается про себя, а на следующий день берется за старое.

К этому времени она, как и прежде, не обрела подруг, сокурсницы побаивались и сторонились. Сопливые, еще пока безусые сварщики первого разряда, метившие однокурсницам-швеям в женихи, тоже не оборачивались вслед, напротив, стремились пробежать мимо, чтобы не нарваться на грубость.

Карина делала это не от злости, скорее из-за зависти. У всех домашних девочек имелись мобильные телефоны, компьютеры, красивая одежда. Для нее эти желаемые предметы были недостижимы, как вулкан Фудзияма. Гордость, совмещенная с обидой, неистовая, болезненная, пробирающая до самых костей не позволяла усмирить строптивую натуру. Невозможно доказать свою ценность миру, будучи однажды брошенной без всяких причин. Превосходство в силе, давало краткосрочное облегчение, будто из души вырывалась часть накопленной боли.

— Чтоб тебе! — вскрикнула Карина вдогонку машине, обрызгавшей ее с головы до ног.

Впрочем, она и так промокла до нитки, шляясь целый день по городу. «Свобода, наконец-то, свобода» — пела ее душа.

Синяя книжечка с гордым названием «Диплом о среднем образовании» валялась на дне потрепанного ранца. Пусть внутри вкладыша пестрели сплошь тройки, для нее это не имело значения.

Теплые небесные струи текли по лицу, заливались за шиворот. Карина обожала дождь, потому что его шум приносил с собой ощущение покоя. Она ловила нетерпеливые капли губами. Излюбленная фантазия, когда среди ненастья, ее обнаруживал сказочный принц, укрывал бархатным плащом и увозил в белоснежной карете во дворец, наполненный несметными богатствами.

Мимо шуршали редкие прохожие с зонтами. (У Карины, кстати, никогда не имелось зонта). Накинув капюшон толстовки на голову, она задержалась возле входа в магазинчик. К сожалению, в карманах пусто, а так бы неплохо шоколадку для настроения. Когда получит первую зарплату (а она непременно завтра устроится на приличное место), шоколад будет на завтрак, обед и ужин, а еще пирожные, печенье и лимонад. Плевать, на то, что от сладкого портятся зубы!

В общежитие возвращаться не хотелось. Осталось совсем немного и у Карины будет собственная квартира от государства. Назойливые соседки по комнате останутся в прошлом, а у нее начнется совсем иная взрослая жизнь.

— Карина! Какая неожиданная встреча!

Она вздрогнула и обернулась на окрик. Рядом стоял физрук из той прошлой жизни, про которую она старалась вспоминать как можно чаще.

— Игорь Юрьевич! — обрадовалась она.

— Стою, смотрю и глазам не верю. Как ты выросла, изменилась! Красавица!

Карина засмушалась: вот и принц! Когда-то она была искренне в него влюблена. С тех пор он ничуть не изменился: спортивная фигура, чуть надменная улыбка и все та же привычка щурить глаза.

— Чего мокнешь? Простудишься!

Карина мотнула головой:

— Не-а, я — закаленная!

— Давай, подвезу. Тебе куда?

— На Первомайскую, в общагу.

— Мне как раз по пути. Только в одно место заедем, надеюсь, ты не возражаешь?

— Не поеду, — с сожалением произнесла она.

Игорь Юрьевич уловил эту нотку в голосе.

— Не понял? Ты, что обиделась на меня?

— Сиденье испорчу. Я вымокла, вещи — хоть отжимай.

— В своем репертуаре, Ульянова. Зачем усложняешь? Садись, говорю! Вода — не грязь, высохнет.

Карина сжалась в комок, от неловкой ситуации. Так она делала всегда, когда пыталась

спрятаться внутри себя. Только сейчас она искренне радовалась приятной встрече.

— Умница! — похвалил бывший преподаватель, когда она оказалась рядом на переднем сидении.

Игорь Юрьевич находился в приподнятом настроении, подпевая песню, звучащую по радио. Модная мелодия, как нельзя в тему: он, она и адреналин в крови от скорости или от близости двух неравнодушных друг к другу людей.

— Ты так прекрасна, моя любовь...

Карина ничуть не удивилась ребячеству. Учитель всегда вел себя естественно, не замечая, что это противоречит стереотипам о гордом звании педагога. Этим он и отличался от прочих. За это и нравился.

— Выпей лимонаду! — предложил он, протягивая бутылку, — не знал, что тебя встречу, а купил. Странно, твой любимый, будто наперед знал.

Не забыл, значит, что именно этот напиток Карина предпочитает больше остальных. Она с удовольствием сделала несколько больших глотков и зажмурилась от удовольствия. Шипучка ударила в нос, защекотала.

— Оставь себе, — предложил Игорь Юрьевич, — жаль, шоколадки нет.

— Жаль, — согласилась Карина, мысленно представляя сладкий вкус на языке.

Она снова выпила лимонаду, с сожалением наблюдая, как пустеет бутылка.

От центра отъехали на приличное расстояние. Общага осталась где-то позади, началась территория гаражей и промзоны.

— Куда мы едем? — забеспокоилась Карина.

— Друг просил подвезти. Не волнуйся. Это быстро. Передам кое-что из багажника и сразу обратно.

Наконец машина остановилась посреди гаражного кооператива, где безлюдно, будто в пустыне. Карина огляделась вокруг, холодком по спине спустилось тревожное предчувствие:

— Где это мы? Раньше я здесь никогда не бывала.

Игорь Юрьевич сделал серьезную мину, пожал плечами, демонстрируя, что он и сам не в курсе.

Карина предположила, что он соскучился, захотел остаться наедине, ведь она теперь совсем взрослая женщина: «А, что если он ждал ее все это время?» Создав в уме приятную картинку, Карина готовилась, что любимый физрук попытается ее поцеловать, обнять, ну, или признаться в своих нежных чувствах. Всем сердцем она была готова принять его ухаживания.

— Выходи, Карин, приехали! — вместо признаний, сообщил Игорь Юрьевич.

Вот и сюрприз. Или розыгрыш. Сейчас он оставит ее здесь, а сам умчится по делам. Перспектива тащиться под дождем до города, не из приятных.

- Я вас не понимаю. Почему я должна выходить в этом месте.

— Так надо.

— Кому? — продолжала она допрос, — разве вы не пойдете со мной.

— Не пойду, а тебя давно уже ждут, — сухо ответил физрук, взглянув на стрелки наручных часов.

— Кто? — Карина нетерпеливо заерзала на сидении. Ей стало невероятно страшно.

Ответ она получила сама и не из его уст. Белый фургон, подъехавший сзади, просигналил о прибытии.

Игорь Юрьевич вздрогнул, стыдливо, словно извиняясь, глянул на бывшую ученицу:

— Прости! — с чувством произнес он, — мне нужны деньги, не смог устоять, на зарплату жить невозможно.

— Но, у меня нет денег, — начала мямлить Карина, не понимая о чем речь.

Мигом осенило, что с ней собираются сделать нечто плохое: изнасиловать, продать на органы, а может, даже сделать проституткой и увезти в другую страну на «заработки». Страшилки о жутком использовании женского тела известны как пять пальцев, в детдоме взрослеют рано. О «тычинках» и «пестиках» не понаслышке знают.

— Подлец! — прошипела она и ударила ладонью по щетинистой щеке бывшего учителя.

— Дикая! — не без удовольствия отозвался он, потирая ушибленное место. Все же ему нравилась эта дерзкая девчонка. При другом случае, между ними могло развиваться нечто большее, чем просто приятельские отношения. Угловатая строптивица превратилась в прелестную женщину. Игорь Юрьевич бросил взгляд на ее сочные губки и зажмурился, отгоняя, откуда ни возьмись огромное желание коснуться их.

— Карин, успокойся! Ничего плохого не случится!

— Иди ты! — вскрикнула она в привычной манере. Включилась бестия, таившаяся до поры внутри. Не стоило церемониться с двуличным прохвостом, задумавшем нажиться за ее счет, да, еще таким мерзким способом.

— Торгуешь человечинной? — спросила она. Взгляд ее черных глаз сиял гневом.

— Когда-нибудь ты поймешь меня, — грустно вымолвил подлец.

— Когда-нибудь я найду тебя и отомщу! — сквозь зубы прошипела Карина.

— Прости, прости, Карин... — заблеял физрук, — я не хотел. У меня выбора не оставалось.

На самом деле, Игорь Юрьевич — слабак, а не мужчина из грез. Как же она была слепа, и, конечно же, глупа, раз поверила такому ничтожеству.

Каринка стала панически дергать ручку двери. Как назло, она редко ездила в машинах. В ее планах — резко сорваться с места и тикать без оглядки, пока хватит сил. Каким-то неведомым способом ей удалось выбраться наружу, но внезапно ноги сделались ватными, чужими и не возжелали спасать свою хозяйку. Карине казалось, что она бежит, но на самом деле она перебирала ногами на одном месте. «Он напоил меня отравой» — догадалась она.

Далее пошло и вовсе как в тумане. Она почувствовала помутнение рассудка, тело перестало слушаться и обмякло, а окружение перед глазами превратилось в единый вращающийся шар лилового цвета, вокруг которого летали гигантские красные мухи. Еще какое-то время она пыталась сопротивляться, но постепенно сдавшись, провалилась в вязкое сонное состояние.

В плавающем трансе она маялась недолго. Действие наркотика ушло, принося вслед за собой состояние похмелья со всеми вытекающими последствиями: тошнило, голову раздирала невыносимая боль, мучила жажда. Карина облизнула сухие губы, мечтая хотя бы о маленьком глоточке воды.

Она лежала ничком на холодном полу салона крытого фургона, который двигался по шоссе на большой скорости. Протерла глаза, полагая на миг, что ослепла. В салоне не видно ни зги.

Стала изучать руками обстановку вокруг себя и наткнулась на нечто мягкое. Тщательно ощупала и убедилась, что рядом человек.

— Руки убери, а то схлопочешь! — раздалось в ответ на ее поползновения.

— Кто здесь?

— Конь в пальто!

Карина сама была не из простых, поэтому решила ответить в том же духе:

— По голосу не конь, а кобыла!

— Рот закрой!

Карина замахнулась и изо всей силы двинула в темноту. Ее сжатый кулак опустился как раз в цель.

— Сучка! — заорала невидимая попутчица и вмазала в ответ.

Карина получила свою порцию тумачков. Из разбитого носа хлынула кровь. Громко шмыгнув, она подтерла ладонью переносицу и закинула голову, чтобы остановить кровотечение. Подумаешь, не велико повреждение! Как и прежде, приняв как должное, еще больше рассвирепела. Ни на что бы, ни поменяла кайф от предстоящей потасовки, когда уровень адреналина зашкаливает, а тело рвется в бой.

Пока что победа не на ее стороне, но хищный инстинкт толкнул на следующий подвиг. Уступать невидимке с отвратительным голосом, она точно не собиралась.

Не в ее пользу — головокружение и слабость от неизвестного препарата, подмешанного в сладкую газировку, но гнев прибавил сил. Она вскипела, собрала ярость в кулак и вновь взмахнула рукой.

Началась ожесточенная схватка с врагом, который на поверку оказался более сильным и вертким, и Карина пропускала удар за ударом.

Возня сопровождалась отборными словечками, недостойными лексикона воспитанных барышень. Но для бандиток, воспитываемых с сизмальства законами выживания, подобные высказывания давно вошли в норму. Девчонки не скупились на «комплименты».

Внезапно, тачка дала резко по тормозам, а драчуны, потеряв равновесие, разлетелись в разные стороны. Карина с силой устремилась вперед и ударилась головой о металлическую поверхность.

Дверь с громким звуком распахнулась, в проеме показался здоровячок в камуфляже.

— Цыц, куклы! — заорал он, — заткнулись обе. Че, за хрень?

— Выпусти! — получилось почти хором.

— Ага! Сейчас. Бегу и падаю! Бошки откручу, если еще один шорох услышу. Втыкаете?

Карина, уже оправившаяся от шока, бросилась к выходу, рассчитывая, что удастся вывернуться. Только качок просек тему. Резко ухватив ее за волосы, он ударил по ребрам.

У Карины перехватило дыхание. Она тихо застонала и согнулась от боли.

— Уяснила урок? — спросил бугай, — или еще хочешь? Надо — пропишу?

— Не хочу, — пропищала она, едва делая вдох.

— Вот, попейте водички. Ну и видок у вас — кошки драные. Утритесь!

Здоровяк бросил бутылку воды и упаковку влажных салфеток. Еще раз оглянул придирчивым взором пассажиров и с грохотом захлопнул дверь.

— На твоём месте, я бы не стала пить, — предупредила противная соперница.

— Еще чего! — свредничала Карина, — в одно горло трескать будешь?

— Дура! Вдруг там яд или наркота. Вырубишься или вообще коньки отбросишь.

— С чего такая забота?

— Просто. А в принципе, мне все равно...

— Чего тогда дерешься, если тебе все равно? Размахалась кулаками!

— Защищалась. Ты первая, кстати, начала. Ладно — «проехали». Добро?

— Добро, — согласилась Карина, — ты знаешь, куда нас везут?

— Догадываюсь. Явно не на показ мод, и не на курсы вышивания.

— Не тяни, выкладывай.

— Запрут в закрытом борделе и будут использовать строго по назначению пока не сдохнем.

— Да, ладно, не гони!

— У тебя другие варианты есть? Для чего еще годимся? Не на стройку же, кирпичи таскать.

— Я сбегу, — уверенно выдала Карина, — просто так в руки не дамся. За жизнь не раз приходилось отбиваться.

— Ага, беги, не забудь прощальное письмецо перед смертью написать. Поймают, и чик «пером» по горлышку.

— Не из пугливых, не стражай! — хмыкнула Карина.

— Засунь свою храбрость, сама знаешь, куда и не выпендривайся. Я тоже не пальцем деланная.

— Я заметила, — призналась Карина, вспоминая, как ей влетело. Тело до сих пор ныло от побоев. Жаль синяков не разглядеть. По ощущениям их тьма-тьмушая, и на лице тоже.

— Ну, и отметелила ты меня? — усмехнулась Карина, потирая ушибленные места.

— А ты — меня, не хило.

— Мы с тобой подружки по несчастью. Не стоило ссору затевать.

— Точно! Лучше не скажешь. Давай держаться вместе.

— Зачем? Я привыкла — сама по себе. Так безопаснее. Не нужно ни о ком заботиться, переживать, да, и ответственность за чужого человека мне не нужна.

— Эгоистка, что ли?

— Не-а, детдомовская.

— А я, по-твоему, кто?

— Кто?

— В том-то и дело, что мы одного поля ягоды. У меня из родни только сумасшедшая тетка в психушке. Старая совсем и безумная. Проку от нее никакого. Воспитанием моим точно не займется. Хорошо, хоть по-малолетству какая-то родственница взяла меня под опеку, поэтому и в детдом я не попала. Только видела я ее всего пару раз, когда бумаги оформляли. Росла сама по себе: по добрым соседям шныряла, то там, то сям корку хлеба просила. Жалели: кормили, одежду поношенную давали. Я не привереда, брала и благодарила, а потом возвращалась, и так по кругу.

— А у меня никого нет — отказница.

— Знаешь, может это и к лучшему.

— Ни фига, себе, заявление! Как такое может быть лучше? Ни родни, ни дома, ни будущего.

— Сама рассуди. Я, к примеру, знаю, что вся семейка психически больные люди, способные на сумасшедшие поступки. Наследственность, знаешь ли. Бабка в интернате жила, тетка, потом мама, теперь, походу моя очередь подходит!

— А отец? Он-то где?

— Кто ж его знает? Мама там же в больнице залетела. Может от санитаря, а может от такого же психа.

— Ты вроде нормальная?

— Не знаю. Пусть врачи разбираются. Гуляю до первого крутого приступа.

— Приступа?

— Пришибу кого-нибудь или порезу. Прецеденты были. В полиции мое имя в черном списке. Помню, было мне лет десять, может чуть больше, я пацану в голову камень кинула. Просто так, ради шутки, только голову ему до крови пробила. Потом стекляшкой от бутылки другому мальчишке руку царапнула. Желание у меня людям боль причинять, ничего не поделаешь. Чем старше, тем жажда сильнее, а шутки жестче. Прямо, не могу, хочу пырнуть кого-либо.

— Чего ты, такая кровожадная?

— От меня не зависит. Переключивается в башке, словно кнопка красненькая включается. Руками начинаю махать, пинаться, пока не свалюсь от усталости. Когда вижу, чего натворила, страшно становится. Но потом все повторяется снова. Психиатр сказал, что в мозгу связь отсутствует, которая за жалость отвечает.

— Это плохо? — не поняла Карина.

— Представь, что у человека нет сочувствия к чужим страданиям. Зато до краев изворотливости и жажды доставлять боль.

— Представила — маньяк!

— Расстройство личности, свойственное серийным убийцам. Наука — не поспоришь, — видимо, не своими словами изрекла собеседница умную фразу.

— Звучит, как угроза.

— Не бойсь, самой страшно! Вдруг крышу снесет неожиданно, а я не готова окажусь.

— Так не бывает! — отмахнулась Карина, не веря в басни.

— Еще как бывает. Но, мы отвлеклись от темы: как насчет дружбы?

— Сознаюсь, что никогда не имела подруги.

— Круто! Буду первой! Я — Кристина. Можно — Тина.

— А я — Карина.

— Предлагаю скрепить нашу дружбу клятвой верности.

— Зачем? Детство какое-то! — возмутилась Карина.

— Так положено. Давай руки, протягивай.

Подружки сцепили пальцы.

— Я плохо слова помню, но это не важно. Наша клятва важна только для нас, — предупредила Тина.

— Ты уже давала такую?

— Некому было. С подругами у меня тоже не густо. Если нам суждено ехать навстречу смерти, то сейчас самое время обзаводиться друзьями.

Карина услышала тревожное дыхание напарницы.

— Повторяй за мной, — предложила она, — насочиняю с три короба:

«Кровь за кровь, жизнь за жизнь, пока мы дышим.

Моя жизнь в твоих руках, твоя — в моих.

Разорви нашу связь, и мы погибнем.

Клянусь в дружбе навек!»

— Сама придумала? — восхитилась Карина.

— Я мастерица байки травить. Погоди, привыкнешь, не то еще услышишь. А теперь, обнимемся!

Подружки прижались друг к другу. Только Карина быстро-быстро отстранилась. Не привыкла она к нежностям.

— Тина, ты как здесь оказалась? — решила она разузнать как можно больше о подруге.

— Глупо. Сама в фургон села.

— Как это? Тебя пряниками заманивали?

— Стыдно рассказывать, развели как лохушку. Давно по съемным квартирам живу, как раз вышел срок искать новую: хозяйка срок два дня дала. Я нашла, и, тут удача: на входе в подъезд объявление «Грузоперевозки». Прямо перед носом, как поднимаешься на ступени. Хоть и вещей вроде немного, но в руках не унесешь, накопилось — подушки, матрас, вещи зимние, посуда. Набрала номерок, фургон подъехал точно ко времени, как и договаривались. Вышла встретить, запихнули в салон. Черт! Плакали мои вещички. Наверняка в подъезде так и валяются. Бомжи местные растащат или дворничиха на помойку снесет.

— Сочувствую, та же тема. В общаге за место борьба. А у меня койка новая, в шкафу полка со шмотками, в тумбочке косметика. Дешевка, конечно, но все равно жалко.

— Придется забыть, лишь бы из передрыги выпутаться, а шмотки — дело наживное. Кстати, тебя как угораздило в это путешествие отправиться?

— Лимонаду выпила и вырубилась. Дальше ты знаешь...

— А лимонад ты в супермаркете купила, — с издевкой пошутила Тина.

— Если бы! Представь, физрук из моей школы, неожиданно нарисовался. Поедем, говорит, до общаги доведу по старой дружбе, а я — дура, и рада. Нравился он мне, когда-то. По доверчивости, лимонад из его рук приняла и почти всю бутылку выпила, пожадничала. Денег на лимонад лишних нет, сама понимаешь.

— Убила бы! — прошипела Тина в поддержку.

— Козел! Теперь-то я поняла, что он специально меня выцеплял, по улицам кружил. Я пока ворон по сторонам считала, шаталась без цели, несколько раз похожую машину поблизости видела. Подъехал, весь такой добренький, заботливый: «Кариночка — красавица, похорошела, не узнал бы». Освобожусь, найду и замочу гада.

— А я тебе помогу.

— Не стану возражать. На куски готова разорвать, чтобы дольше помучился. Представь...

— Ну?

— Он меня продал, как вещь.

— Откуда знаешь?

— Сам признался, когда прощения просил. Твердил, что из-за денег, на зарплату учителя жить тяжело.

— И во сколько он оценил твою жизнь?

— Это я не успела выяснить. При следующей встрече спрошу и вытрясу из него все до копейки, вот увидишь. Вернет с процентами.

Внезапно Тина сменила тему:

— Карин, заметила, какой красавчик нас охраняет?

— Ага, скажешь тоже! Лица не разглядела, зато силушку богатырскую попробовала. Кулаки у него — железные. Припечатал, словно молотом, до сих пор отдышаться не могу, ребра в обратную сторону.

— Я влюбилась! — перебила Тина.

Она в потёмках не видела, как Карина крутит пальцем у своего виска.

Ровная до этого дорога после крутого поворота сменилась, по всей видимости, на ту самую, которую проклинаят все автомобилисты — яма на яме. Девчонки дружно подпрыгивали от каждого неудачного маневра фургона, чертыхаясь и проклиная гореводилу.

— Не мешки везешь! — громко прокричала Тина, когда возникло ощущение, что их хотят угробить.

Неожиданно, автобус сменил ход, а под колесами зашуршало неизвестное дорожное покрытие.

— Слышишь, — прошептала ей Карина, — как будто мелкие камешки шебаршат.

— Значит, от шоссе уже далеко! Считай, больше трех часов в пути! Точно тебе говорю: хана нам!

Фургон просигналил и в скором времени остановился.

— Слушай мою команду! — распорядился качок, вновь с грохотом открывая дверь фургона.

Девчонки всполошились. Не солдаты же! И почему этот тип позволяет себе общаться в подобном тоне?

— Че-го? — медленно протянула Тина, — пошел ты со своими командами! Клянусь, не шевельнусь, пока не узнаю где я.

— Разговорчики! — в той же манере продолжил мужчина, — выходи, стройся!

— Еще чего! Сам стройся, — запротестовала Карина.

До боли сжав губы, она приготовилась прыгнуть, а потом и вовсе задать стрекача. Оставалась мелочь — усыпить бдительность их охранника. Только тот словно прочитал ее мысли и в ответ показал сжатый кулак:

— Думаешь, я прошу? Может, напомнить, что бывает за непослушание? Те тумачи покажутся ласковым поглаживанием. Не играй со мной, шансов — ноль. Проиграешь.

— Не надо! — сдалась Карина, — я не сбегу.

— Вылезайте наружу! Чего я вас словно барышень невинных уламываю? Сейчас схвачу за загривки и швырну, мало не покажется.

Тина отодвинула Карину и выбралась первой из фургона.

— Чего разорался? Мы девочки культурные, к другому обращению привыкли. Нет бы, руку подал, Джентльмен.

— Тебе что ли руку? Тоже мне — принцесса. Драная кошка с района — вот кто ты.

Выражение лица Тины резко сменилось. Откуда ни возьмись, появилась злость во взгляде:

— За оскорбление ответишь. Ты еще не знаешь, с кем связался.

— Договорились, — вполне миролюбиво ответил качок, — потом, когда время наступит, поквитаемся.

Он протянул Тине руку для мужского пожатия.

— Так-то лучше! Равнение на середину! Упор лежа принять!

Подружки обменялись недоуменным взглядом.

— Чего принять? — поинтересовалась Тина, попросту не догоняя, чего происходит.

Создавалось ощущение, что они новобранцы в армии, куда их как злостных уклонистов привезли силой. Карина никогда не слышала о существовании женской армии, по крайней мере, не видела смысла в подобной. Пусть она верила, что слабый пол способен на великие подвиги, в том числе и с применением физической силы, но мужское превосходство бесспорно. Им на роду физиологией и инстинктами предназначено играть в стрелялки, рукопашные бои и при этом самоутверждаться.

— Я пошутил, — вновь сменил гнев на милость охранник, изобразив на лице нечто похожее на улыбку, — Милости прошу — станция конечная, дальше «поезд» не идет.

То место, в котором девчонки очутились, внешне походило на тюрьму или армейскую часть, но только без опознавательных знаков. Ни флагов, ни вывесок. Между заасфальтированными дорожками в обрамлении ровно подстриженных кустов барбариса, славившегося острыми шипами, располагалось несколько длинных одноэтажных корпусов постройки времен коммунизма.

— Прибыли к месту дислокации, — тем временем докладывал качок кому-то по телефону.

Карина сразу же определила, что впереди ожидает, если не зона, то какое-то закрытое заведение для наказаний. Начала прокручивать события прошедших дней в уме, время и место, где могла жестко накосячить. Согласна, у нее имелись неоднократные приводы в полицию, где не гладили по головке, а запугивали, возводили проступки в квадрат, приписывая статьи и пункты. Всегда одна и та же «песня» — поорут, выпустят пар, проведут профилактическую беседу и вышвырнут за дверь. Вновь препода жалели, брали на поруки, она же детдомовская — чего с нее взять. На учет в комиссии по делам несовершеннолетних поставили лет с десяти и вовсе по пустячному поводу. Подумаешь, сперла у завуча сумочку! Документы сожгла на пустыре, а косметику и кошелек присвоила. Радовалась правда недолго, свои же спалили. В детдоме даже у стен имеются уши и глаза, а стукачки всегда пользовались приятельским положением у воспитателей. Драки, в которых она значилась зачинщицей, никогда не заканчивались переломами или тяжелыми травмами, ерунда — синяки, да царапины.

— Где это мы? — вернула ее из размышлений Тина, которая озиралась вокруг.

— И мне хотелось бы знать. По виду тюрьма. На санаторий или загородный лагерь отдыха не тянет. А ты как думаешь?

— Гляди, решетки на окнах. Значит, либо психушка, либо пыточная. Все гады предусмотрели! Как пить дать, запрут.

— Внутрь попадем, узнаем.

Карина продолжала вертеть головой в разные стороны, стараясь рассмотреть как можно больше. Высокие ворота контрольно-пропускного пункта наглухо заперты, а безлюдная зона окружена двухметровым забором. В случае побега, все пути отхода заблокированы. По гладкой металлической поверхности ограждения, не взобраться, даже обладая способностями кошки.

- Ни души, — заметила Тина, — подозрительно тихо.

— Следуйте за мной! — отдал очередное распоряжение командир, — не бойтесь, девочки, ничего плохого с вами не случится. Но если попытаетесь бежать...

Неожиданно для них обоих качок достал из кармана пистолет и потряс им в воздухе.

— Стреляю без предупреждения на поражение!

Тина взяла Карину за руку и повела за собой.

— Т-с-с-с! Давай притворимся паиньками. После разберемся, когда этот гад расслабится, — прошептала она.

Карина в ответ лишь едва заметно кивнула. Она не была напугана, скорее ей двигало чувство любопытства. По логике, если бы их вели на казнь, то они были бы уже мертвы. А так, со стороны выглядело все розыгрышем. Когда-то давно, в детском лагере, ей довелось играть в «Зарницу». Правила просты — есть фальшивые враги, фальшивые командиры, а в итоге — сладкий приз. Она все еще надеялась, что уже на завтра, она вернется обратно в общагу, с приятными впечатлениями о приключении. Знать бы только, кто заказал это развлечение.

Ступая в шаг с Тиной, у Карины появилась возможность лучше рассмотреть новую подружку. Крепкое, почти мужское телосложение, ультракороткая стрижка, глубоко посаженные глаза, густые брови. Карина поморщилась от мысли, что пришлось драться с противником, превосходящим ее по всем статьям. Ширине плеч Тины мог бы позавидовать любой мужчина. Неизвестно чем бы завершилось их недавнее соревнование.

— А ты... это...

— Ну? Договаривай, — насторожилась Тина.

— В норме, что надо. Здоровая.

— Ты хотела сказать — мощная?

— Точно! Правильно отметила, а я все не могла слово подобрать.

— Валяй, режь правду-матку. Я себя в зеркале каждый день вижу, так что комплиментов иного рода не ожидаю. Не то, что ты — красотка. Для журнала мод можно фоткать. Повезло.

— Не завидуй. Никакого толка от красоты, если в животе урчит от хронического голода, а единственные ботинки «каши просят». Проходить всю зиму в куртке на «рыбьем меху» — да, легко, нет проблем.

— Женщины с прекрасными формами, как у тебя, умеют получать легкие деньги, не буду упоминать каким способом. Живут в шоколаде и ни дня не работают.

— Я не такая, — ответила Карина и заалела щеками. Подобные темы всегда вызывали у нее смущение. К тому же на не привыкла личное обсуждать с кем либо.

— Вижу. Сразу поняла. Непонятно только как при детдомовском воспитании получилась особа с такой нежной натурой. Так барышень в прошлые века гувернантки из Франции обучали: манеры, походка, умение выражать мысли.

— Не надо! Никакая я не нежная, могу и в зубы засветить, если что.

— Верю, но это ничуть не лишает тебя женственности. У меня, к примеру, нет ничего похожего. Скорее — пацанка, без шанса найти себе вторую половинку.

Карина внезапно усмехнулась, что не укрылось от внимания Тины.

— Ты чего? В пору плакать! Идем, если не на расстрел, то на порку.

— Подумала, что из вас бы с товарищем, — она кивнула на широкую спину, движущуюся впереди, — получилась бы отличная пара.

— Скажешь тоже! — обиделась Тина.

— Я серьезно! Присмотрись, внимательнее: телосложение под стать, рост, да, и лицом, вы кажется схожи. Суровые оба — жуть.

— Отставить разговорчики! — вмешался командир, плохо понимая, о чем шепчутся эти «куклы», ведь всего пару часов назад они были готовы сгрызть друг друга. Вот, ведь бабы! А еще говорят, что женской солидарности не бывает. Натё, пожалуйста — спелись!

— Слушаюсь и повинуюсь, господин! — съязвила Карина.

— Неверный ответ. Надо говорить — товарищ...

Здоровячок замялся, чуть не выказав свое воинское звание. Он давно лишился всех регалий за отступничество и неповиновение, но иногда его солдафонское прошлое все же перло наружу.

— Для вас — Михаил, а если подружиться — Миша, — представился он.

— Медведь! — не сдержалась Тина, любовно изучая восхитительную мужскую фигуру с крепкими мускулами.

Михаилу явно ее внимание льстило, поэтому он тоже с интересом поглядывал в ее сторону, мельком и как бы из-под ресниц.

Тина тут же не замедлила воспользоваться положением фаворитки и не прояснить обстановку. Любой здравомыслящий человек не выдержал бы неизвестности. Это просто вид пытки какой-то, причем изоощренной.

— Миша, мы где? — выпалила она и приняла, по ее мнению, соблазнительную позу. Улыбка во весь рот.

Настроение командира-Михаила резко сменилось. На дух не выносил выскочек, которые все время норовят совать нос, куда не следует. Да и с женщинами ему как-то не везло. Решил проучить нахальную девицу!

— С какого перепуга ты в друзья ко мне попала? Закрой рот, не то зубов не досчитаешься!

Михаил упивался своей властью. Широко расставив ноги, убрав руки за спину, он ожидал ответной реакции, по сути, провоцируя на конфликт. Ему всего-навсего хотелось поразвлечься, испытать девчонку на прочность.

— Все, с меня хватит! — закричала Тина, — чего тебе надо?

Ее глаза бешено горели. Она свернула кулаки, не желая сдаваться без боя. Еще секунда и Тина-пантера готова к прыжку. Обычно так и поступала, когда заканчивались бранные слова, и наступала решающая фаза разборок, и пофиг, что перед нею соперник в разы превосходящий ее, как по силе, так и по росту.

— Не кипятись! — вполне миролюбиво ответил Михаил и улыбнулся. Определенно девушка зацепила своей отвагой и невероятной горячностью. «Мы с ней так похожи!» — внезапно пришло на ум.

У Тины спесь мигом улетучилась. Не зря предупреждала, что влюбилась. Невероятное ощущение, когда бабочки порхают в животе.

— Я не кипячусь, просто хотелось ясности. Привез неизвестно куда, можно сказать, силой удерживаешь, а зачем не объясняешь. Это нечестно.

— Понимаю, поэтому и не сержусь. Девушки вы хорошие, воспитанные. В отличие от остальных ведете себя культурно: не оскорбляете, не пытаетесь поцарапать или плюнуть в лицо.

— Остальные? Мы, что не одни такие?

— Отдохните, выпитесь. Завтра все узнаете. В нашей любимой стране принято все дела откладывать до утра.

В середине парковой уютной зоны, тротуар уперся в центральное здание казармы.

— Пункт назначения, — указал Михаил на двери одноэтажного здания, мало чем отличающегося от соседних.

— Мне здесь не нравится, — сделала вывод Карина.

— Это еще почему? — не понял Михаил.

— Интуиция.

— Не попробуешь, не узнаешь! Интуиция — вещь призрачная. К примеру, я не верю ни в черта, ни в провидение, привык полагаться на то, что вижу и слышу, а еще лучше — могу потрогать руками. Проекция вашего воображения годятся лишь для запудривания мозгов.

— Даже если вы правы, меня не спросили. Неужели нельзя было с самого начала определить цель. Вдруг я была бы согласна приехать сюда по собственной воле.

— Нужно было наверняка. Ты бы взяла время на раздумье, не факт, что согласилась бы с условиями.

Михаил обтер ладонью бритую голову

— Есть еще один пункт, — добавил он.

— Секретность, — догадалась Карина.

— Умница. Никто не должен знать об этом месте.

Карина поморщилась. В отличие от Тины, мужчина вызывал у нее неприязненное отношение, тем более после «теплого» знакомства с его кулаками.

Михаил открыл двери казармы и пропустил их вперед себя. Девчонки оказались в длинном узком коридоре. Внутри помещения пахло сыростью, застарелостью сперттого помещения и еще чем-то неприятным, похожим на пресловутое общажное учреждение.

— Почти как дома, — призналась Карина.

Ей не привыкать к ароматам казенных стен, насквозь пропитанным безнадегой.

— Рад, что тебе нравится, — усмехнулся Михаил, — хотя, признаюсь, думал, что ты бездомная.

— Детдомовская я, — напомнила Карина, — у меня всегда был дом.

— И сотня жильцов в нем, — дополнил Михаил скороговоркой.

Карина еще раз убедилась: Михаил — отвратительный тип, с отсутствием чувства юмора. Скорее, его юмор больше походил на издевки. Поэтому она не стала развивать тему.

Прошли вперед по коридору с нескончаемой вереницей дверей, за которыми ни звука.

— Тсс! Все уже спят, — предупредил Михаил, прикладывая указательный палец к губам.

Только старые половицы были иного мнения и отзывались на их шаги противным скрипом.

— А вот и ваши апартаменты-люкс! — открывая дверь, обозначил Михаил.

— Я не пойду, — заартачилась Тина, чувствуя что-то неладное, — мне здесь не нравится.

Михаил не стал вести церемонию уговора и втолкнул обоих внутрь.

— Спокойной ночи, куколки!

Чмокнув от души свою широкую ладонь, он отправил им воздушный поцелуй.

— Не скучайте. Завтра я вас навещу. Особенно ты, — указал он на Тину.

В замочной скважине с обратной стороны дважды повернулся ключ, а после наступила абсолютная тишина: ни шорохов, ни стуков. Девчонки слышали только свое беспокойное дыхание.

— Тин, мне немного страшно, — призналась Карина.

— Я никому не позволю обидеть тебя.

— А я — тебя.

И больше ни одного лишнего слова. Молчание, порой говорит куда красноречивее.

Крепким узлом связались две их судьбы с того самого момента, как они оказались взаперти в фургоне — подружки по несчастью.

Ночевали в тесной каморке, на некоем подобии постелей — жесткие неудобные дощаные полки, ставшие испытанием для спины. Карина вертелась, как юла, пытаясь выбрать удобное положение. К тому же после драки с Тиной остались синяки и царапины, которые давали о себе знать. Карина потрогала рассеченную губу, начинающую опухать.

— Не спишь? — прошептала она в темноту.

— Не-а, — тут же ответила Тина.

— Все тело ломит, будто под каток попала.

— Прости, не рассчитала. Но и ты виновата, у меня в подреберье ноет, губа разбита, в носу кровь запеклась.

— Ерунда, заживет. Не в первый раз. Да, и не в последний, пожалуй.

— Есть хочу! — созналась Тина, — жлобы, могли бы супа налить! Живот свело, аж палит.

Ночь — время нечистой силы и мрачных помыслов, доводящих до кошмаров. Подружки не смогли сомкнуть глаз, да и как это возможно, когда впереди ожидает невесть что. Они тихонечко обсуждали прошедший день, делились догадками, даже самыми страшными по поводу дальнейшей участи.

Ситуация патовая, но Карина — боец и никогда не сдавалась и не прогибалась под чужое мнение. В любом случае, она надеялась, что ей удастся сбежать.

Лишь рассветные лучи коснулись окна, с грубой металлической решеткой, с обратной стороны началось движение. Хлопали двери, слышались голоса. Карина пыталась услышать хоть что-то важное, прислонив ухо к двери.

— Ни минуты не спала, — сообщила Тина, вытягивая руки, — все болит, будто палками били.

— Сюда идут! — заметила Карина.

Замочная скважина ожила и в дверном проеме появилась миловидная женщина средних лет в белом халате. В ее светло-серых глазах не было и намека на ожесточение или равнодушие. Пару минут она оценивающим взглядом осмотрела девочек, после осуждающе покачала головой. По всей видимости, ей не понравилось увиденное, потому что она сурово сводила брови и морщилась.

— Неряхи! — наконец сделала она вывод, — никакой гигиены. Мыться срочно!

— Накормили бы сначала, — укорила Тина.

Она всю ночь до утра твердила о тарелке супа.

— Грязных не кормим, — последовал ответ.

— Лев немытыми лапами быка съедает, — продолжала сопротивляться Тина.

Женщина рассердилась. Она не привыкла, чтобы ей возражали.

— Я медик, а не ты! Мне лучше знать, что делать. Инфекции вашей только не хватало. Сначала вымоетесь, пройдет обследование, а уж потом разговоры о еде вести будем.

— Какое обследование? — зашипела Тина, — идите — ка товарищ медик лесом. Не дамся я! Карин, чего молчишь, скажи ей!

Карина пока что была лишь наблюдателем в странном диалоге, но целиком и полностью поддерживала позицию подружки. Становиться подопытным кроликом не хотелось, а в слове обследование слышалась угроза.

— Нет у нас заразы. Можете не проверять, — со знанием дела подтвердила Карина.

Медосмотры регулярно проходим — педикулез, чесотка, инфекционные и карантинные.

- Удивительно. Откуда такая уверенность?
- Справка в общаге имеется. Могу слетать. Ежегодно — диспансеризация, анализы.
- Отставить! — услышали они знакомый голос. Михаил пришел на выручку работнице красного креста и белого халата.
- Не церемоньтесь с ними, Клара. Они только силу понимают.
- По-хорошему хотелось, — выдохнула женщина, — дети ведь.
- Эти дети убьют, не раздумывая.
- У вас свои методы, у меня — свои. Девчонки голодные, а вы не позаботились.

Прямое нарушение обязанностей. Не мне напоминать вам.

- Голод — это хорошо! Бодрит.
- Куда лучше! — продолжала возмущаться медичка, — заморить и дело с концом. Язва желудка, гастрит. Слышали о таких
- Не преувеличивайте. А то я себя монстром чувствую.
- Замечательно! Значит не все потеряно в вашем случае.
- Не понял? — обиделся командир.
- Пустая трата времени. Пройдемте за мной, девочки.

Обследование было скорым и не таким страшным, как подружки нафантазировали. Конечно, неприятно, когда тычут иглой в вену, но не смертельно же. К тому же у медички Клары оказалась очень легкая рука.

В большом помещении, обустроенном в виде зала совещаний, собралась интересная компания. Все бы ничего, только ребята пребывали в шоке от созерцания давно ушедших в небытие символов эпохи построения коммунизма. Стенды в кумачовом цвете, чудом сохранившиеся в идеальном состоянии гласили о праведности морали, выражали истинные ценности пионерии. В довершение — фотопортреты вождей мирового пролетариата на парадной стене, вымпелы за достижения в социалистических соревнованиях и алый стяг в развернутом виде.

— Музей, — дала характеристику Карина.

— Нафталин, — не согласилась Тина.

Михаил разминался. Видимо от обилия лишней энергии, он не мог стоять на месте. Вот и сейчас, он мерил шагами комнату, изрекая на ходу:

— Слушай сюда, группа номер шесть!

Но довести мысль до конца ему не позволили.

— Пургу гонишь, господин начальник, — оголосился бритый налысо парень, выходя вперед.

Храбрец. Тут же его встретил сильный удар наотмашь, сваливший с ног.

— Тупым слова не давали! — заорал Михаил, — обращайся по уставу.

Парень поднялся, вытирая ладонью разбитую губу. Сплюывая кровь на пол, он, встряхнул головой:

— Можно и по уставу, — процедил он и ударил в челюсть обидчика.

Михаил покачнулся, но устоял.

— Молодец! — похвалил он, — достойный ответ. Уважаю! Но в следующий раз обязательно череп сломаю, прежде чем протянешь свои ручонки.

Потом, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Группа номер шесть, становись в шеренгу, будем смотреть: «Ху из ху?». Понабрали дебилов, а мне дрессировать!

Михаил несколько раз произвел осмотр построения. По его недовольному лицу было видно, что дело — дрянь!

— Куда мир катится? — разговаривал он сам с собой, — ни одного приличного бойца.

Тина дернула Карину за руку и прошептала:

— Почему группа номер шесть? А где остальные пять?

— Разговорчики! — пробасил командир, приблизился к девушке и тихонечко прошептал на ухо:

— Остальные пять самоликвидировались. Еще вопросы есть?

— Есть... И не один. Кто ты, мать твою! Чего выпендриваешься?

— Не переходи на личности. Не то я напомню тебе, где твоя мамаша.

— Послушаю с удовольствием, — вновь закусила Тина.

— Мы собрались здесь, не для того, чтобы трясти ваше грязное белье. По правде — плевать и на вас, и на вашу родню. Команда формируется, чтобы выполнить задачу, только и всего.

— Армия? — спросил парень, только что получивший урок.

— Нет. Спецотряд быстрого реагирования. У каждого своя роль. Подпишите договор, только и делов. У нашей организации все серьезно и документально зафиксировано.

— А если не подпишем? — не унимался обиженный парень.

— Куда вы денетесь? Еще не один до вас не отказался. Обеими руками за. Перспективы радужные, а отказ влечет за собой неприятные последствия.

— Говори проще — мочить будете, — раздалось сзади.

— Если придется, будем, и не только мочить. Вялить, сушить и развешивать. Договор подписали, и назад пути нет. Соглашайтесь.

— А наша выгода? — поинтересовалась Карина.

— Тебе бы только о прибыли рассуждать. Обещаю: деньги рекой, бандитская романтика.

— Хорош, басни рассказывать, — вновь вышел вперед парень с разбитой губой, — не умеешь ты людей убеждать.

— Даю пять минут на размышление, — голосом рекламного зазывалы начал командир. В его руках оказались листы бумаги с напечатанным текстом.

Новобранцы шестой группы дружно зашумели. Никто не собирался ничего подписывать. Время сейчас такое, подпишешь, а, вдруг это согласие на донорство внутренних органов. Не успеешь глазом моргнуть, окажешься на операционном столе под наркозом, с одной почкой, без глаз, с половиной печени или вообще разобранный на запасные части для богатенького заказчика, умирающего от смертельной болезни.

— Надо брать ноги в руки и валить скорее из этого места к чертовой бабушке, — объявил все тот же смельчак.

— Не льстите себе, что вы особенные, — продолжил командир, — найдутся другие добровольцы.

— Добровольцы для чего? — не выдержала на этот раз Карина.

— Для красивой жизни. Там за забором, вас ждет в лучшем случае нищета, в худшем тюрьма, в самом худшем — безвременная смерть от передоза. Все в конечном итоге шляются по притонам, занимаются проституцией, в том числе и мужской, чтобы заработать пару тысяч на бухло.

— Запугал совсем, — раздался мурлыкающий женский голос сзади.

Новобранцы обернулись. Перед ними стояла необыкновенной красоты женщина. На первый взгляд было трудно определить ее возраст. Ухоженная до кончиков ногтей: эффектный макияж, подчеркивающий выразительные глаза, строгая прическа, в которой каждый волос уложен с особой тщательностью. Незнакомка приветливо улыбнулась, чем сразила наповал всех присутствующих.

- Давайте знакомиться. Я — Алевтина Игоревна. Прежде, хочу извиниться, что доставили сюда не по вашей воле, но иначе нельзя, ведь это место находится в секретной зоне.

Группа за номером шесть замерла в молчаливом созерцании совершенства. Тем временем Алевтина Игоревна загадочно вздохнула и продолжила:

— Может мои объяснения окажутся понятнее? В двух словах: вам повезло стать великими солдатами невидимого фронта Огромная честь — встать на защиту слабых, и при этом заработать кучу денег.

— Заманчиво! — проговорила худенькая блондинка Светка, оказавшаяся здесь, как и все остальные, по принуждению. Ее вообще привезли в это незнакомое место с черным

мешком на голове.

Светка никогда не отличалась кротким нравом и предпочитала лезть на рожон.

— Чует мое сердце, что это мышеловка, — предположила она.

— Не волнуйтесь, мышки, останетесь в живых, — пошутила Алевтина Игоревна, — а если, научитесь пускать в ход зубки, будете каждый день кушать сыр в неограниченном количестве.

— Что мы будем делать? — не унималась Светка.

— Разное, — спокойно ответила женщина, — зависит от обстоятельств: шпионаж, слежка и тому подобное. Все зависит от способностей каждого из вас. Кто-то дерется, как бог, кто-то может красть, а кто-то и вовсе способен на все.

— Почему мы?

— Вы уникальны по своей природе, а главное — одиноки, значит, не имеете слабых мест, которые можно трактовать не в вашу пользу. А так, никаких обязательств перед родственниками. Представьте, что вас взяли в заложники, а откуп брать не с кого, шантажировать нечем, да, и давить не на что. Есть только одна личность, независимая ни от кого.

— Давайте ваши бумажки, я подпишу, — перебил бритый парень с разбитой губой, — на воле я много дел наворотил. Отсижусь, пока кипеж не уляжется. Пусть полиция жопу рвет, пока я в зоне недосягаемости. Пройдет время, и они забудут обо мне, а я тут, как тут, и новые приключения со мной.

Все это время Карина оценивала свои шансы на побег. Самое дорогое — вожаемая свобода. Инстинкт самосохранения выдал неожиданное решение:

— Я согласна, — звонко сказала она. Лучший вариант из возможных: притвориться послушной девочкой, выждать нужный момент, а там... все равно она сбежит, чего бы ей это ни стоило.

— Умница! — похвалила ее Алевтина Игоревна, — надеюсь, у остальных хватит здравого смысла поддержать эту смелую инициативу.

— А то что? — вызывающе взвизгнула нервная девица Динка, стоящая все время поодаль, — расстреляете, без суда и следствия?

— Если будет нужно — пожалуйста, — все так же спокойно ответила женщина, — каждый из вас здесь не случайно. Отбор проводила серьезная комиссия. Вот, к примеру, ты... — Алевтина Игоревна указала наманикюренным пальчиком в толпу.

— А что я? — перебила бойкая Светка, улавливая, что речь пойдет о ней.

— Разбойные нападения, грабежи, сбыт краденого. Срок на зоне за обворованную хату, группой лиц по предварительному сговору. Освободилась полгода назад. Продолжать?

Светка взвилась, поражаясь осведомленности Алевтины об ее личной жизни:

— Вот, именно, освободилась. На казенные харчи не хочу, нахлебалась досыта. Так что не заливай мне. Чем ваше заведение отличается от других? Все тот же хозяин, камеры, решетки на окнах, параша в углу, баланда на обед.

— Не заливаю. Подумай сама, ты же, как былина на ветру: одинокая, всеми забытая. Ты еще хочешь отомстить ему?

Светка напряглась:

— И это знаете?

— Досье читала.

— Поможете? Я должна этого урода на «перо» посадить, провернуть в печенке, чтобы

он пищал, как сука тек, а я бы смеялась ему в лицо.

— В нашем арсенале, как раз имеется острый кинжал, тебе понравится. И он твой, заметано.

— По рукам, — загорелась идеей Светка.

— Предлагаю остальным не сомневаться в выборе, каждый из вас обижен судьбой. По правде сказать, слезы по вам лить некому. Я привыкла называть вещи своими именами, если вас не станет, никто и не заметит. Наша организация даст вам шанс жить на пике возможностей. Вы сможете безнаказанно делать то же самое, что и раньше, только под надежным прикрытием. Терять вам нечего, кроме своих копеечных жизней.

— Да, уж, хватит бегать, — Светка поддержала Алевтину Игоревну.

К вечеру этого же дня группа за номером шесть добровольно начала существование. Каждый из участников команды подписал договор, не читая, а потом ушел в неприятные воспоминания, где ни одного просвета, сплошные испытания, в окружении преступных элементов. Чтобы выжить, пусть это и не оправдывало их поступки, приходилось не раз преступать рамки закона.

Почти никто и не слушал обещаний командира — Михаила, не вдавался в подробности разъяснений Алевтины, о методах дальнейшей работы. После услышанной истории Светки о жажде мести, у каждого появилось подобное стремление. У всякого имелся личный враг, оставивший глубокую сердечную рану, убить которого — заветная мечта.

Все же уловили малую часть смысла из краткого донесения все той же Алевтины: группа имеет основу для широкомасштабной деятельности в неограниченном радиусе. Это не только родимая сторона, но и ближайшее и отдаленное зарубежье. Никто порядком не сообразил ни целей, ни задач, ни поинтересовался ролью в цепи из таких разнородных звеньев. Зачем, если им пообещали шанс личной вендетты?

Карина поддалась общему порыву и подписала бумажки, которые подсунули, даже не читая. Фигня! Завтра разберется, а при удобном случае все равно смоеся. Она одиночка, такой и останется навсегда: осторожной, дикой. Знать о побеге не следует никому, поэтому делиться соображениями не стала даже с подружкой Тинкой. С остальными участниками группы в контакт не вступала, обходила стороной любопытные взгляды, не к месту заданные вопросы.

Взбалмошная Тинка, наоборот, перезнакомилась со всеми без разбору. Успела пошептаться, где-то даже перекинуться парой шуточек.

— Слушай, — шептала она на ухо Карине, — здесь интересная тусовка собралась.

— Пофиг! — отозвалась та.

— Не звезды, — одернула ее Тина, — лучше запоминай, любая информация пригодится. Вдруг тебе удастся уловить те детали, которые я пропущу.

— Зачем? Мне никто из них не понравился, кроме тебя, конечно. Никакого дела нет до их паршивого прошлого, свое девать некуда.

— Мы здесь не самые крутые, понимаешь? Любой из них может стать как другом, так и врагом.

— А ты, как я понимаю, уже в теме?

— О нас забочусь. Пошпионила чуточку.

— Ну, и что нарыла?

— Самый опасный из них — Джон.

— Тощий с хвостиком? — удивилась Карина. По сравнению с другими он выглядел

школяром: жиденский, прыщавый, больше напоминающий студента-отличника. Мир он рассматривал через очки в нелепой широкой оправе.

— Скользящий тип, опасный.

— Да, ладно, не заливай. Обычный чайник. Что-что, а в людях я разбираюсь. Он может разве что книжки читать и лекции в тетрадочку аккуратненько записывать, без ошибок.

— Тут ты не права. От Джона следует держаться подальше. Со слов знающего человека...

Тинка зачем-то хитро улыбнулась, демонстрируя особую осведомленность, а потом и вовсе подмигнула.

— На него все ставки. Чувствую, что именно он станет у нас руководителем. Стратегия, планирование, постановка задач — его функции в команде. Фишка — мозг, а не мускулы. Не то, что у остальных неандертальцев, сначала бьют, потом — рассуждают.

— Кто, например? — не поняла Карина.

— Помнишь лысого парня, который с Михаилом сцепился?

— Рома кажется?

— Неверно, Ром — большой любитель выпить, погулять. Во всех кубах города его занесли в черный список, потому что Ром в драку лезет по любому поводу, а сам тупее мухи. Отмороженный. Жажда адреналина творит с ним чудеса. Замечания, высказанные в его адрес, принимает за оскорбления, вспыхивает в момент и понеслось — лишь бы кулаками махать. Знаешь, сколько раз он за хулиганство привлекался, а ему хоть бы хны. Если где-то намечается потасовка, он в первом ряду. После очередной вылазки, залег на дно. Кажется, какому-то мажору нос сломал, несколько ребер.

Тинка в подробностях поведала обо всех членах команды, никого не обойдя вниманием. Шпионка из нее — что надо. За такое короткое время сочинила точную характеристику на каждого. Получалось, что они с Каринкой не самые выдающиеся личности. Все их шалости меркли перед «подвигами» прочих.

К примеру, Николай с детства научился стрелять. Его отец — военный, приучил не только к оружию. Военные сборы, прыжки с парашютом изучал не по страницам книг. Отец воспитывал его в духе патриотизма до тех пор, пока не распрощался с жизнью на поле боя в маленькой африканской стране. Дальше мальчик Коля без опоры и контроля покатился по наклонной, а умения применял далеко не в мирных целях. Злоба на несправедливость мира затмила его разум. словно, охотясь за выдуманным противником, он искал приключений на свою дурную голову. В его досье к двадцати годам имелось много пунктов: разбой, кражи, хулиганство, попытка изнасилования, членовредительство. Странно, что с такими заслугами он до сих пор на свободе.

На счету блондинки Светки куча ограблений, разбой и приличный срок в тюрьме. Девчонка настолько любила денежки, что не брезговала ничем. Тырила все, что плохо лежало, и достигла в этом деле верха мастерства. Не работать же идти. Быстрые деньги — легкая, веселая жизнь. Только, вот незадача: денежки имели пренеприятнейшее свойство — быстро заканчиваться, тем самым вынуждая Светку вновь и вновь выходить на промысел.

Дикарка Дина в свое время возглавляла преступную группировку, занимающуюся сбытом краденого. До тех самых пор, пока делилась с партнерами по бизнесу. Но однажды ее «задушила жаба». Отложила себе кубышку на черный день. Мечталось о домике у моря в теплой заграничной стране, обязательно чтобы с бассейном, стеклянной верандой и шикарным видом на экзотические пейзажи. У партнеров имелись свои потребности, где

Динкиного домика в списках не значилось. Люди серьезные, грехов не прощающие. Динка ударилась в бега, напоследок обнуляя счета и подставляя своих же людей под удар. Каждый в родном районе мечтал поквитаться с ней — и прежние друзья, и враги. От тех денег после года скитаний не осталось и воспоминаний, потратились слишком быстро на съемные квартиры, еду, выпивку. Умишка у нее не хватило сделать пластику, сменить паспорт, оттого, загнанная в угол, вздрагивала от каждого шороха за спиной. Последнее ее убежище, опять же, с ее слов — заброшенка на окраине. Там в компании бомжей она грелась у костра и пила горькую из общей бутылки, ночевала в горе мусора.

Группа за номером шесть представляла собой гремучую смесь. Достаточно маленькой искорки и случился бы взрыв. И лишь одна парочка выпадала из общей обоймы. Они и держались особняком.

— А эти? — кивнула в их сторону Карина.

— Особый случай — Вика и Виктор. Даже говорить неохота.

С виду приличная парочка в дорогой фирменной одежде всегда стояла поодаль от остальных, как бы наблюдая со стороны. Иногда казалось, что они ощущают свое превосходство. В их надменно-холодных глазах не выражалось никаких эмоций, кроме одной — пренебрежение.

— Пара? — поинтересовалась Карина, продолжая рассматривать странную парочку.

— Ни в коем случае, — хитро усмехнулась Тина, внося загадку.

— Не томи.

— Вика — эскортница.

— Да ладно, проститутка. Она то, что здесь забыла, не ее же профиль?

Тинка осуждающе покачала головой:

— Карин, ты же не из полиции нравов.

— Ты права, но если честно, я против подобного отношения к собственному телу. Неправильно это, мерзко. Да, и как Виктория собирается становиться солдатом, она же не умеет драться.

— Виктория необыкновенная, ей не придется драться. Она сама по себе оружие.

— У нее что когти или она вампир?

— Ты читаешь много сказок. Все куда прозаичнее — Вика больна.

— Заразная? — всполошилась Карина, понимая, к чему клонит Тина.

— Для тебя — нет, если ты не предпочитаешь девочек.

Каринка смутилась, услышав от подруги неприятную фразу, будто та подозревает ее в порочащих связях.

— Не предпочитаю я никого, ни девочек, ни мальчиков, — надулась она.

— Извини, сдуру сболтнула, ради шутки. Обещаю, больше не буду.

— Плоские у тебя шутки, — сделала Карина выговор, — Что за болезнь такая у Вики, что тебя тянет на подобные высказывания?

— Вика несет смерть. Одна ночь с этой чудо-красавицей и клиент в списке.

— В каком списке? — не поняла Карина.

— На выбывание. Помаешься годок-другой и на небеса или в ад, впрочем, всем прелюбодеям туда дорога.

— Слышала про таких, рассказывали девчонки в общежитии.

— Одно дело — слышать, теперь в реале посмотри. Вика прекрасно понимает обреченность скорой гибели. Здесь она, чтобы воспользоваться положением в корыстных

целях. Лично для нее даже деньги не важны. Скорее всего, у нее другие мотивы.

— Думаешь, отомстить хочет?

— Скорее всего, тому, кто заразил ее и лишил шанса на мечту. У всех жриц любви есть мечта. Ты знала об этом?

— Откуда? И что это?

— Все, как у всех: счастливая семья, муж, детишки, милый уютный дом с домашними питомцами, пироги по воскресеньям, Новый год у елки и куча всего, чего они были лишены.

— Думаешь, ей страшно? По виду, она невозмутима.

— Конечно, страшно, но с нею верный друг. Всегда рядом, тенью за спиной.

— Виктор.

— Он из ее среды, когда то, почти в одно время, они вышли на улицу для заработка. Их услуги высоко ценили, от клиентов отбоя не было.

— Клиентов? Я не ослышалась?

— Виктор — особенный. Ну, ты понимаешь...

Каринка вновь покраснела от смущения.

— Понимаю... А он тоже заразился?

— К счастью нет. Беда миновала.

— Как же его можно использовать?

— Не обязательно трясти мускулами, учить единоборства. У некоторых сила в их слабости. Ты только посмотри, насколько Виктор красив! Обязательно имеется причина, по которой он оказался среди нас.

— Стоп! Мы здесь не вписываемся, — сделала вывод Карина.

— Я тебе это твержу не в первый раз, а ты не слушаешь. За нами вообще ничего подобного не значит. Не бандитки, в прямом понимании слова. Все шалости — детский лепет.

Невыразимый словами, обмен взглядами, означал, абсолютное согласие между подругами.

— Карин, я побежала, — наконец, нарушила молчание Тина.

— Держи меня в курсе.

— Само-собой.

Тинка круто повернулась, высматривая интересного собеседника. На этот раз, она направилась прямой наводкой к командиру-Михаилу. Ее постоянно манило к нему, будто магнитом.

Карина открыла блокнот и уставилась на чистый лист, взяла в руки карандаш. Их она стащила из медицинского кабинета, когда проходила мимо. Ей нужнее. «Так... так....» — повторяла она, стараясь вспомнить имена всех членов команды. Нелепая, но в то же время полезная привычка фиксировать содержание любого важного события в письменном виде. Закусила кончик карандаша, пытаюсь сосредоточиться.

Всего пара строк, которая впоследствии дополнится, перепишется. Каринке нравилось ставить отметки на полях, как бы комментарии от своего имени. У нее было достаточно времени, чтобы сделать логические выводы, а на их основании составить общую картину — взгляд со стороны.

Ну, а пока в ее записях значилось: Кристина — Тина, почти псих, но подруга; Вика — спидоноска; Виктор — гей; Светка — беспринципная тварь, любящая деньги, срок за грабеж квартиры; Ром — любитель выпить, крепкие мускулы, беспредельщик-задира; Ник —

меткий стрелок, хладнокровный ублюдок; Дикарка Дина — преступная группировка, скупка краденого, скрывается от расправы; Джон — скользкий тип, компьютерный гений.

В конец списка она мечтала добавить свое имя. Долго думала, что бы такого написать, чтобы получилась правильная характеристика, но, к сожалению, кроме имени — ничего. Может: хулиганка, спортсменка, лгунья, мелкая воришка?.. Все не то. Странно, но чтобы она не думала о своей персоне, выходило обидное — детдомовская брошенка, дворняжка.

Неприятно усмехнувшись внутреннему состоянию, Карина написала лишь свое имя, тире и ничего больше. Спрятала блокнот в карман толстовки, на всякий случай, застегнув молнию, туда же отправила огрызок карандаша. Ее зубы усердно поработали, пока голова размышляла. Дурная привычка.

Ее вновь осенило: если отбросить сожаления о собственной никчемности, в сравнении с яркими личностями и основываться на здравом смысле, она — единственная, кто оказалась здесь по ошибке. Шабаш лиц с непредвиденной социальной ответственностью именно для нее окажется тяжелым испытанием. «Сбегу!» — вновь повторила она.

Михаил, спозаранку собрав группу у стенда с достижениями комсомольцев в ознаменование двадцатого съезда партии, назначил новое правило сосуществования.

— Мальчики и девочки отдельно. Никаких шашней! Ля Мур под запретом. Узнаю, приму меры.

— Интересно, какие? — тут же встряла Тина.

— Скажу прямо, поркой вы не отделаетесь. Минимум — карцер, чтобы остудить любовный пыл, максимум — расстрел.

— Опять шутка? — Тинка кривлялась, чтобы привлечь внимание Михаила.

— Никак, нет. Но тебя бы я выпорол первой.

Тинка сияла, и готова была мурчать от удовольствия.

Ром, заметивший для себя объект для ухаживаний в виде Светки, манерно строившей глазки, хмыкнул:

— Поздняк! Я, кажется, влип.

— Она ж, змея! — не согласился с выбором командир, — проглотит и не поперхнется! Опомнись, пока не поздно.

— Пусть глотает, я не стану возражать. Она такая...

— Какая?

— Самая лучшая: красивая, сказочная и понимает меня с полуслова. Я когда ее вижу, у меня скулы сводит от радости.

— Да, ты втюрился, — рассердился Михаил.

— Тебя это не должно трогать. Шел бы лучше палубу драить, или новичков по газонам гонять. Моя личная жизнь тебя не касается.

— Будем считать, что я ничего не слышал, — предложил Михаил. Настроение его портилось с каждой минутой. — Никаких амуров при делах! Уяснили? Это всех касается. А ты...

Михаил подошел вплотную к Рому и повторил еще раз:

— Опомнись. Не о себе, так о ней подумай. Светка первая попадет под раздачу «пряников».

— Подумаю, — сдался Ром, лишь для того, чтобы закончить неприятный разговор.

Только предупреждения Михаила пролетели мимо ушей. Изгоям, привыкшим вешать лапшу на уши, не в диковинку изворачиваться. Между двумя голубками Ромом и Светкой пролетела искра, та самая, которая разожгла яркое пламя страсти. Мало того, что любовники уединялись в самых непредвиденных местах, они перестали скрывать романтическое увлечение.

На замечания они реагировали, как нашкодившие котята, слизавшие сметану, и по их сияющим лицам становилось понятно, что бурный роман развивается со стремительной скоростью. От мимолетных взглядов можно было спички зажигать.

Светка-приспособленка по зову инстинкта самосохранения, выбрала сильную спину, за которой удобно прятаться в случае опасности. Она давно усвоила законы выживания в любой ситуации и просчитывала ходы наперед. Сразу же, после первого знакомства с Ромом, она оценила выгоду дружбы с крутым парнем. Не впервой водить за нос особой

мужского пола, падких на приключения. Психология, изученная не по книгам, а по жесткому житейскому опыту: соблазнительная улыбка, томный взгляд из-под ресниц, и очередной кандидат готов.

У Светки на то имелись веские причины. В предыдущей жизни хватало места для адреналина по полной программе. Таких, как она в простонародье называли Клофелинщицами. Она ничуть не чуралась древнейшей профессии, поэтому в ее личном деле в районном отделе полиции значилось: проститутка, применившая сильнодействующий наркотик для усыпления жертвы для последующего ограбления. Грабила Светка порой из алчности, а порой из-за отвратительного и непонятного чувства азарта. Иногда пара сотенных, добытых изощренным способом, стоили гораздо дороже увесистого бумажника набитого купюрами.

Обычно промысел она начинала ближе к полуночи, когда пьяные посетители ночных клубов находились в нужной кондиции. Опытным взглядом оценивала она прикид жертвы, следила за наличием дорого телефона, часов и на то, как кент сорит деньгами, заказывая элитный алкоголь. Следующая задача — оказаться на жилплощади, выбранного объекта. С этой проблемой она мастерски справлялась, проявив все обаяние и природный дар женственности: милая улыбка, заинтересованный взгляд, демонстрация соблазнительного декольте или разреза на юбке, открывающего аппетитную ножку. Мурлыкая кошечкой, она подсаживалась к уже самостоятельно подготовленному мужчине:

— Не угостите даму зажигалкой? — певуче начинала она беседу.

Кент поднимал затуманенные глаза и замечал перед собой эталон красоты.

— Всегда, пожалуйста, — радостно отзывался он, рассчитывая на сексуальные приключения.

Зачарованные простакки угощали Светку выпивкой, и заставляли слушать нудятину о неудавшейся личной жизни. Она же, ловко маневрируя измененным сознанием, заставляла влюбляться в нее с первого взгляда. Шаг, еще один, и вот, она под руки выволакивает кента из такси возле подъезда его дома.

Зачастую ей приходилось вступать с ними в интимную связь, лишь для того, чтобы усыпить их бдительность. Незаметно Светка подсыпала в вино или шампанское клофелин, а после открывала дверь двум своим подельникам, обносившим квартиру дочиста. Эта схема работала всегда чисто и без сбоев. Наутро кент не мог вспомнить ни имени, ни внешности ночной подружки, чтобы составить фоторобот. Да, и в полицию идти стыдно: обычно у любителя приключений имелась вполне благополучная семья. Стать посмешищем в глазах жены, детей, не дай бог, презентабельных коллег — смерти подобно. Своей мелкой шалостью можно было поставить крест на карьере, общественном положении. Что ни говори, менталитет народный определил ценности норм поведения и морали не в пользу прожигателей жизни.

Однажды Светке несказанно повезло — она познакомилась в «Бессоннице» с мужчиной по имени Костя. Эффектный брюнет в дорогом костюме, швейцарскими золотыми часами Breguet на левой руке и портфелем из настоящей крокодиловой кожи сразу же привлек ее внимание. Греческий профиль, ухоженное лицо, холеные руки. Светка тогда впервые залюбовалась на длинные пальцы мужчины, украшенные обручальным кольцом. Шлейф аромата от модного парфюма, окутал свежестью с легким ароматом мандарина и хвои.

«Бинго!» — прозвенело у нее в ушах. Сегодня она сорвет свой главный куш!

Костя был слишком податлив и щедр, предлагая ей выпить за любовь. Светка, к своему

удивлению, считала его симпатичным и слишком сексуальным. Именно такой Аполлон занимал ее девичьи мечты, когда она витала в розовых мечтах, пока реальность звонко не шмякнула ее по красивой щеке. Провинциалка. Лимита. Колхоз...

Светка вела себя в этот раз достойно, отвергая предложение продолжить знакомство в мотеле, на противоположной стороне улицы. Ей как никогда ранее, хотелось увидеть квартиру Кости, по всей видимости, до верха наполненную бабками.

— Я порядочная девушка, — заверила она Костю, глядя прямо в его глаза.

— Тогда, может, ко мне?

Она еще минуту поломалась и сдалась.

— Я припудрю носик? — отпросилась она в туалет.

— Оплачу счет, а ты...

Костя притянул Светку за подбородок и чмокнул в кончик носа:

— Не задерживайся, уже скучаю.

Виляя бедрами, роковая красотка скрылась за дверями дамской комнаты.

— Витек, — прошептала она в трубку, — клиент готов, выходим.

— Чего-то ты сегодня долго возишься? — пробасил мужской голос с противоположной стороны.

— Не сердись, котик. Ты бы видел, какой «жирный гусь» попал в сети.

Светка нажала на отбой, улыбнулась, в предвкушении похвалы от своего нынешнего бой-френда. Нрав у него, конечно же, жесткий. Мог без повода и пощечину вклеить, и нос разбить, зато любил ее до жути. Рядом с ним, она как собачонка цепная, скулить готова, хвостиком махать.

Вернувшись к стойке, Светка включила кокетку: поправила волосы, облизала пухлые губы. Зря. Костя, изрядно накачанный, едва стоял на ногах.

— Ты... мы... я... — пробубнил он, заплетающимся языком.

— Идем к тебе, — напомнила Светка.

— Не-а, — замотал он головой, — не сейчас.

Костя опрокинул полную рюмку виски себе в рот, и заказал еще одну.

У Светки внутри похолодело. Непонятно почему заартачился этот красавчик. По опыту предыдущих историй, она уже представляла, как Витек скрипит зубами, после чего она летит в угол, ударяется затылком и вырубается. Операция накрывалась «медным тазом», если Костя задумал зависнуть здесь до закрытия.

— Идем, котик, — промурлыкала она.

— Куда?

— К тебе.

— А ты, я понимаю, согласна на все?

— Все, что пожелаешь. И, может быть, чуточку больше, чем заслуживаешь.

Костя смачно целует ее в губы, размазывая помаду.

— Проверим, — недоверчиво бросает он, — пошли.

Светка обнимает его за талию и увлекает к выходу.

— А ты тяжелый, — возмущается она, когда Костя, мотнувшись, опирается на ее плечо.

Ночной город чуть освежает прохладой. Улица наполнена яркими переливающимися огнями, звуками и парочками, отчаянно целующимися на всех лавочках. Наступает совершенно другая жизнь, в которой иные правила и своя атмосфера.

— Красота! — объявляет Костя, еще крепче наваливаясь на плечо хрупкой Светки.

— Стой, не падай.

Все же работа с пьяным клиентом имеет много минусов. Но грех жаловаться, с их подачи Светка кормилась не один год.

Тут же, словно по волшебству перед ними открывается дверь такси. Пятнадцать минут, и они на месте. Костя неожиданно ведет себя, как абсолютно трезвый человек — выходит из такси, открывает перед нею дверь.

— Светлана, милости прошу в мои скромные апартаменты.

Скромные?! Светка чуть не присвистнула, когда вошла в квартиру. Вот, ведь — пруха! Выбранный клиент оказался владельцем хорошо упакованной трешки, в которой было предусмотрено все для шикарной жизни: евроремонт, джакузи, разнообразнейшая бытовая техника, вещи европейских дизайнеров. Она рот раскрыла, наблюдая обилие картин, ваз, статуэток и прочей красоты расставленной по всей квартире. Сразу же перевела все в денежное измерение, подсчитывая, сколько они с Витьком могут получить на карман.

Включив расслабляющую музыку, Костя предложил потанцевать. По всей вероятности он задумал романтический вечер, зажигая свечи, наполняя бокалы вином и угощая ее экзотическими фруктами.

«Почему бы и нет?» — задала она сама себе вопрос, наслаждаясь приятным обществом. Наверняка знала, что он завтра не только имени ее не вспомнит, но и с трудом сможет описать детали ее внешности. Клофелин обычно выключал память начисто. В этом деле главное — правильно рассчитать дозу, а у нее опыта в этом, хоть отбавляй. Бокал игристого вина, плавная мелодия, и вот она в плену романтики.

Костя захватил ее губы, напрочь лишая рассудка. Она мигом поплыла, поддавшись его страсти.

Костя стянул ее блестящее в пайетках платье, одним движением расстегнул лифчик и сбросил его, обхватывая обеими руками вывалившиеся груди. Потом нагнулся и с силой впился в сосок. Его руки тем временем уже стягивали кружевные трусики.

Чистое желание свело Светкино тело судорогой. Костя нежно мям ее груди, дразнил пальцами соски.

— Ты такой нетерпеливый! — чуть отстранилась она.

— Что-то не так?

— Дай перевести дыхание! Слишком быстро.

— Я даже еще не начинал, — тесно прижавшись к ней бедрами, заверил Костя.

Светка выгнула спину, притискиваясь еще ближе к его накачанному торсу. Она едва справлялась с слишком сильными ощущениями: манящий, дерзкий мужской парфюм щекотал ноздри, а неутомимые руки продолжали исследовать ее тело. Не сдержавшись, она простонала.

— Кошечка моя, какая ты горячая! — восхитился Костя.

Дернув молнию джинсов, ногами спихнул их с себя, потом так же быстро сбросил рубашку.

— А ну, иди сюда! — позвал он, увлекая Светку на ворсистый ковер.

Он ласкал губами ее грудь, а руки тем временем уже скользили по животу к гладко выбритой промежности. Светка закусил губу, чтобы не вскрикнуть под его ласками. Когда его палец мягко продвинулся внутрь между ног, она задрожала от нестерпимого желания.

— Да, — прошептала она.

— Что, да? — не понял Костя.

— Люби меня!

Еще одно влажное движение языка вокруг соска, и ее сознание смыло прочь. Стоны, в которых она не узнавала собственного голоса, вырывались все громче и чаще, а внутри все взрывалось в судорогах удовольствия. Светка извивалась змеей, чувствуя, как Костя исследует каждую впадинку с поразительной настойчивостью. Она против воли тянулась к следующему касанию, требуя еще больше. На миг она напряглась, когда Костя опустился между ее бедер. Их языки переплелись, а мускулистое мужское тело полностью накрыло ее, плотно прижимая к полу.

Тут в его руке она заметила неизвестно откуда взявшуюся упаковку. «Опасный гад! Предусмотрительный!» — пронеслось в ее уме. Трахаться с презервативом предпочитают лишь те, что боятся за свое сексуальное здоровье. Им кажется, что без подобной резиновой защиты ситуация может выйти из-под их контроля и закончится печальными последствиями. Костя умелым движением открыл упаковку зубами, вынул «защитное средство» и надел на член.

— Продолжим, — потребовал он, впиваясь в ее губы болезненным поцелуем.

Светка замерла, ожидая подвоха, заметно вздрогнула. Костя был трезв, как стеклышко. Иначе, как понимать его предосторожности. Странно, она была готова поклясться, что десять минут назад он был в бессознательном состоянии.

— Что-то не так, — спросил он, пальцами проводя по ее губам, — ты дрожишь?

Светка потянулась с поцелуем:

— Чего ты медлишь? Я не могу больше ждать.

— Ну, держись!

Костя сжал ее в объятиях, что есть силы, но тут же отступил. Снова его горячий язык двигался вместе с телом, вызывая с новой силой прежнюю дрожь. Еще один головокружительный поцелуй... другой. Светка пылала, в одном единственном стремлении — поскорее унять телесную жажду.

Умелый любовник приподнялся на локтях, пытаясь проникнуть твердой плотью в ее лоно. Светка чуть не задохнулась от скопившегося внутри нее напряжения. Ее шелковая кожа пошла мурашками, а из горла невольно раздался сдавленный стон. Костя медленно продвигался вглубь, доводя ее до исступления, чуть отступал и снова прорывался вперед, все больше ускоряясь. Светка не успела перевести дыхание, когда он вдавился в нее одним резким толчком. Она тихонечко взвизгнула от неожиданности и боли. Костю было уже не остановить: просунув руки за Светкину талию, опустил их ниже, взяв ягодички в ладони. Приподнимая ее и придвигая в такт своим движениям, он вбивался в женскую плоть, рыча раненым зверем.

Светка быстро подхватила ритм, вернулась прежняя судорога, скручивающая тело. «Еще, еще, еще!» — пульсировало в мозгу. Ее маленькие пальчики с силой впились в мощную мужскую спину, в порыве прижаться еще сильнее. С каждым новым толчком желание нарастало, принимая жестко врезающееся в нее тело. Отбросив всякое стеснение, разгоряченная она билась под ним, извиваясь и скуля. Предательское слабое тело сделалось чужим и в то же время слишком чувствительным. Крик освобождения вырвался из ее горла, когда Костя застонал над ней, и задвигался еще быстрее. Он стиснул Светку, освобождаясь от напряжения.

— А ты — хороша! — услышала она комплимент.

— В чем?

— Умеешь доставить удовольствие. Не зря я тебя притащил. Да, и тебе, кажется, понравилось?

Светка зарделась, словно школьница. Никто и никогда не упрекал ее в излишней сексуальности. Надо признать, она не отрицала, что есть у нее эта слабость. Один только Витек учил ее уму-разуму, если она смотрела на сторону. Поэтому и терпела побои, чувствуя вину за собой.

— Понравилось, — созналась она.

Тут же очнулась, вспоминая, зачем кувырывается с этим красавчиком. Эта «маленькая» проблемка заставила ее изумленно распахнуть глаза:

— Ты почти трезв, — возмутилась она, припоминая, что из клуба вывела его в полуобморочном состоянии.

— Рядом с такой тигрицей любой протрезвеет!

— Тогда есть повод выпить! Этот мир существует для удовольствий.

Костя наполнил бокалы красным вином.

— За самую прекрасную из женщин. За знакомство мы, кажется, уже выпили. И не раз.

— Точно. Но у меня другой тост.

— Весь во внимании.

— Выпьем за то, что вечно. Если ты не против.

— Не против. Только не понял, за что.

— За любовь конечно.

Они звонко чокнулись бокалами, пригубили сладкий нектар.

— Я на минуту в душ, — сообщил Костя, — не скучай.

— Не буду!

— И не расслабляйся, продолжим.

Стоило Косте закрыть за собой дверь, Светка тут же умело откупорила капсулу с клофелином и высыпала порошок в его бокал. Надо признаться, делала она это с небольшой долей сожаления, ведь она почти влюбилась.

— На чем мы остановились? — спросил Костя, возвратившись.

Светка протянула ему бокал, с опасной приправой.

— На этом.

Костя свалился с ног будто подкошенный, едва осушил опасный напиток до дна.

Светка оделась, привела себя в маломальский порядок: умылась, причесалась, поправила макияж.

— Витек, входите, дверь открыта, — сообщила она подельникам по мобильному.

Верные «друзжки» ждали в машине около дома. Она спустилась за ними, чтобы обеспечить им беспрепятственное проникновение сначала в подъезд, а затем и в квартиру. Витек и еще два товарища.

— Сучка, почему так долго? — прошипел бой-френд, — задрались ждать.

— Он никак не засыпал. Протрезвел, пришлось импровизировать.

— Опять натрахалась досыта?

Официальный сожитель при виде обнаженного Кости на диване озверел. Он залепил Светке звонкую пощечину. Впрочем, он часто учил ее уму разуму, а она молча сносила эту науку.

— Позоришь меня перед друзьями, — взревел Витек, — шалава.

Светка потеряла ушибленное место.

— Зря сердиться, дорогой! Полюбуйся-ка на хату! Год можно шиковать!

И правда, грабители оказались шокированы великолепием. Тут же стали лихорадочно выгребать всё подряд из шкафов, накидали полные сумки.

— Ключи от его тачки ищи, — крикнул один из налетчиков, обращаясь к наводчице.

— Где? — спросила Светка, оглядываясь на Витька.

— Тупая дура! По карманам! Чего стоишь, будто корова надоенная, или от траха совсем башню снесло?

Светка метнулась в прихожую, обшмонала карманы курток, пиджаков.

— Вить, ничего нет, — с опущенными в пол глазами, сообщила она.

В ее руках несколько смятых купюр, пустой бумажник.

— Тупая, — начал, было, бой-френд, но его гневная тирада оборвалась.

Словно в крутом боевике дверь распахнулась, и в квартиру ворвались люди в масках и с оружием:

— Лежать, лицом в пол! — раздалось вокруг.

Светка завизжала от страха. Не каждый день становишься участницей криминальной хроники. Подельников скрутили и уложили на пол, уткнув носами.

— Волки позорные, — надрылся Витек до тех пор, пока не получил по зубам прикладом.

— Заткнись, дерьмо! — не особенно церемонились с ним оперативники.

— Кто у вас главный? — начали допрос на месте.

И тут Витек выдал:

— Светка главная. Находит клиента, обрабатывает, потом говорит нам куда подъехать, открывает двери.

И указал на нее пальцем. Подонок.

— Дамам особенные привилегии, — сообщил мужчина в камуфляже сквозь прорези в маске.

— Мне тоже лечь на пол? — спросила Светка.

— Встань к стенке, раздвинь ноги.

Почему-то последняя фраза развеселила остальных участников группы захвата.

— Ноги раздвигать — ее любимое занятие.

Светка увидела, как с дивана поднимается Костя и мило ей улыбается.

— Козел! — закричала она, понимая, что ее развели.

— Буду рад встретиться с тобою снова, — ласково ответил Костя, — и не раз, если в тюрьме разрешат свидание.

— Кость, с тобой все в порядке? — поинтересовался боец в маске.

— Никогда не чувствовал себя лучше. Прекрасный вечер — вино, женщина мечты в объятиях. А, главное, еще одно раскрытое дело. Начальство, непременно отметит за заслуги.

— Ты же клофелина лошадиную дозу выпил?

— Еще чего! Капсулу из кармана Светки в самом начале вытащил и заменил на витамины. Она не заметила, я ж был в стельку пьян.

— Ты же рисковал, вдруг бы Светке вздумалось убить тебя.

— Пусть так, — хитро сощурился, ответил Костя, — ты бы отказался трахнуть такую сногшибательную красотку?

— Нет!

— Вот и я не смог!

Во второй раз Светка встретила с Костей в стенах следственного изолятора. Он в форме, с папкой в руках принялся допрашивать ее.

— Фамилия, имя, отчество.

— Да, иди ты.

— Так и запишем: «Отказалась давать показания».

Светка, опустив голову, ушла в несознанку. Она, все еще надеялась на поддержку криминальных связей, которыми всегда хвастался Витек.

— Организованная группа, по предварительному сговору, — продолжал Костя.

Светка молчала.

— Твой сожитель соловьем поет. Тебе на приличный срок.

— Не правда, — вспыхнула Светка.

— А, что ты хотела? Ты — основной фигурант, без вопросов, играющая ключевую роль.

Твои подельники — пешки. Привези, увезти, подстраховать.

— Я только приманка, — вырвалось у Светки.

— Ага, созрела! С этого пункта подробнее. Скостишь себе срок, накажешь плохих людей. Оказание содействия следствию заносится в личное дело.

— Иди ты! — ощерилась Светка.

Больше она не ответила ни на один вопрос, борясь с желанием броситься и расцарапать Костино красивое лицо.

— Жаль! Из нас бы могла получиться идеальная пара, — с издевкой сказал он на прощание.

— Я убью тебя! Когда выйду отсюда.

— Угроза убийством — статья.

— Ты на все готов, чтобы выслужиться?

— Работа такая. Тебе не понять.

Его сменил более активный и напористый сотрудник, обещающий чуть ли не пожизненное. В арсенале его убеждений статьи, пункты, до которых Светке и дела нет. Сплошная галиматья. Подпиши здесь и здесь, чтобы получить по минимуму.

— Встать, суд идет, — словно во сне слушала Светка оглашение приговора.

На ее удачу, судья расщедрился и дал ей по минимуму.

— Пять лет колонии общего режима.

Витек и компания остались не у дел. Их сочли свидетелями, случайно оказавшимися на месте.

Светка желала справедливости — сперва. Потом, умеривши пыл, осознала, что месть не имеет срока давности. Тем и жила. Освободившись, ничуть не исправилась, просто стала осторожней и злей. Но одно она знала наверняка: в тюрьму она больше не вернется.

Светкина новая жизненная теория мало отличалась от прежней с единственным исключением: теперь она решила все делать чужими руками. Оставаясь обладательницей привлекательной внешности, она легко заводила приятные знакомства и законным способом отнимала деньги на различные безделушки и удовольствия лишь мило надув губки. Ей было достаточно провести пару ночей с взрослым папиком, как он самостоятельно осыпал ее подарками и деньгами в надежде на следующее свидание.

Оказавшись в новом коллективе, она определила, что огромный Ром сможет не только защитить ее, но и порвать кого угодно по одному ее слову. Ром же, попавшись в паутину ее амурных сетей, не подозревая об этой женской хитрости. Принял за чистую монету ласково жужжащие на уши нежности. Словно замороженный смотрел он Светке вслед, а при каждом ее появлении жадно раздевал глазами, млея и смущаясь одновременно. Его словно прибывало к полу.

Светка-озорница, чувствуя власть, включила весь арсенал соблазнения: томно вздыхала, опускала ресницы, то и дело облизывала пухлые губки, в походке, движениях появилось больше грации. Она показно покачивала бедрами при ходьбе, словно выступала на подиуме. В голосочке появились удивительно ласковые интонации, приятно щекочущие воображение слишком неотесанного мужлана, каким был Ром.

Свидетелями зарождающихся отношений стали все без исключения, наблюдая, как парочка обжимается в самых темных углах. Миниатюрная Светка почти скрывалась в огромных ручищах богатыря Рома. Он же перед этой крохой при всем своем величии, казался более незащитным. Светка играла роль, и это было сложно скрыть, а Ром по-настоящему полюбил. Правда, говорят: влюбленные слепы, и Ром оказался еще одним подтверждением народной мудрости.

Михаил, теряя остатки выдержки, ввел в курс дела Алевтину Игоревну. Все откладывал на потом, ведь даже он робел в присутствии странно-красивой женщины, которая тихим голосом колола острее жала. Одно только ее: «Такой огромный, а слабак!» — вызывало желание разорвать ее на части. Только она прекрасно осознавала, когда следует остановиться и добавить «сахара», улыбнуться самой сногшибательной улыбкой, спрятать глаза под тенью ресниц и продолжить, как ни в чем, ни бывало: «Дорогой друг, хватит дуться, тебе не идет!»

Алевтина, обладая невероятными способностями к распознаванию человеческих слабостей, умело использовала их в свою пользу. Логика проста — разделяй и властвуй. Она не любила непокорных воспитанников, доставляющих проблемы, или шедших в разрез с ее пониманием правильности. Кроме прочего, и это ее основное свойство характера, не следовало становиться ее врагом, поскольку она не ведала жалости.

Командир Михаил прозондировал почву для благоприятного разговора, когда Алевтина пребывала в хорошем настроении, и ринулся исполнять обязанности надзирателя:

— У нас неуставные отношения образовались!

— Кто? Этого только не хватало!

— Светка и Ром.

— Ничего доверять нельзя! — прошипела Алевтина. — Куда ты смотрел? Наверняка,

они не вчера снюхались.

— Я не раз их предупреждал, угрожал, да только без толку! Ром пообещал, да, видимо для того, чтобы я отстал. Не устоял он перед Светкиными чарами. Что греха таить, она того стоит. Вот, был бы я чуточку моложе...

— Ты сам себя слышишь? Она — профессионалка, только и всего. У женщин ее сорта все просто — никакой морали. Ты досье читал, представление имеешь, сколько партнеров у нее было до Рома.

— Читал. Мне не в первый раз удивляться. На ее теле пробу ставить негде. А ведь с виду — ангелочек: личико миленькое, волосы золотые, как у принцессы.

— Принцесса из подворотни. Знаешь, сколько там таких же точно? Понаехали из села, а толку с трудностями бороться нет. Один путь — собой торговать, чтобы выжить.

— Ключевое слово — выжить, — зачем-то добавил Михаил.

— Это вовсе не означает, что мы обязаны испытывать к Светке жалость. Да, и она не бедная овечка. Жила бы как все остальные: работала продавцом или уборщицей, а при удобном стечении обстоятельств, обзавелась семьей, родила детишек. Но, нет, она же любит красивую жизнь, легкие деньги, которые и тратить-то не умеет, утекают, словно песок сквозь пальцы.

— Ее кандидатура выбиралась с особой тщательностью, время потрачено, — напомнил Михаил, — на подбор другой...

— Другой не будет, — перебила Алевтина.

— Тогда эту перевоспитаем. Устроим им обоим взбучку, посадим в карцер.

— Попробуем, — раздраженно, согласилась Алевтина.

Настроение у нее заметно портилось. Эмоции зашкаливали. Она нервно поправила воротник блузки.

— Душно здесь.

Алевтина повернулась спиной к Михаилу, чтобы тот не видел недовольную гримасу.

— Они все испортят, — наконец сделала она вывод, — нужно учесть все варианты.

— Это точно. Не хотелось бы доходить до крайностей, но в случае необходимости уберем кого-то одного. Иначе нельзя.

— Кого конкретно? Ты ведь уже думал по этому поводу?

— Светку. В ней проку мало.

— Что так? Пару минут назад ты расхваливал ее.

— Если бы Ром не подвернулся, она бы с другим любовь закрутила. Вертихвостка и думает только о развлечениях и выгоде. Призывать к дисциплине ее бесполезно.

- Такие мужчинам нравятся, ты же знаешь! Это козырь! Пустим в дело, она покажет, на что способна.

— Ром — главная ударная сила! У него кулаки, что молот! Я на него рассчитываю. Допустим, Светка охмурит клиента, заманит в ловушку, а кто ее захлопывать будет? Ко всему прочему, допросы, слежка — не женское дело.

— Светка может раскрутить любого, а я до сих пор не определилась, которую из претенденток, выдать за приманку. Когда составлялся план, именно Светке я отдала эту роль. Она особенная, ты прав — демон, в облики ангела.

— Она по-любому подведет! Чует мое сердце, а оно ни разу не ошибалось.

— Что так? Тебе больше нравится Ром или это мужская солидарность?

— Светка ложится в кровать с первым встречным. Стоит перед ее носом прошуршать

денежкой, как она тут же раздвинет ноги.

— Шикарные, надо заметить!

— Согласен. Но для задания требуется образованная скромная девушка.

— Светка быстро учится. Через каких-то полгода из нее выйдет легионер, с огромным опытом. А знания я лично вобью в ее пустую голову.

— Я свое мнение сказал, — буркнул Михаил, ожидая вердикта.

— Замечательно! Я услышала, но решение приму с холодной головой. Завтра устроим парочке испытание, а после сообразим. Не хотелось бы терять бойца на старте.

— Не хотелось, — эхом повторил Михаил. Почему-то у него на душе скребли кошки.

Опять предчувствие.

— Усиль наблюдение за ними. Да, пока не забыла...

Михаил повернулся к ней уже у выхода.

— Алевтина Игоревна, будут еще указания?

— Присмотрись к новенькой, Кристина, кажется.

— Что с нею не так?

— Странная какая-то. Для меня она пока что — загадка. Ненавижу состояние, когда я не контролирую ситуацию. Ты знаешь, что вся ее семья — пациенты специализированной клиники для умалишенных?

— В курсе. Мне следить за нею?

— Неправильное выражение. Составь для меня ее психологический портрет: что любит, чем увлекается и другие детали. Опасаюсь я присутствия девушки с плохой наследственностью. Вдруг бомбанет?

— Слушаюсь, — отрапортовал Михаил и отправился выполнять приказание.

Выйдя из кабинета Алевтины, он с облегчением выдохнул. Теперь роман Светки и Рома не его забота. Алевтина, при ее щепетильности, не терпит бардака, значит, не успокоится, пока проблема не будет решена.

Светка и Ром, тем временем, пронзенные стрелой амура, уединились в общей комнате и уже от романтических ухаживаний перешли к более тесному общению. Не боясь быть застигнутыми в разгар любовных утех, они наскоро избавились от одежды. Ром необузданным животным набросился на Светку, увлекая на дощатый пол. Более удобного места просто не нашлось. Он оказался сверху, прижал Светку к себе, целуя со всей страстью, вложенной в молодое накачанное тело. Его сильные руки запутались в золотистых волосах податливой возлюбленной, отвечающей на ласки с тем же пылом. Губы слились в сладком, пьянящем поцелуе, лишаящем рассудка. Громкие всхлипы и стоны неистовых любовников отозвались эхом далеко за пределы небольшого помещения. В момент, когда казалось, что они парят на облаках, и ни что и ни кто на свете не может прервать их акт любви, дверь в комнату отворилась, и в проеме показались два силуэта.

— Я же говорил! — пробасил один из вошедших, — их уже не остановить. Контролю это не поддается, мы опоздали.

— Собирай охрану! — ответил женский голос, — убираем девчонку сейчас же! Светка всего лишь глупая кукла, я ошибалась на ее счет.

— А как же задание? — всполошился мужской голос, — все роли распределены, проекты составлены.

— Выбор очевиден! Готовим Карину! Слава богу, у нас есть запасной вариант.

— Может в карцер? — все еще надеялся Михаил. Это он привел Алевтину к дверям

кабинета, когда услышал характерные звуки.

— Не понимаю я тебя. Что-то в последнее время ты в адвокаты заделался. Стареешь?

— Устал, да, и Светку жалко.

— Зря. Светка представляет угрозу общему делу. Ром, в зависимости от нее, будет неуправляем. Думаешь, он станет выполнять команды? Вряд ли. У него с недавних пор ум плавно переместился в другое, непредназначенное для этого, место.

— Ниже пояса, — сообразил Михаил.

Он вытер ладонью пот со лба. Как же жестока, все же Алевтина и упряма. Уж если приняла решение, убеждать бесполезно.

— Эй, вы чего там о нас трещите? — оживился Ром, помогая встать Светке, — мы вас не звали.

— А мы приперлися, — по-деревенски показно ответила Алевтина. Она была на грани нервного срыва, и уже с трудом скрывала это.

— Могли хотя бы постучать. Вам не стыдно, врывать за закрытые двери? — продолжал возмущаться Ром, пока Светка подбирала с пола разбросанную одежду.

В расстегнутых джинсах, с открытым торсом Ром прикрывал свою обнаженную подружку и продолжал возникать.

— Достали вы со своими правилами: делай то, делай се. Мы со Светкой, вообще, уходим, нравится это вам или нет.

— Уходим, — тоненько пропищала Светка. С такой поддержкой ее голос мог бы звучать куда увереннее.

— Что ж, — развела руками Алевтина, — не смеем вас задерживать. Вы люди взрослые, самостоятельные... опять, же — чувства.

— Хорошо, что вы понимаете, — одобрительно закивал Ром. Он не ожидал такой реакции. Получается, зря скрывали отношения.

— Можно я соберу вещи? — спросила Светка.

— Конечно, девочка моя, — сквозь зубы процедила Алевтина, вместе с тем едва заметно кивая Михаилу. Тот, отступил назад, а после и вовсе покинул кабинет. Светка, уже в одежде, выскользнула за дверь вслед за ним.

— Ром, подожди, — остановила его Алевтина, — у меня для тебя есть пара слов на прощание.

— Заинтригован.

— Жаль, что мы недопоняли друг друга. Ты мог бы стать полезным общему делу. Оставайся, а Светка подождет тебя на воле. Мы ее отпускаем.

— Не могу. Я Светку люблю. Вдвоем мы начнем новую жизнь, поженимся, купим домик. Оказывается, жизнь — прекрасная штука.

— Неужели не видишь, она играет тобой?

Ром ухмыльнулся:

— Мне ее игры по вкусу. М-м-м-м!

— Она разобьет твое сердце, не моргнув глазом. Разве ты не в курсе, чем она зарабатывала на жизнь, до того, как попала сюда? Ты в ее списке за номером тысяча один.

— Злая вы. Зачем оскорбляете Светку, вы ее совсем не знаете? Она добрая, нежная. Если она улыбается, у меня на душе ангелы поют, а если грустит, хочется разрушить весь мир. Минута без нее кажется вечностью, хочется все время держать ее за руку и слушать, как она мурлычет что-то себе под нос. Никогда, слышите, никогда за всю свою паршивую жизнь,

я не был так счастлив. Она нужна мне, а я — ей.

— Рада за вас. Надеюсь, твоя Светка чувствует то же самое, в противном случае тебе придется несладко. От любви до ненависти — один шаг. Представь, что в один из дней застукаешь ее с кем-то другим, что вполне вероятно при ее легком отношении к смене партнеров.

— Не застукаю, будьте спокойны: со мною она изменилась. Что ж, прощайте, Алевтина Игоревна.

— До свидания, Ром. Даст бог, свидимся еще.

— Я так не думаю, — сухо ответил он и вышел из кабинета.

В коридоре его встретили остальные члены команды. Как только начался, они сбежались на шум и ждали развязки. Подробности интимной жизни «сладкой парочки» давно обсуждались, но, осуждения не вызывали. Подумаешь, невидаль.

— Ром, ты уходишь, — спросила Тина, — а Светка?

— И она тоже! — буркнул он и проследовал мимо.

— Выгнали, — шепнула Тинка Карине на ухо. Та лишь пожала плечами, чуточку завидуя, что она не может вместе с ними смыться отсюда.

В этот вечер всех ожидал неприятный сюрприз. Никто и не подозревал, что объект находится под охраной. В помещение казармы вошли солдаты, на первый взгляд, новобранцы, настолько молодо выглядели их лица. Быстрым, строго выученным шагом они проследовали в кабинет Алевтины.

— Светку везите за территорию, ее там встретят, — скомандовала начальница, — а ее любовника — в карцер, пусть остывает. Уж, больно он горяч.

Рома сковали наручниками и силой выволокли из его спальни. Он кричал, отбивался, все время, вспоминая матерными словами Алевтину. Только преимущество оказалось не на его стороне. До хрипоты он надрывал связки, пока его не зашвырнули в комнату с металлической дверью, откуда его голос был почти не слышен.

— Светочка, душа моя, — криво улыбаясь, обратилась к ней Алевтина.

— Пустите меня к нему, — молила Светка, прибитая парой солдат к стене.

— Ты едешь домой. Развлеклась, и хватит! В твоих услугах, мы больше не нуждаемся.

Солдаты, подхватили напуганную и зареванную Светку и поволокли прочь из казармы.

— Пустите, пустите... — продолжала кричать Светка и вырываться.

Алевтина окинула грозным взглядом остальных:

— Чего рты раскрыли? Здесь вам не театр. Расходитесь по комнатам и ведите себя тихо. За любое непослушание вас постигнет та же участь.

Инцидент посчитали исчерпанным. И то, правда, привыкшим быть самим за себя, и дела нет до чужих проблем. Но, это только поначалу, после поползли отвратительные слухи, из которых следовало, что Светка поплатилась за шалость своей жизнью. Всего лишь догадки, на которые никому не наплевать. Как знать, вдруг на следующий день, такое же наказание постигнет и его? Алевтина непредсказуема, и слишком стервозна.

— За такое не убивают, — начала разговор злобная Дина.

— Точно! Разве, что порют! Розгами по красивой попке, — подтвердил Ник. Он остался из парней в одиночестве. Джон не в счет, пыхтит у компьютера, внимания ни на кого не обращает. И Виктор — тоже не тема.

— Тьфу, — отозвалась Виктория, подоспевшая к разговору, — извращенцы!

— Сама ты извращенка! — взвилась Дина, — и мысли твои тоже! Все в курсе, на что ты

способна. Что там — розги, наверняка и покруче приспособления пробовала.

— Не ссорьтесь, девочки! Меня уже достала эта неопределенка. Сейчас, пойду и напрямую спрошу. И пусть только попробует не ответить, — вклинилась Тина, теряя терпение.

— У кого спросишь? — дернула ее за рукав Карина, — не выпендривайся, тебе, что больше всех надо?

— У этого...

Тина указала пальцем на Михаила, кстати, оказавшегося поблизости. За два шага преодолела расстояние до него, круто развернула к себе и, глядя в упор, выпалила:

— Где Светка, командир?

— Отбыла, — ровным тоном ответил он.

— Куда это, интересно? Ты чего, за дураков нас держишь, думаешь, мы совсем не втыкаем? Или, мы — твари дрожащие, права не имеем, одни обязанности? Отвечай, куда увезли Светку! Или я...

— Чего ты? Сбавь обороты, чума! — внезапно заорал командир, хватая ее грудки, — еще раз рот откроешь, мозги вышибу, не посмотрю, что ты девушка!

— Начинай! — пошла в задир Тина.

Михаил поднял руку для замаха. Пощечина, по его разумению, отрезвит дерзкую девчонку. Совсем охамела: глазенки горят, пар из ноздрей пышет. Поднял руку и тут же опустил. У Тины за спиной, внезапно, образовался круг поддержки. По-всякому ясно — рвутся узнать правду.

— Полегче, командир, — пробасил Ник, — мы много не требуем: простой вопрос, простой ответ, только и всего. Зачем грубишь?

— Быстро же вы сплотились, приятно удивлен. Я не грублю, а приучаю вас к порядку. Вы должны знать, только то, что положено. Лишняя информация — засоряет мозги.

— Хочешь сказать, что мы насколько тупые? — Ник снова выступил вперед.

— Не тупые, а пока что необученные. Ну, как, поснежнее донести, — осекся Михаил, не желая вступать в противостояние. Банда — еще та! Глаза пустые, ожесточенные. Только дай повод — затопчут без сожаления!

— Отчислена ваша Светка, дома загорает, — сообщил Михаил, — отмечает свободу с новым дружкойм.

— Трудно было сразу сказать? — зло процедила Тина, — развел интригу. Мы-то решили, что вы ее замочили, а труп закопали в лесочке.

— Ну, и фантазия у тебя! — воскликнул Михаил, — фильмов ужасов пересмотрела. Утомонитесь. Когда операция завершится, все вернетесь восвояси, в целости и сохранности.

Светка за столь короткое время никого не успела расположить к себе, поэтому большого сожаления по поводу отбытия никто не испытывал. Уехала и уехала, ну, и черт с ней. Главное, что живая.

Ром неделю просидел под замком. Когда его выпустили, от прежнего улыбчивого здоровяка не осталось и следа. Он озлобился, но вместе с тем, после психологической обработки, замкнулся в себе. На краткий вопрос Карины: «Как ты?», не носящий смысловой нагрузки, а являющийся всего лишь фразой для выражения участия, он грубо бросил: «Тебе, что за дела? Каждый сам за себя! Отстань!»

Карина вынула из-под матраса потрепанный блокнотик, оттуда же огрызок карандаша, открыла листок с заметками и толстыми штрихами зачеркнула имя Светки. Минус один, и их осталось восемь, но Карину, почему-то не покидало ощущение, что скоро она зачеркнет еще кого-нибудь.

— Прощай, Светка! — произнесла она, — повезло тебе. Я бы с удовольствием поменялась с тобою местами. Как же хочется на волю!

— Чего бормочешь? — подросла к ней Тина.

— Так ...Рассуждения вслух.

— Не стоит этого делать, помни, у стен есть уши. Тебе повезло, что я подслушиваю, а не кто-то другой. А это, что у тебя?

— Где? — прикинулась дурочкой Карина, пряча руку с блокнотом за спиной.

— Выбрось, сейчас же, — приказала Тина.

— И не подумаю. Это личное, никого не касается. Привыкла я все записывать, чтобы детали не ускользнули от внимания.

— Но я же твоя подруга! Или ты забыла? Ради своего блага, ничего не пиши. Если твои писульки попадут в плохие руки, проблем не оберешься. Не всякий поймет, почему ты досе на всех собираешь. Решат, что стукачка, а их, сама знаешь, никто не жалуется.

— В детдоме стукачей в унитаз головой купали, — зачем-то добавила Карина, — ладно, убедила — выброшу.

— Обещай, что будешь осторожнее. Не зря все твердят, что ты — особенная.

— Какая я? Обо мне уже и слухи ходят? Не удивлюсь, что ты придумала для меня легенду.

— Легенду, — усмехнулась Тина, — ты для меня загадка. Сундучок с закрытой на ключ дверцей. Не рассказываешь о себе, не выражаешь мнения по поводу остальных. Как же тебя узнать, все в себе держишь?

— Не сердись, Тин. Меня жизнь приучила держать язык за зубами. Поэтому и веду записи, они болтать не умеют, зато ничего не забывают.

— Еще как умеют. Изорви и выбрось. Если захочешь, излить душу, я готова выслушать, дать совет и помочь.

— Ага, — недовольно ответила Карина.

Прямо при подруге она разорвала блокнотик в клочья и выбросила в мусор. Без импровизированного дневника, ей ничего иного не осталось, кроме пустых размышлений. Некоторые вещи до сих пор не укладывались в голове, а существующий арсенал познаний о спецотрядах, был преисполнен романтизма. Совсем, как в современных детективах, где много стрельбы, преступников, и, конечно же, настоящей любви.

Карина воображала, что попала в своеобразную школу, предназначенную для обучения бойцов невидимого фронта. В фантазиях возникал образ крутой cool girl, рассекающей на авто премиум-класса. На ней короткое кожаное платье, высокие шпильки и непрменный атрибут — черные очки. Вот она выходит из авто премиум класса возле шикарного ресторана, где собираются сливки общества, взмахивает гривой волос и все взгляды устремляются к ней. Она — sexу, роковая красотка, пожирающая сердца и к ее ногам

пачками падают мужчины, а женщины завистливо смотрят вслед. Заказанный объект — мужчина мечты, занимающий главенствующее место среди себе подобных. Он и не подозревает, что опасная хищница вышла на охоту, а он в роли добычи. По всем законам жанра, объект без памяти влюбляется в Карину, и вдвоем, они спасают мир от конца света. И никаких убийств, метких выстрелов в голову, одни лишь поцелуи.

В реальности, оказалось все гораздо прозаичнее — ее, как и всех прочих, усадили за парты и обложили кучей учебников. Скука смертная! К чему, например, знать уровни инфляции, курсы валют, технологии зарабатывания денег и влияние западной культуры на родные реалии? Преподавательницы — сплошь седовласые старые девы в вязаных кофтах и очках. Пенсионерки на заслуженном отдыхе, видимо, в стремлении подзаработать, внушали «студентам» прописные истины с особым рвением.

— Открываем учебник на тридцать четвертой странице и изучаем график, изображающий галопирующую инфляцию. Кто скажет, почему она носит такое название?

Ага... Лес рук. Никто ничего не учил, даже не читал. Зато всезнайка Джон, постоянно перебивающий скучные лекции, умными репликами, раздражал работниц умственного труда. В его «светлой» голове располагалось знаний на десяток человек. Ученики тупо смотрели на толстенные тома, наполненные кучей бессмысленной информации, делали неразборчивые записи в тетрадях, только бы от них отстали назойливые тетки. Те же в свою очередь продолжали политику вдалбливания в неразумные умы полезных вещей.

— Новый параграф, — объявляла училка, поправляя нелепые очки, — ставим дату, записываем тему.

— На дом задание будет? — спрашивала Тина.

Как оказалось у нее имелись все задатки отличницы.

— Не будет, если на уроке все успеем. А на завтра — устроим проверочную работу.

Полгода, группа мирно дремала на занятиях, ожидая, когда же, наконец, начнется хоть какая-то движуха. И тут началось — скучные училки отбыли в отставку. Наступила пора уроков этикета, обыденных бытовых методов общения. Девочки приступили к изучению правил ношения одежды, технике макияжа и прочим дамским премудростям. Этой наукой занималась лично Алевтина, считающая себя эталоном вкуса.

— Маскировка — прежде всего, — убеждала она.

Девчонки похихикивали, представляя себя с продольными полосами на лице и в форме морских пехотинцев.

— Нужно примерить на себя нужную роль и соединить ее с внешней оболочкой. Женщины бывают разные: светские львицы, интеллигентные леди, бомжихи. Вы, обязаны, в зависимости от условий, привести себя в подобающий вид. Мы рассмотрим самый уникальный образ — роковая женщина-соблазнительница. Алевтина в мельчайших подробностях рассказывала о тенденциях моды, чувстве стиля не только в одежде, но и в манере говорить нараспев.

- От вас требуется...

Далее следовал внушительный список, в котором имелось все от ношения париков, очков, до умения держаться за столом. В доверок — язык жестов, тонких женских шпучек, привлекающих внимание противоположного пола, на который, по всей видимости, и предстояла охота. Курс бальных танцев и культуры построения диалогов.

— Ваша сила в женственности, — объясняла Алевтина.

Тина, прежде никогда не наводящая красоту, сердилась на свое отражение в зеркале,

считая его уродливым: рисовала брови черным цветом, строго вымеряя геометрию угла, красила губы ярко-красной помадой, на манер клоунессы.

— Черт! — громко ругалась, она, — и кто же придумал эту фигню, жила же преспокойно и без духов, и без помады.

— Женщина — это десять процентов природных данных, остальные девяносто — заслуга косметики, удачно подобранной одежды, — внушала Алевтина.

Карина взирала на мытарства подруги с неудовольствием, ведь помочь не могла, у нее самой дела шли из рук вон плохо. Если раньше она синими тенями обводила глаза, накладывала лиловые румяна на скулы и отмечала форму губ черным карандашом, то сейчас, по словам наставницы — это оказалось верхом безвкусицы. При этом она ставила в пример холодно-равнодушную Викторию, которая умела создавать образы роковой красавицы. Как же! Древняя профессия обязывала.

Акцентируя внимание на слабостях мужчин к «ярким оберткам», в которые заворачиваются женщины, чтобы произвести ошеломляющее впечатление, Алевтина Игоревна давала сто первое руководство:

— Создавайте образ женщины, стремящейся к счастью. Легкие, будто крылья бабочки, руки с идеальным маникюром, должны порхать в направлении солнца.

— Это как? — не поняла Тина, представляя чудную картинку: этакий мотылек внушительной комплекции, распростертый над брэнной землей в стремлении полета.

— Для тебя никак, — раздражалась Алевтина, считая пояснения пустой тратой времени.

Она пока не решила, что делать с внезапно свалившейся девочкой на манер мальчика. Одно ясно: впереди предстоит сложная задача. Тинка носит только брюки, сплевывает, словно мужик, да и тембр голоса с хрипотцой вряд ли станет приятным для слуха объектов разработки. Тут уж, крась не крась, симпатичнее не станет. Ни капли женственности. Как только состоялось знакомство, Алевтина сразу с недовольством отметила бесполезную мужиковатую девушку. Долго думала, приглядываясь, оценивая варианты использования, только ни одного подходящего под Тинкин типаж не находилось — девочка на любителя.

Свыкшись с правилами общежития, члены группы за номером шесть, пребывали в расслабленном состоянии. Лениво посещали занятия, так же небрежно подчинялись командам, а в свободное время слонялись из угла в угол от скуки: по правилам — телевизор и мобильные телефоны под строгим запретом.

Надменно-суровая Алевтина, занимающаяся конспициальной подготовкой контингента быстрого реагирования, много времени уделяла лекциям — большая любительница поговорить. В который раз она пыталась развенчать киношные мифы о романтике в сфере шпионажа, ведь предстоящая работа не просто трудна, но и опасна.

— Вы не Джеймсы Бонды, — предупреждала она, делая все же акцент на приобщении именно к этой сфере.

— А кто же? — спросила Тина. Она по прежнему любопытничала по любому поводу.

— Скорее — ученики секретной службы, только без роду племени. На пятьдесят процентов — военная подготовка, на остальные пятьдесят навыки выживания в любых условиях.

— А как же шпионские штучки — слежка, вербовка, шантаж. Вы же нам обещали...

— И не отказываюсь от своих слов. Изначально ваш проект я назвала гламурным шпионажем. Помимо рукопашного боя, владения информационными технологиями,

оружием и методами убийств, я планировала обучение странным, на первый взгляд дисциплинам — карточные игры, умение правильно одеваться, преподнести себя в обществе. Ну, и на сладкое — способность соблазнять особой противоположного пола.

— Давно хотела спросить, — встряла Карина, которая до сего времени полагала, что она находится в учреждении государственного ведомства.

— Говори, — с неохотой согласилась Алевтина. Она только-только развила нужную тему и не успела довести мысль до конца.

— На кого нам предстоит работать?

Алевтина усмехнулась, щелкнула пальцами и довольно воскликнула:

— Бинго! Наконец-то! Хоть одна, пусть и не самая умная голова, опомнилась.

Отряд за номером шесть в полном составе офигели от неожиданности.

— Вы вообще договор читали? — рассмеялась Алевтина.

— Я читал все до строчки, — откликнулся Джон.

— И... Расскажи этим бездарям основную суть.

— Этот контракт — туфта полная, составлен неграмотно, отсутствуют самые важные пункты, лишь бла-бла... «Я, такой-то, обязуюсь следовать целям и задачам организации», а сами задачи не определены. По материальному поощрению тоже непонятно: «В случае исполнения договора, исполнитель получает денежную премию в размере фактически заработанной суммы». Сама же сумма не проставлена — не порядок. Тот, кто составлял контракт — плохо учился на юридическом или лекции прогуливал.

— Почему подписал тогда?

— Для меня это отличный шанс попасть в приключения. Ведь в натуре я — скучный очкарик, зависящий от виртуальной реальности, и в моей жизни не хватает адреналина.

Алевтина сдвинула татуированные брови, показывая недовольство. Ей было что скрывать. Вся эта история с секретным агентством «дурно пахивала». Контингент сложный, порой неуправляемый, поэтому, чтобы не напрягать обстановку, пришлось придумывать объяснения. По ее мнению, вполне правдоподобные. Таланта оратора, ей не занимать.

— Существует сообщество независимых граждан, которое следит за порядком. Их чаяниями вершится правосудие, так сказать, вне рамок закона. Эти уважаемые господа контролируют баланс добра и зла в нашем нестабильном мире, вносят коррективы развития всех слоев общества. Но, основное направление — это финансовые потоки, крупный бизнес.

— Мы встаем в ряд с преступниками? — вмешался Виктор, который, как и прежде держался рядом со своей подругой Викторией. Обычно они держались особняком и не встречали в разговоры. Но не в этот раз.

— Конкретный ответ — да! Вы и есть преступники, пусть пока и не наделавшие много шума. Наша организация вовремя успела вас завербовать. Слышали об эффекте колеса?

— Нет, — буркнул Виктор.

— Это когда с каждым витком возрастает скорость, и остановиться невозможно. Это касается и криминальных наклонностей, которых в каждом из вас в избытке. Мы даем шанс жить на полную катушку, ни в чем себе не отказывая. Хочешь бить морды — пожалуйста, грабить — зеленый свет, но все строго в рамках задания. При этом обязуемся обеспечить надежный тыл.

— Вот это движуха! То, что нужно, — потирая руки, влезла в разговор Динка. Уж она-то в этом деле поднаторела, — Я готова. Кого нужно ограбить, а то засиделись мы взаперти?

— Без фанатизма! — предупредила Алевтина, — Вы орудие справедливости! Будьте любезны — соответствуйте! Преступники, но культурные, не беспредельщики, организованный дисциплинированный отряд.

Алевтина замолчала, анализируя свой ответ. Не сболтнула ли чего лишнего?

— Так, всем спать! — распорядилась она, — завтра нас ждут великие дела. Режим к исполнению строг.

На следующее утро ученики еще больше удивились. Их особое недоумение вызвали курсы эротического воспитания, когда о самых интимных сексуальных вопросах говорилось без обиняков, а вещи назывались своими именами. Следовало изучить позы для занятия сексом, виды заболеваний, передающихся через постель. Увлекательная тема — виды секса от обычного гетеросексуального до экстремальных, экзотических, нетрадиционных, в том числе и виртуальных. Все бы было гораздо проще, если позволили пользоваться могучим русским не словарным. Чем на досуге и занимались новобранцы, следуя описаниям в учебнике с картинками. Что с них взять, эту науку они постигали по популярным надписям на заборах. Учебная программа, под названием «Курсы флирта», предназначалась, в основном для женской половины, но и парням было чему поучиться.

— Зачем это? — поинтересовалась Карина, считая данную тему слишком личной.

— Компромат. Слышала?

— Не приводилось. Да, и зачем это нужно?

— Ничего сложного: тащишь важного господина в постель, а напарник тем временем делает фото или видео, как получится. Вот клиент и на крючке. Далее — предложение, выгодное для обеих сторон.

— Это подло! Шантаж — самое отвратительное преступление, унижительное, грязное. Б-р-р-р! Будто с головой в чан с помоями окунают.

— А ты у нас правильная? — съязвила Алевтина, — высокоморальная леди из пансиона благородных девиц.

— Не настолько! Но, все же противно.

— Это методологически выгодно. Получил компромат, и пожалуйста, верти клиентом, как вздумается. За долгое время работы здесь, я убедилась, что более эффективного средства не существует. Наши цели того стоят.

— О каких целях вы все время твердите?

— О политических, глупышка. В век технологий, когда в сеть попадает много провокационных роликов, одним махом можно удалить человека со всех трибун.

— Вы будете нас заставлять спать с незнакомыми людьми?

— Буду, если потребуется. А, что с этим есть какие-то проблемы? — удивилась Алевтина.

Карина сжалась в комок, обхватила себя руками.

— Нет, — резко бросила она в лицо наставнице.

— Вот и славно. Будем считать, что с основными принципами работы вы ознакомились. Позвольте поздравить, дальше у вас начнется настоящее обучение, о котором мечтали.

Утром следующего дня прибыл инструктор физической подготовки. Яркий представитель старой тренерской школы. Когда-то этот лысоватый, кругленький мужчина профессионально занимался спортом и мечтал о высоких достижениях, но травма ноги перевернула всю его жизнь. Про биатлон пришлось позабыть навсегда, и вместо этого переквалифицироваться в тренера и воспитывать гиперактивных пацанов в кадетской школе.

Первое занятие с группой он провел по всем правилам дисциплины: построение, стандартное приветствие.

— Владимир Петрович. Ваш тренер, — представился инструктор, — с вами буду знакомиться по ходу занятий.

— Не очень то вы на тренера похожи, — заметила Тина.

— А вы не похожи на команду спортивного резерва.

Пройдя два раза мимо строя тренер, тяжело вздохнул:

— Форма не соответствует, — озвучил он, после проверки внешнего вида учеников, — завтра одеваемся соответственно.

— Нам, что в вечерние платья наряжаться? — спросила язва Динка.

— Спортивного костюма вполне достаточно, — педагогически сдержано ответил инструктор, — начинаем разминаться. Для встряски — разминочный бег по кругу.

Пробежали, начали растяжку, а потом еще пара кругов трусцой. Целый месяц Владимир Петрович «гонял» учеников по стадиону. Не щадил, не позволял расслабляться. Но для всех без исключения он сумел стать другом. Хороший мужик, правильный. К каждому нашел подход, сумел их энергию гнева перевести в физическую нагрузку. В общих чертах он обрисовал техники рукопашного боя, показал приемы.

— Когда стрелять начнем? — наседал Ник.

— Нетерпеливый какой. Вижу, что тебе есть, что показать. Не так ли?

— Удивлю.

— Самомнения тебе не занимать. Что ж, я предоставлю тебе такой шанс.

Владимир Петрович обожал оружие. Будто вчера помнил, когда в ладонь легла его первая винтовка. Приятное ощущение, согревающее душу. Меткий глаз, твердая рука, сотни пораженных мишеней, и в результате — десяток сияющих кубков за победу в соревнованиях.

После завтрака выбрались на полигон, находящийся здесь же и оборудованный по минимальным требованиям, когда нужно воссоздать сценарий боя.

Владимир Петрович взял в руку учебный пистолет:

— Я буду вас обучать обращаться с оружием, умением ориентироваться в пространстве.

А теперь свои умения нам продемонстрирует Ник. По его словам, он лучший из вас.

— Лучший, — повторил Ник, забирая у него пистолет.

Встал, широко раздвинув ноги, прицелился в бумажную мишень.

— Не спеши, — пыхтел ему на ухо инструктор.

— Я сам, — отмахнулся Ник.

Первый выстрел — в яблочко, следующий в это же место. Владимир Петрович покраснел от волнения и удовольствия.

— Молодец! А я, ведь не верил, думал — шутишь.

— Для меня это все равно, что дышать или думать, — хвастался Ник.

— Искусство! — восторгался Владимир Петрович, одобрительно хлопая по плечу Ника, — ты рожден для этого! Чему я могу тебя учить, и так все ясно?

Ник никогда не разменивался на пустую болтовню, но в этом случае, решил еще прихвастнуть:

— Мне бы крупнокалиберный...

— Успеешь, еще, какие твои годы! Оружие нужно применять в мирных, спортивных целях.

— И мишени — туфта! — не слушая его, продолжал Ник.

— Обычный стандарт для обучения.

— Надо стрелять по движущимся.

— Ага! Скажи еще — по живым!

— С удовольствием сбегал бы на охоту. Знаете, когда я был маленьким, папа брал меня с собой. Мы стреляли по уткам, бегали по болоту, в поисках подбитых. Счастливого было время.

Владимир Петрович позволил всей группе испытать способности к стрельбе. Девчонки отстрелялись на редкость отвратительно.

— Не всем быть снайперами, — успокаивал он, считая это занятие чисто мужским делом. Ник — еще одно подтверждение его теории.

Разряжать обстановку в сложном коллективе позволяли законно-установленные уроки борьбы. Девчонки не стояли в ряду запасных, а если приходилось участвовать в спаррингах, не давали парням спуска. Тут пальма первенства принадлежала Тине, которая в момент соревнования преображалась, становилась грациозной, ловкой и невероятно красивой. Однажды, Алевтина, увидев ее «танец», чуть не свихнулась от радости: «Вот оно! Нескладная девица, оказывается, не так проста!» Тина «жгла»: взмах руки, шаг, больше похожий на па и никакой скованности, поворот, наклон. Чудесное зрелище, достойное похвалы! Алевтине однажды взбрело в голову нарядить Тину в платье и выставить на ринг. Та артачилась, никогда прежде не облачаясь в длинные юбки, мешающие делать широкие выпады ногами. В бальном ярко-синем платье Тина выглядела восхитительно, чем окончательно сразила наповал вечно придирчивую Алевтину. В схватке с Ромом, слегка медлительным и неповоротливым, делающим резкий хук, она смотрелась изящным мотыльком.

— Bravo! Bravo! — кричала Алевтина и хлопала в ладоши, — умница, девочка моя. Выражение ее лица в этот момент казалось счастливым.

Единственный, кто оставался в стороне — хлипкий на здоровье Джон. Вся спортивная суета не про него. Постоянно жаловался на плохое самочувствие. В плюс к головным болям — ломота в спине, вечно воспаленные глаза. Часами он зависал у монитора, без движения, лишь его тоненькие пальчики быстро-быстро летали над клавиатурой.

Сложилось мнение, что его присутствие здесь — огромная ошибка, однако оно резко поменялось, когда умника обязали обучить команду азам информатики. Карина почти завидовала ему. В некоторых вопросах она являлась абсолютным профаном, сложно уловить смысл незнакомых слов, пачками выдаваемый в виде элементарных понятий. Джон, доверху напичканный сетевым сленгом, не замечал удивленных взглядов. Переспрашивать стыдно, да и что делать с лишней информацией. Куда понятнее постить фотки, ставить лайки. Выслушали тонну информации, после выбросили ее из головы, поняв, что Джон обладает уникальным талантом: подбирать пароли, входить в чужие системы и безнаказанно пользоваться нужными данными. А это дорогого стоит. Тот, кто владеет информацией, владеет миром, не являясь при этом обладателем большой физической силы.

Алевтина, все время являющаяся наблюдательницей учебного процесса, вносила коррективы. Ей не нравилась разрозненность коллектива. Ребята ссорились, пытались соперничать.

— Меня беспокоит ваша позиция, — в который раз повторяла она. — Не могу вдолбить одну и ту же истину: вы звенья одной цепи!

— Об этом мы не договаривались. Разве не вы убеждали нас в уникальности

каждого? — возражал Джон. Умственное превосходство ставило его выше остальных.

— В замкнутом общественном существовании все должны держаться друг друга, иначе критическая ситуация приведет к провалу операции и гибели всей команды в целом.

Члены разрозненной группы слушали наставницу, но оставались при своем мнении. Сплоченной команды не получалось: Джон умничал, Ник возомнил себя снайпером, Ром, после истории со Светкой — на контакт не шел, Вика с Виктором общались между собой, Динка — сама по себе. Дружили только Тина с Кариной.

Алевтина выговаривала Михаилу: «В этот раз ты плохо подошел к подбору кадров».

— Все кандидатуры мы обсуждали, и вы не возражали.

— Ты прав, что-то я расслабилась, полностью положившись на твое мнение. Так сложно держать все под контролем, но ты прежде не подводил.

— Потерпите. Ребята толковые, молодые слишком, азарта в них много.

— Да, уж. Только руководству вряд ли понравятся такие объяснения, если, как ты выражаешься, ребята накосячат, нам придется отвечать и подчищать «хвосты».

— Надеюсь, что не придется, — отвечал Михаил, на самом деле, сомневаясь в собственных словах. Команда и вправду ему не нравилась. Не то, что в былые времена, когда в группу набирались добровольцы из демобилизованных солдат. У каждого отличный послужной список, заграничные командировки в горячие точки. Строгий отбор, выучка и в итоге — нужный результат.

— Почему бы не вернуться к старым методам вербовки? — спросил он у Алевтины.

— Руководству виднее. Они дали установку, мы выполняем. Бойцы не должны иметь родственников — основной критерий. Их не будет среди пропавших без вести, развешенных во всех полицейских участках.

— Знаю, — со вздохом соглашался Михаил.

— Тогда приложи все усилия и обучи этих негодников уму-разуму.

Видит бог, Михаил старался, как мог. Однако, по какой-то неведомой причине, его ум занимала одна лишь Тина. И, как будто чувствуя его особенное внимание, эта чудная девочка все время вертелась рядом.

— Михаил.

— Мы с Каринкой чего подумали... ты скажи, права я или нет?

Михаил улыбался. Лестно, когда у него спрашивают совета.

— Поспорили, девчата?

— Да. Только Каринка все время выигрывает. Обидно.

— Ну и о чем речь?

— Только не смейся. Она утверждает, что ты и Алевтина... пара.

— Нет. Это ты придумала или Карина?

— Она.

— Мы с Алевтиной не пара и никогда не были. Так и передай своей подруге.

— Передам, — с сияющими глазами ответила Тина.

Ох, уж эта Карина! Она осознавала, что попала в нужную среду обитания. Что ни день — новое открытие, обещающее увлекательное приключение. Правда, пока в теории: как следует наблюдать за объектом, чтобы самой не попасть под слежку, как незаметно делать фотографии, как поставить «жучок» или установить скрытую видеокамеру.

— У каждого будет свое предназначение, — объявила однажды Алевтина, — позже мы обязательно определим роль каждого.

— Роли? Мы же не пьесу разыгрывает в студенческом театре. Зачем? — поинтересовалась Карина.

— Чтобы эффективнее строить тактические задачи.

— Вы всегда так сложно выражаете свои мысли, что ничего не понятно.

— От тебя требуется строгое выполнение приказа и только! — рассердилась Алевтина.

— Ну, наконец-то, я готова. Надоело топтаться на одном месте и слушать одно и то же.

— Ошибаешься. Я не вижу перед собой достойного игрока, пока ты задаешь глупые вопросы. Хотя...

Карина замерла.

— Ты станешь приманкой, вместо выбывшей Светки.

— То есть жертвой?

— Хитрой, красивой стервой, способной на самые неожиданные поступки. И ты нисколько не походишь на жертву.

Почему-то Карине эта идея показалась заманчивой. Она привыкла вносить долю романтики в любое событие.

— Моя задача — заманить клиента на нужную территорию, а потом?

— Потом к операции подключается другой игрок, потом — следующий. У всех свое собственное задание. Ты в это время возвращаешься обратно, с чувством выполненного долга, только и всего.

— Так просто! Без риска?

— Рисковать будут мальчишки: Ник и Ром. Это их предназначение.

— Вот это правильно! — воодушевился Ник, — мужская работа. А перестрелки будут?

— Конечно, будут. Слушайте основное правило, — обратилась Алевтина к собравшимся в зале, — послушание, строгое исполнение приказа.

— Да сколько же этих правил, со счета сбились? — не выдержала Виктория. В последнее время она пребывала в угнетенном состоянии, и здоровье шалило: постоянные мигрени, быстрая утомляемость.

— Сотни, а может тысячи, если потребуются! Кстати, Виктория, завтра твое первое задание. Ты у нас будешь игроком номер один.

— Теперь мы игроки? — спросил Ник, — мне так больше нравится. А то: ученики, студенты, бойцы — детский сад.

— Игроки, — подтвердила Алевтина, — учеба завершена. Дальше — то, ради чего всех вас собирали.

— Итак, вернемся к игроку номер один. Виктория пройдемте в мой кабинет, для постановки задачи. Обговорим детали, у нас мало времени.

— Без Виктора я не пойду. Куда я, туда и он. Нас нельзя разлучать, вы же в курсе.

— Не тебе решать, — оборвала ее Алевтина, — идем. Виктор, если хочет, пусть ждет за дверью. Информация не предназначена для его ушей.

— У нас с Викой нет секретов, — возразил Виктор. Он взял подругу за руку и пошел рядом.

— А теперь будут. Или тебе удобнее будет дожидаться Вики в карцере?

Виктор отступил, когда Алевтина захлопнула перед его носом дверь кабинета.

— Почему так долго? — волновался он, все время, поглядывая на часы.

Наконец, Виктория вернулась к нему.

— Вик, на тебе лица нет. Что случилось? Эта ведьма обидела тебя? — сразу начал Виктор с вопроса.

— Нет, что ты! Мы всего лишь болтали о разном. Алевтина — интересная рассказчица.

— Не сомневаюсь. А задание?

— Пустяки. Можешь считать, что я получила отпуск. Выеду в город, прослежу за мужчиной, поужинаю в ресторане.

— Это опасно?

— Не более чем мое прежнее занятие. Еще один клиент, только и всего. Ты по мне соскучиться не успеешь. Тебе не привыкать ждать меня.

— А тебе меня.

Виктор нежно обнял Викторию. Их дружба значит куда больше, чем родственные узы, душевная связь, невидимая, но прочная.

Виктория смогла успокоить друга, но стоило ему отвернуться, она быстро-быстро вытерла мокрые от слез глаза.

— Я отдохнуть. Завтра тяжелый день, — сообщила она и отправилась в спальню.

Утром Виктория исчезла, не попрощавшись. Виктор в панике обыскивал комнату за комнатой. На него было страшно смотреть.

— Где Вика? — набросился он на Алевтину.

— Секретная информация, — отозвалась та, равнодушно, — не доставай меня. Вы оба, голубчики, договор подписали, будьте любезны соблюдать условия. Вика сегодня начнет первый этап операции.

— А я? Мне было бы куда легче, если бы я был уверен, что она в безопасности.

— Мне нет и дела до твоих чувств, но заверяю, она в полном порядке.

— Ели с нею что-то случится... я... я...

— Убери свои крошечные кулачки, — рассмеялась ему в лицо Алевтина, — тоже мне — король ринга. Еще один выпад в мою сторону, и отправишься домой, а твоя любезная Виктория исчезнет из твоей жизни навсегда.

Виктор окончательно сник, сделался невидимкой. Он ходил на занятия, сидел в столовке всегда с одним выражением лица, будто у него кто-то умер.

Тем временем началась психологическая подготовка. «Слушать, слушать и еще раз слушать» — озвучила задачу Алевтина.

Карина не любила ее длинные монологи, заполненные умными словами, половины из которых она не понимала. Лишь только Алевтина начинала говорить, становилось заметно, что она наслаждается звуками собственного голоса.

— Научитесь льстить! — неожиданно прозвучало из ее уст, — создайте вокруг объекта ауру доверия. После чего клиент на блюдечке выдаст порцию секретных сведений, даже не

замечая этого.

— А если не получится? — влезла с вопросом Карина, — не у всех же такой талант, как у вас?

— Узнаем, когда вы исполните первое задание под кодовым названием «Сплетник».

— Чего-то по-старушечьи? Мы будем сидеть на лавочках возле подъездов?

— Карина, ты много болтаешь! Я же предупреждала, что нужно слушать, а не говорить. Начнем сначала. Техника психологического воздействия проста и содержит несколько этапов: эффект первого впечатления, доверительная беседа, и финальная — получение нужной информации. Клиент в приватной беседе выдает сведения о личной жизни, профессиональной деятельности, что и требовалось в нашем случае.

— На фига? — гнула пальцы Дина, считая правильное брать наскоком.

— Наслышана о ваших методах работы, однако мордобоем не всегда удастся получить желаемое, — возразила Алевтина.

— У меня всегда получалось...

— Не сомневаюсь. Насилие — эффективный способ, не зря со времен инквизиции людей пытаются. Грязный способ, кровавый, можно и перестараться. В конце все равно придется клиента убирать, иначе он заявит в полицию, да, и труп прятать нужно. Нам нужна тишина, секретность и никаких следов после себя. Понятно?

— Понятно, — согласилась Динка, — если бы раньше я прошла у вас обучение, вряд ли я оказалась на помойке.

Алевтина обратилась к Михаилу:

— Давай последние установки. Смотри, не упусти ничего. А я пойду доложу руководству о начале операции.

Михаил, по обыкновению первым делом взглянул на Тину, убедился, что следит за каждым его движением, а уже потом приступил к инструкциям:

— Смотрите за спину. Чувствуйте третьим глазом, что за вами наблюдают. Если в тачке — чаще в зеркало заднего вида, если пешком, петляйте по закоулкам.

— Да кому мы нужны? — не выдержал Ник.

— Тайное сообщество охотится за вами с самого начала операции.

— Это, что шутка?

— Нет. — Командир по-прежнему серьезен и строг, — краткий курс «страхивания хвоста» — всегда последними входить в вагон метро, в автобус. Если в лифт — то на подскоке, такси — под запретом!

— Каждый сам за себя! — буркнул Ник.

— Вы, прежде всего, команда, — напомнил Михаил, — все в одной обойме. Джон назначен главным и будет руководить всем процессом в целом. Вы — его подчиненные.

Карина представила, что впереди увлекательная игра с возможностью вырваться на волю. Она, как и прежде, питала надежду смотаться прочь из этой дыры.

— Тин, завтра сбежим! — прошептала она на ухо подруге.

— Зачем? — не поняла Тина, не отрывая взгляда от фигуры Михаила.

— Разве не этого мы хотели?

— Не придумывай! Впереди приключение всей жизни, да, и бежать-то мне некуда!

Командир объявил построение.

— А теперь о кодовых именах: Джон, Тина, Карина, Виктория и Виктор, Ром, Ник, Дина. Называйте друг друга только этими именами.

— Зачем, если телефонов не выдали? — спросил Ник.

— Чтобы обезличить ваше и так тайное существование. Забудьте про отчества, фамилии, место рождения и прочие недоразумения, случившиеся с вами. Только имя, и ничего больше.

— Небольшой презент от фирмы, — сообщила вернувшаяся обратно Алевтина, — познакомьтесь ваш тату-мастер.

Она привела странного субъекта с ног до головы украшенного наколками.

— Думаю это лишнее, — возмутилась Карина, — это же больно.

— Потерпите, не маленькие. Это необходимость. Он выбьет на спинах, между лопаток, первую букву имени, совсем маленькую.

— Почему там?

— Так легче опознавать тела, — «успокоила» Алевтина.

Утром начальник на всю округу прокричал:

— Подъем! Стройся!

Все же солдафонская натура неискоренима. То и дело переходил на армейские команды.

«Рядовые», всклоченные после сна, наспех одетые, выстроились в шеренгу, как и полагалось в этом случае.

— Прощайтесь! — внезапно объявила подоспевшая ко времени Алевтина.

— Как это? — расстроилась Карина, привыкшая быть постоянно рядом с верной подружкой.

— Прощайтесь, — повторила надзирательница без тени сочувствия, — первые три задания будете выполнять в одиночку. По-прежнему, телефоны под запретом!

— Как же мы будем ...

— По старинке, — отозвался Михаил, передавая каждому по запечатанному конверту.

— Потом откроете, — предупредила Алевтина, — все в одинаковом положении, можно сказать — лотерея. Я сама не знаю, что наши креативщики там «наколдовали». Информацию выучите наизусть и сразу же уничтожьте!

— А что дальше?

— Второе испытание, третье, после которого станет ясно, чего вы стоите.

— Как связь поддерживать будем? — не выдержала Карина, ненавидящая загадки.

Надоело играть в кошки-мышки.

— Не забегай вперед, Кара, — лукаво улыбнулась Алевтина, — вы ни в коем случае не должны пересечься друг с другом.

— Еще небольшое отступление, — вмешался Михаил, — о прошлой жизни придется забыть. За непослушание — карцер на месяц.

Тина обняла единственную подругу, крепко прижала ее к себе и прошептала в самое ухо:

— Завтра в семь на площади у Ленина.

— Я буду!

— Помни нашу клятву...

Шестой отряд, воодушевленный предстоящими приключениями проследовал к месту выдачи обмундирования. Новые документы, деньги на карманные расходы они получили вместе с ключами от их будущих мест проживания.

А в завершение — напутственные слова: «Ведите себя тихо, с вами свяжутся!»

Все тот же белый фургон выбросил Карину на автобусной остановке, выпустил клубы густого дыма из выхлопной трубы и умчался в общем потоке автомобилей в неизвестном направлении.

Вот она — вожденная свобода! И сбегать не нужно, решилось без напряга. Плохо, что Карина разучилась воспринимать звуки большого города, как должное и вздрагивала при каждом шуме тормозов, сирене спецтранспорта. Два года в замкнутом пространстве, среди глухомани, сделали из нее тревожно-осторожную дикарку.

«Черт, возьми, как громко!» — сердилась она, следуя в более тихое место.

Карина повзрослела на два года, но в душе осталась все тем же обиженным ребенком, желающим мстить миру.

Наплевала она на запреты — первым делом, отправилась в общагу, где оставила вещи, милые памяти безделушки, купленные по случаю на крошечное пособие по сиротству.

Каково же было ее удивление, когда ее не узнала вечно дремлющая на вахте баба Валя.

— Куда? — заорала она, едва Карина попыталась прошмыгнуть мимо.

— Баб, Валь, это я!

— Много вас тут ходит! — заворчала старушка, поправляя очки.

— Карина Ульянова из сто пятой.

Тут вахтерша, будто прозрела:

— Так тебя ж прошлым годом еще выписали.

— Почему?

— Как же, абитуриенты заселились — первокурсницы.

— А мои вещи?

— На мусорку свезли.

Карина едва сдержалась, чтоб не расплакаться. Не по поводу заношенных маек и пары джинсов, которые самой впору было вышвырнуть, а того самого плюшевого медведя, которого прижимала к груди в самые тяжелые минуты.

После от той же всезнающей бабы Вали, Карина узнала, что квартира по расселению передана другой сиротке. Значит, по сути, она является лицом без определенного места жительства. А особое негодование вызвал факт, что с того времени, как она пропала, никто не беспокоился о ее судьбе. В местном отделении полиции не имелось личного дела о поиске, никто ж не писал заявление. Вот, уж, правда — задворки общества. Нормальное, благополучное общество, не для таких, как она. Был человек и нет — пустое место!

— Где пропадала? — поинтересовалась вахтерша.

— Там меня больше нет! — отозвалась Карина, поворачиваясь к ней спиной.

Оказавшись в центре города, она бесцельно мерила шагами мостовую. Обида до боли стиснула грудь, следовало расплакаться, закричать, чтобы освободится от тяжелого гнета. Только по-прежнему, озлобляясь с новой силой, дерзкая девчонка крепче стиснула зубы. Она четко определилась со своим будущим.

Небрежно вскрыв конверт, она обнаружила внутри маленькую записку. Такую крохотную, что буквы едва были различимы.

«Фитнес Драйв», Кот, телефон, адрес».

— Мура какая-то! — проговорила вслух.

Перечитала, выучила наизусть, почему-то чувствуя себя полной дурой. Вот, если бы Тинка была рядом, у нее мигом возникло без числа вариантов, и она уже двигалась бы в направлении, строго по курсу. Вместо того, чтобы изорвать клочок бумаги, как «завещалось»

ранее, Карина сунула его в карман куртки. А вась слова забудутся!

Квартирка в спальном районе, к замку которой подошел ключ, имела аскетический вид: стол, стул, односпалка. Окно наглухо зашторено порттьерами кирпичного цвета, почти такого же, как и все вокруг от потолка до пола. Дизайнер интерьера, по всей видимости, огромный оригинал или практичный скряга, не желающий потратиться на пару рулонов обоев. Впрочем, окинув взглядом новое пристанище, Карина осталась довольна. Прежде приходилось довольствоваться и меньшим, а тут — чистенько, непривычно тихо, что и требовалось любительнице одиночества.

Карина хорошенько выспалась, позавтракала загодя купленными бутербродами. Готовила она отвратительно, поэтому почти всегда перебивалась перекусками всухомятку. Она целый день провалялась в постели, наслаждаясь покоем до вечера, до поры встречи с Тинкой.

На площади была ровно в семь. Грозная фигура бывшего вождя, возле которой собирались парочки на свидание, показывала ей направление, куда двигаться в случае чего. Минут час, другой, а взбалмошной подружки не было видно ни с одной стороны. «Обманула? — мелькнуло в голове, — или...» Ох, уж это «или»! По спине холодком спустился неприятный озноб, хотя на улице стояла вполне себе теплая погодка.

Спустились сумерки. Карина догадалась, что ожидания напрасны. Она злилась и вместе с тем беспокоилась, зная характер Тины, к которой с недавнего времени испытывала по-настоящему теплые чувства. Пообещала себе, что завтра, ровно в семь будет стоять на этом же месте. К сожалению, день прошел бесполезно и закончился на печальной ноте.

Она отыскала кафе неподалеку, заняла место за столиком в углу, откуда просматривался весь зал. По инструкции так поступали все настоящие шпионы. Ее внимание привлек одиноко сидящий молодой человек, увлеченно листующий страницы в телефоне. Он нервно водил руками по лицу, поправлял непослушную прядь челки. Карина невольно залюбовалась красивым профилем, манерой двигаться. Тот магнетизм, который исходил от незнакомца, мигмом проник в ее сознание, завладев всем существованием. Несомненно, ей хотелось наблюдать за ним бесконечно.

Карина не ведала любовных переживаний, той трогательности и трагизма одновременно, когда сердце мучается от амурного недуга. В момент, когда ее «занесло» в это кафе, Купидон запустил острую стрелу, и она попала точно в цель. Ей хотелось подойти к незнакомцу, заглянуть в глаза, коснуться его руки, чтобы в памяти оставить черты, приводящие в трепет.

М-да! Напрасно ругают любовь с первого взгляда. Звучит не просто романтично, а по-волшебному заманчиво. В моральном аспекте — сказка и вовсе именуется «психозом», хотя и не укладывается в рамки установленных диагнозов, потому что для «больных» сие неведомо. Они тупо сияют в полете, поджаривая на солнце тоненькие крылышки, порой сжигая их дотла.

Карина попала. Пусть со стороны она выглядела чудачкой, полностью поглощенной своими внутренними переживаниями, в натуре она хотела любить и быть любимой.

Она пришла в восторг от вида незнакомца, как никогда прекрасного, загадочного и вместе с тем влекущего. Этаким симбиоз запретного плода со змеем искусителем. Сидела и потихоньку млела, теряя осязание пространства. В подсознании всплыл застрявший образ идеального мужчины, принца и негодяя одновременно. Ведь именно таких предпочитают хорошие девочки. Она мысленно дорисовала, разукрасила яркими красками видение

потенциального возлюбленного. Да, согласна, она не знала этого красавца, пока что не имеющего определенного имени, но образ идеала совпал с реальным человеком, находящимся на расстоянии вытянутой руки.

Химия, бессознательные сигналы, передаваемые не иначе из космоса, лишили впечатлительную Каринку рассудка. Она оглохла, ослепла и вошла в состояние эйфории, когда все остальные инстинкты отключаются, в том числе и самый основной закон самосохранения.

Она безотрывно смотрела, как незнакомец отодвигает пустой стакан и встает из-за стола к превеликому сожалению. Двигимая порывом, она рванула следом и настигла его на выходе.

Он обернулся, придерживая дверь. Небрежно скользнул взглядом по особи женского пола, находящейся сзади.

— Вы не ударились? — поинтересовался он, чисто из вежливости.

— Ничуть! — ответила Каринка, наслаждаясь звуком его голоса.

Она не ошиблась. Он — идеален! Даже слишком. А она? Достойна ли быть рядом, пусть даже и мимоходом?

— Я спешил и не заметил...

— Не стоит оправдываться...

Вот и весь диалог, закончившийся не начавшись. Красавец тормознул такси и умчался прочь, оставляя незадачливую Каринку в расстроенных чувствах. Не бежать же вслед!

«Фитнес Драйв, Кот, телефон, адрес».

Карина еще раз проговорила условия, понимая, что это фиаско. Из известных терминов лишь «Кот» — ясно и понятно, остальное фигня. То ли шутка, то ли розыгрыш, но по правилам, нужно было выполнить задание.

Решила включить логику: раз «Фитнес», значит — спортклуб. Если название иностранное, значит, не для бедных простачков, а для богатеньких любителей модернизации тела. Эдаких фанатов телесной красоты, когда в зеркале отражаются Апполоны, а на таком, как известно, экономить не стоит.

Кстати, в метро висело объявление, на которое нельзя было не обратить внимание: «Скульптура тела, наполни жизнь энергией!» — гласила ярко-красная листовка. В доказательство — фото «До» и «После».

Карина посчитала эту подсказку ничем иным, как удачным стечением обстоятельств, потому что считала себя везучей. Она досконально изучила постер, запомнила адрес, телефон, радуясь факту, что находится на полпути в нужное место. Всего-то пара остановок!

По пути прикупила дешевую майку и шорты, злясь, что пришлось раскошелиться на кедки. Выданная сумма расходовалась, по ее мнению не туда куда нужно, потому что загодя распределила, куда следует тратить.

Попасть внутрь спортивного комплекса оказалось вполне себе легко. Купила билет, расписалась в паре бумажек сомнительного содержания, и уж было настроилась на тренировку, как на ресепшене поинтересовались:

— Ваш медосмотр?

Только этого не хватало!

— Дома забыла.

— Ничего страшного. Наша медсестра за пару минут оформит нужную справку.

Каринка выложила «скромную сумму», чтобы стать обладателем листочка с разрешением. Чуть не лопнула от досады, подсчитывая убытки.

— Куда желаете? — поинтересовалась девушка-администратор, делая дежурную улыбку, как того требовали обязанности.

— А куда можно?

— Хореография, теннис, можно групповые занятия, можно — личный тренер...

— Я просто попробовать.

Карина прошла в зал, где оказалось не так многолюдно. Хотя, неверно, девчонок и вовсе не было, лишь десяток брутальных мачо, тягающих внушительного вида гантели.

Выбрала известный велотренажер и приступила к тренировке, краем уха вслушиваясь в размеренные беседы спортсменов, посвященные в основном правилам наращивания мышечной массы.

— Салют, Кот! — воодушевились атлеты, когда к ним присоединился огромного размера «шкаф».

Каринка воодушевилась, едва слышала следующее слово из задания, значит, она может похвастаться, что движется в нужном направлении. Теперь, ясно, что следует узнать номер телефона этого амбала. Дерзкая девчонка замыслила сразу же приступить к

исполнению.

— Здравствуйте, — обратилась она к Коту, — не могли бы вы мне помочь?

При этом, вспоминая уроки обольщения, она облизнула верхнюю губу, тряхнула волосами и выпятила грудь вперед. Ну, чем не роковая красотка?

— Ты это мне? — пробасил образец культуриста.

— Я здесь в первый раз...

— Надеюсь и в последний! Найди инструктора и успокойся!

— Чем я вас обидела?

— Не люблю прилипал, явившихся, с целью закадрить настоящего мужика.

Кот явно сердился. У него только пар из ноздрей не шел.

— Не мешай мне заниматься! — подытожил он, поворачиваясь к ней спиной.

Глупышка не подозревала, что кроме самого себя этот мужчина не замечал никого на свете. Даже на девушек он смотрел сквозь пальцы, потому что их общество отнимало кучу времени. Он тупо наслаждался видом собственного тела и оргазмировал. Он идеален! Он Бог! Эталон! Когда-то в прошлой жизни, будучи дрыщом с прыщавым лицом, мечтал о поцелуях конопатой одноклассницы, а сейчас воротил нос от топ моделей и все потому, что ни одна не могла сравниться с совершенством.

Карина пыталась еще раз подойти, завести знакомство, но снова получила отставку: «Я занят!» — зло бросил мачо, продолжая взмахивать руками.

Она не отчаивалась, планируя проследить за ним до самого дома. Кот в красных конверсах, в куртке ярко-лимонового цвета и джинсах появился из раздевалки и походкой победителя проследовал на улицу, а Карина, естественно, поспешила за ним.

Два квартала она успевала, а когда объект скрылся за углом, потеряла из вида. Поискала глазами, повертелась, надеясь угадать направление: «Ворона!» — ругала она себя. Ничего не оставалось, как идти наугад. Местность малоприятная. К тому же Карина была здесь впервой. Среди обветшавших старых заборов, окружающих заброшенные дома, просвечивали и вовсе замусоренные проулки, в которых собирались бездомные.

Внезапно, она получила удар сзади и потеряла сознание. Очнулась крепко привязанной к стулу в темном душном помещении. Во рту кляп, даже простонать не получилось. Голова раскалывалась от боли и разрывалась от резкого внутреннего звона. Звук насиловал барабанные перепонки, заставляя вздрагивать от изощренной пытки.

Карина подняла глаза и поморщилась, пытаясь понять, что же с ней произошло: кралась следом за объектом, пряталась за углом, а потом... Словно по частям, по крупичкам, память рисовала предыдущие события. Шпионские маневры она посчитала игрой, актерством, за что и поплатилась.

Сквозь заколоченные окна свет едва проникал внутрь, искажая тени на стене. Она спиной ощущала, что здесь не одна. Правильное умозаключение. Вскоре она уловила тяжелое дыхание совсем близко.

— Ты следила за мной? — услышала она знакомый голос.

Перед ней возник тот самый Кот.

Карина помотала головой, пуская подобие слезы.

— Думаешь, я поверю?

Он выдернул кляп из ее рта и сквозь зубы процедил:

— Заорешь, убью!

Карина и не собиралась кричать. Она старалась найти выход из ситуации, в которую

влипла по глупости.

— Отвечай! — нетерпеливо настаивал Кот.

— Ты мне понравился...

— Не ври! Ты не первая, кто пыталась подбить под меня клинья.

— Я не вру! — запищала Карина.

— Тогда, может, приласкаешь меня?

Карина не на шутку испугалась, понимая, что во власти этого мужчины. Он может оказаться кем угодно — насильником, убийцей или вовсе извращенцем, заживо сдирающим кожу или отрывающим ногти.

— Не надо, пожалуйста! — взмолилась она.

— Ты только что созналась, что почти влюбилась в меня!

— Так и есть, но я не думала, что ты рассердишься, — изобразила она подобие улыбки.

Кот обошел вокруг, разминая руки.

— А ты ничего. С пивком потянет! Хочешь поиграть?.. Хочешь?

— Нет.

— Вот это сюрприз! Разве не с этой целью ты таскалась за мной по улице?

Карина молчала.

Кот не торопился, смакуя власть. Он с удовольствием рассматривал свою рабыню, прочно зафиксированную на стуле. Пусть на короткое время она полностью принадлежит ему и он может делать с ней все, что захочет. Он почувствовал, как его член напрягся и готов выскочить на свободу.

— Считай, что нашла приключение на свою красивую задницу, и тебе несказанно повезло! Сейчас я тебе устрою гонки с преследованием! Вообще не очухаешься! — в голос рассмеялся Кот.

Он ухватил голову Карины и притянул к своему животу.

— Знаешь, как я люблю?

— Нет, — с ужасом прошептала она.

— Надеюсь, ты не разочаруешь меня.

Шумно дыша, Кот засунул ей в рот палец.

— Соси, детка! Целуй!

Он уже приготовился было расстегнуть джинсы.

— Не хочу... Не трогай меня! — на грани истерики закричала она.

— Будешь орать, сделаешь только хуже. Как говорится, расслабься и получай удовольствие. Ты же не хочешь, чтобы я зарядил тебе в ухо?

Карина заплакала.

— Фу! Противно. Не люблю трахать сопливых баб, — признался Кот, — думал развлекусь, а тут...

У него пропал весь запал. Он сжал челюсти и метнул в нее уничтожающую молнию взгляда.

— Жалкая! Надеюсь, это будет самая близкая в твоей жизни точка к тому, чтобы тебе не съездили по фейсу, — ехидно процедил он.

— Я же ничего плохого не желаю! — завопила Карина.

— Тихо! Не визжи! Ты утомила меня! Я не насильник, а ты должна была бы доплатить, чтобы я раздвинул твои ноги.

Он почему-то вдруг, замер, а потом задал странный вопрос:

— Ты из агентства? Как же я сразу не допер!

Неужели он рассекретил ее? Вот досада!

— Не поняла? — прикинулась она глупой.

— Заткнись, сучка, — равнодушно отреагировал он.

Потом подошел и ударил со всей силы. На ее щеке появилась ссадина и тут же брызнула кровь. В голове зазвенело, и Карина провалилась в туманное состояние.

— Говори! Шлюха!

— Что говорить?

— Кто ты и откуда?

— Марина Смирнова... Студентка...

— Туфта! Хорош, заливать!

— Я не заливаю.

Кот замахнулся и еще раз ударил ее по лицу, отчего она снова провалилась в сознании. Когда очнулась, пытка продолжилась.

— Я догадываюсь, откуда ветер дует, — продолжил истязатель, делая маневр вокруг стула, — осталось получить доказательства.

— Отпусти меня! — взмолилась Карина, чувствуя солоноватый вкус крови во рту.

— Не мечтай! Куда я тебя теперь отпущу? — засмеялся страшный человек.

Он принялся обыскивать ее. Пошарил под одеждой, даже запустил руку в лифчик.

— Что тут у нас?

Кот, ухмыльнулся, показывая листок бумаги, который Карина «предусмотрительно» оставила в кармане брюк.

— Фитнес Драйв, Кот, телефон, адрес, — вслух прочитал он.

— Это не мое, — пробормотала Карина, холодея от ужаса.

— Кто тебя нанял — большой осел! Я бы никогда не бросился на дешевую девку, к тому же глупую, как пробка.

— Никто меня не нанимал. Я сама!

— Я ждал кого угодно: достойного противника, умного, хитрого, способного убить без жалости.

— Не волнуйся, — сквозь зубы прошипела Карина, — скоро ты сдохнешь!

Кот не мог больше сдерживать свой гнев, доведенный до критической точки. К тому же наглая девица внезапно поменяла настроение.

— У тебя, что в голове переключилось. Это ты скоро отправишься к предкам!

— У меня их нет! — глядя в упор бросила она.

— Значит, плакать никто не станет!

— По тебе, видимо, тоже! — ощерилась она.

— Надоело возиться! — взвился он, потирая костяшки рук.

Следующий удар отправил Карину в нокаут.

Действительность поплыла в ярко-розовых кругах, стирая остатки памяти, в которой не было ничего приятного. Вязкое тягучее болото затягивало в свои объятия и тянуло на самое дно. Карина, вдруг, ясно поняла, что игры закончились, и она находится на грани между жизнью и смертью. Когда она подписывалась на «приключения», то в уме были совсем другие картинки, реальная же действительность оказалась слишком суровой. Пропадая вновь, она, как никогда хотела жить.

— Проснулась! — услышала она голос Алевтины, когда Карина открыла глаза.

— Где я?

— Ты не справилась, — с укором выговорила наставница.

— И что теперь?

— Решать будет команда.

— А остальные?

— Показали блестящие результаты. Даже твоя сумасшедшая подружка.

— А Кот?

— Ром его нейтрализовал, как только вычислил, где ты находишься.

— Убил?

— Покалечил немного, а заодно выполнил и твою часть задания. Кот, оказался сговорчивым собеседником и живо выложил нужную информацию.

— Значит, я у него в долгу? Еще немного и я бы попрощалась с жизнью!

— Ошибка за ошибкой, вот и результат. На занятиях следовало слушать, а не в облаках витать!

Целую неделю Карина была под бдительным наблюдением медички Клары, которая возилась с ней, как с маленькой.

— У тебя сотрясение. Хорошо, что отделалась легким испугом. Могло быть гораздо хуже.

— Куда уж!

— Поверь, я знаю, что говорю и мне приходилось видеть более страшные последствия безалаберности.

Настоящим испытанием выдалось — покинуть стены госпиталя, за которыми группа в полном составе ждала ее возвращения. Карине было стыдно поднять глаза на соратников, разглядывающих ее побитое лицо.

— Ну, и досталось же тебе! — посочувствовала Тина, как и прежде прижимая подругу к себе.

— Почему ты не пришла? — прошептала Карина с обидой.

— Все утро прождала...

— Я же думала, что в семь вечера!

— Вечером — звучит в «девятнадцать»! Ты же знаешь, что я всегда четко выражаю мысли!

— Я облажалась! — громко изрекла Карина.

— У тебя будет другой шанс, — кратко изрек Джон, делая строгое лицо, — только помни, что другого не представится!

— Я постараюсь...

— Неверный ответ! Говори — выполню! Прими урок и сделай работу над ошибками.

У Карины возникло ощущение, что вокруг нее заговор, потому что при ее появлении все разговоры мигом прекращались. Если за минуту, она слышала, как дружная шайка обсуждает важные вопросы, а когда пыталась переспрашивать, резко меняли тему.

— Тин, что происходит? — решила спросить она, надеясь на откровенность.

— Пока ничего, — шутливым тоном отозвалась подруга, — скука!

— Ты сторонишься меня?

— Да, что ты заладила! Или тебе совсем голову отбили! Придумываешь небылицы.

Карина не верила ни одному слову. Ее подсознание предупреждало об очередной неприятности, вот-вот свершившейся в скором времени.

В канун выходных, когда все трудовые люди радуются и кричат «Ура, пятница!», группа шесть получала новые вводные.

— У нас преимущество. В городе будут только бухие, — радостно потирая руки, выговорил командир-Михаил, который по-обыкновенно высоко задирает нос. Его это диктовало позицию «сверху».

— Я бы тоже загудел на недельку! — внес поправку Ник.

— В следующей жизни, — отозвался Михаил.

— Да и по девочкам, а то скоро лопну! — присоединился Ром, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Разговорчики! Опустим подробности, действуем строго по инструкциям, которые получите перед выходом Единственное дополнение — следите за спиной, с явным намеком на Каринкин провал.

Командир мельком взглянул на Тину. Карина, следящая за каждым его движением, тонко уловила смысл послания, потому что подруга едва заметно кивнула в ответ. У этих двоих наверняка сложилась общая история. Ранее она видела, как эта парочка стремиться быть поближе друг к другу. В подтверждение — особая нежность в голосе строгого командира при обращении к Тинке.

После отбоя, когда мирно засопели все элементы группы шесть в ожидании приятных сновидений, Карина не могла сомкнуть глаз. Ей чудились страшные тайные комнаты со зловещими кошмарами. Представляя себя связанной по рукам и ногам, беспомощной и жалкой, она раз за разом прокручивала прошлые события, оказаться в которых больше не хотела. Она не могла рассказать даже близкой подруге о чувствах, которые испытала, находясь на краю гибели. Постепенно, забываясь в чутком сне, она заметила, что Тинка тихонечко поднялась с кровати, на носочках пересекла расстояние до двери и бесшумно выскользнула прочь.

Карина, движимая любопытством и еще каким-то внутренним позывом, последовала за ней. Тише привидения, осторожнее мыши она проследовала до общей комнаты. Встала у стены возле неплотно закрытой двери. До ее слуха долетали обрывки фраз странного диалога, принадлежавшего ее подруге и Михаилу:

— Я не могу! — на эмоциях, предупредила Тина.

— Можешь! — убеждал Михаил.

— Это подло!

— Ради общего блага и нашего будущего, терпи! Совсем скоро мы сможем быть вместе и жить долго и счастливо. Разве не об этом мы мечтали?

- Высокая цена!

— Думай о себе и обо мне!

— А как же Карина?

— У нее своя судьба. Не лезь! Лучше скажи...

— Что?

— Ты любишь меня?

— Люблю!

— Правильный выбор! Я тоже тебя люблю и готов на все!

Карина услышала звук поцелуя и смутилась. Ей неприятен факт, что она оказалась в роли вуайериста. Она не страдала патологией такого плана, но в данном случае, вынуждена признать, что подсматривание оказалось на пользу. У этих двоих, связанных влечением, было что скрывать и помимо любовных делишек. Во-первых, она пропустила момент, когда они успели «снюхаться», во-вторых — не понимала, при чем здесь она, раз ее имя было упомянуто. Роман, по накалу страстей находился на пике. Об этом свидетельствовали характерные звуки, доносящиеся из кабинета.

Карина решила разгадать эту загадку, следуя особой осторожности, ведь теперь Тина не была на ее стороне. Она вернулась в спальню, не дожидаясь окончания свидания.

Утром, оказавшись в городе, она развернула конверт: «Рюмочная «У Гоши». Хозяин — примерный семьянин, отец трех дочерей. В связях пророчащих не замечен, не судим».

Карина поняла, что предстоит работа не из легких, но судя из послания, не ясно, что предстоит выполнять. Допустим, она обнаружит объект. А дальше что?

Вот, уж теперь, точно, она не допустит ошибки. Конверт порвала, а клочки сожгла. Загодя вышла на разведку, к удивлению, понимая, что рюмочных в городе — две.

В первой, куда заглянула на минутку, выведала у словоохотливой официантки, все время крутившейся рядом в надежде получить чаевые, информацию о хозяине, его привычках, дурном нраве, а еще о ежедневном рабочем расписании. При этом не вызвав даже капельки подозрений.

Карина отправилась во второе заведение, более подходящее под описание и находящееся у «Черта на рогах».

Улочка в старом городе с рядами домов прошлого века, будто вышла из параллельной вселенной. Вопреки реалиям движения к прогрессивным технологиям, с каждым новым днем, совершающим скачки в эволюции, она отказалась от рекламного неона, вывесок, кричащих о распродажах и акциях. Трудно представить здесь ряды магазинов, продающих модную одежду, выставленную в зеркальных витринах или офис фирмы, занимающейся сделками с недвижимостью. Улица не имела милых кафе, с постоянно сидящими за круглыми столиками влюбленными, назначившими первое свидание. Среди коренных жителей сложно отыскать богатеющего банкира, чиновника с тугим портфелем, даже средний класс интеллигентствующей образованной прослойки обходил стороной заплесневевшие, захламленные этажи неуютных построек.

Вместо этого — выбоины в мостовой, создающие препятствия для проезда дорогих авто, уголки запустения с островками внезапно-организованных свалок мусора и люди, выпавшие из прошлой эпохи.

Чуть светило поднималось из-за горизонта и озаряло ласковыми лучами холодные каменные стены большого здания бывшей гимназии, как неведомо откуда появлялись дамы, определенно считающие себя любительницами винтажных платьев, душегреек из лисьего меха и шляпок всевозможных форм и фасонов. И пусть за версту чуялся запах нафталина, пропитавший даже созерцание сего променада, на просветленных лицах дам отражался эффект совершенства. Мужчины, сплошь покрытые пеплом серебра в волосах, вторили представительницам противоположного пола, облачаясь в пиджаки и пальто производства послевоенных швейных фабрик, дополняя их брюками на стрелку, а то еще и головными уборами коллекции английский твид. Особо бережливые и рачительные граждане имели обувь по сезону на толстых подошвах-платформах.

Столовая общепита на сто мест, переходящая красным вымпелом от одного хозяина к другому и доведенная до грани износа в финансовой и хозяйственной части, размещалась как раз посередине улицы и являлась единственным местом «культурного» отдыха страждущих лиц, ведущих асоциальный образ жизни. Место, ошибочно выбранное для базирования, проклиналось и не единожды поминалось красочными эпитетами блюстителей морали. Это, как бельмо на глазу, когда среди уравновешенно-медлительного течения меланхолического восприятия мира, возникает очаг острого возбуждения.

Завсегдатаи задворок и парковых лавочек, гоняемые блюстителями порядка, были желанными гостями в столь популярном заведении. Им открывались кредиты доверия до следующей зарплаты.

В столовой больше не готовили блюд по большой поваренной книге о вкусной и здоровой пище, одобренной наркомом пищевой промышленности. В меню — пара салатов для закуски, традиционный суп из колбасных изделий и второе со слипшимися макаронами на гарнир.

Узкое крылечко с металлическим козырьком, звенящим от порывов ветра, не было обозначено отличительными познавательными знаками в виде моргающей светодиодами вывески. Только на двери, на табличке значилось: «Рюмочная у Гоши» и режим работы с десяти утра до десяти вечера.

Хозяин не заморачивался внутренним убранством, полагаясь на отсутствие вкуса в дизайне данной категории посетителей. Удобные жесткие стулья, подставленные к пластиковым легким столам, служили верой и правдой, не первый год. Они даже прошли испытания в драках, используясь в качестве орудий сражения. В целях экономической воздержанности, с получением максимальной прибыли, при малых убытках, предприниматель средней руки сократил расходы на освещение, приобретение посуды, скатертей, зато увеличил количество охраны, строго следящей за порядком.

Это утро мало отличалось от прочих. Несмотря на пасмурную, скучную погоду, навевающую сонное настроение, клиент поступал с закономерным постоянством. Судя по низкому расположению иссиня черной тучи, дождь прибывал как раз к обеду. Народ не пугали ни ливень, ни ожидание грозы с искрящимися разрядами молний, ни даже оглушающие раскаты грома. Кому-то природное явление становилось темой для поддержания дружеской беседы, ведь, порой так хочется поговорить по душам.

Противно скрипнула входная дверь, на звук которой подняли головы, дремавшие до этого посетители.

— Ничего себе! — присвистнул щербатый, которому на днях проредил зубы случайный «друг».

— Фифа! — поддержал его столь же колоритный персонаж.

На всеобщее обозрение предстала невиданной красоты девушка в ослепительно алом платье. Мигом оценив обстановку, слегка поморщив носик, она тряхнула гривой волос цвета воронова крыла и походкой модели проследовала к барной стойке. В ее грациозном движении, наполненном искусством обольщения, сошлись воедино и пластика и кошачья осторожность. Хрупко сложенная фигурка, облаченная в переливы блестящего шелка, обладая природным магнетизмом для особей мужского пола, являла эталон женской привлекательности. Судя по всему, неземное существо явилось с небес, чтобы озарить светом заблудшие тени, когда-то числящиеся людьми, а теперь по воле судеб оказавшиеся здесь.

Клиент приосанился, взял себя в руки, освобождаясь от плена депрессии, намереваясь разгадать причины, по которым девушка снизошла до столь скучного и забытого места.

Каково же наступило ошеломление, когда с прекрасных губ сорвалось резкое: «Налей, покрепче!», предназначенное молоденькому бармену.

Тот, следуя этикету заправского бариста, решил блеснуть познаниями в марках элитного алкоголя, ведь, не зря обучаясь на курсах, он зубрил тонкости профессионального мастерства. Когда-то паренек мечтал встать за барную стойку роскошного ресторана, где стал бы наблюдать за гламурно-светской тусовкой, смешивать и разливать модные коктейли, а главное наслаждаться близостью к шикарной жизни персон с обложек гляцевых журналов. Такого не привелось, даже в эту чудо-забегаловку удалось устроиться с трудом. Когда пришло время подписывать бумаги о приеме на работу, а тот день он помнил до мелочей, в строке должность и вовсе значилось — буфетчик.

Девушка оборвала начинания его изошренной демагогии сомелье:

— Давай на свой вкус, раз такой осведомленный!

Бармен расстроился, но просьбу выполнил, наполнив октагон напитком светло-коричневого оттенка лишь наполовину.

Если бы она хоть на миг позволила, он бы с легкостью поведал, что такое «флейринг»,

приготовил кроваво-красную «Маргариту», а может, сообразил что-то со сладким вермутом, только девушка явно была не расположена обращать внимание на субъекта вроде него. А ему как никогда хотелось произвести впечатление!

— То, что надо! — сообщила посетительница, делая глоток, без намека на отвращение.

Он разочаровался в сидящей напротив красавице, так впечатлившей его с первого взгляда. Только ведь и без подсказок известно, что внешность обманчива. Он легко сделал вывод, что ничто человеческое ей ни чуждо! Под таким банально-обыденным девизом проходит жизнь, людей, утративших веру и потерявших цель. Их устраивает абсолютно все, что вписывается в рамки искаженного сознания. Пускай вокруг пустота, помноженная надвое, в дополнение к удобному «плаванью по течению реки», зато среди себе подобных, они удобно коротают однообразные часы, все быстрее приближая печальный финал. Девушка оказалась только по внешнему виду холодной, недоступной звездой с неба, на самом деле — она член команды корабля, идущего ко дну. Пусть пока ее щеки светятся румянцем, а осанка не лишена изящества, на завтра она встанет спозаранку и потеряет интерес к миру со всеми удовольствиями и отдаст предпочтение пороку, вызываемому зеленым змием.

— Еще! — потребовала девушка, едва стакан опустел.

По всей видимости, ее приход обозначен целью набраться по-полной. Она, приняв еще более удобную позу, закинув ногу на ногу и облокотившись на столешницу выдавшей виды, вознамерилась прикинуться «Мыслителем».

— Красавица! — вновь обратил на себя внимание бармен, принимая деловитый вид и при этом яростно натирая стакан.

Она подняла томные пьяные глаза на звук голоса и презрительно хмыкнула, выражая тем самым верх недовольства.

— Зря висишь, подруга, — продолжил он, — здесь тебе ничего не обрыбится. Заведение выбрала не то. Выйди на улицу и вывеску прочитай: «Рюмочная», а не «Метрополь».

— Отвали! — выдохнула она и приняла развязную позу. Облизнула пухлые, соблазнительные губы, выкрашенные красной помадой. Одернула и без того глубокое декольте платья, демонстрируя красивую грудь.

Бармен плотоядно улыбнулся и сглотнул. Он и сам был не прочь поиграться с такой малышкой. Работая здесь третий год, он особенным чутьем определял посетителя на предмет занятости. Сейчас показалось, что перед ним ночная бабочка, чудесным образом залетевшая на огонек. Ошибки быть не могло — на перекрестке за углом через три квартала в вечернее время жрицы любви ходят косяком, но в их скромный бар носа не показывают, тем более днем. Он, обладая логическим складом мышления, выстроил пару версий, относительно появления столь привлекательной особы: либо она припозднилась у клиента, либо ожидает следующего, а может и вовсе решила поменять точку, чтобы избавиться от нежелательных конкуренток. Приличные дамочки, матери семейств появлялись за порогом бара, имеющего дурную славу лишь по ошибке, да и то на долю секунды, после чего стыдятся и краснея, убегали прочь.

— Не думаю, что птичка твоего полета в платье за шгуку баксов, отдастся за рюмку дешевого пойла, — не унимался назойливый бармен.

— Че-е? — широко раскрыла она глаза от удивления, — да как ты смеешь!

Подобное обращение явно звучало оскорбительно, поэтому у нее на лице появились все основные проявления реакции гнева.

— Не сердись! Я добра желаю. Вон, к примеру, та троица в углу, давно с тебя глаз не сводит. Бьюсь об заклад, что они поспорили: «Кто первый вдует?»

Красотка обернулась, лишь мельком наблюдая мужчин, неопределенного возраста с явными признаками постоянных клиентов. В дешевой забегаловке со столь же занятным названием к одиннадцати утра собралась характерная для этого времени публика. Сторонники нездорового образа жизни слились в едином порыве — лечения ради. Употребив желанные сто грамм на остатки мелочи, они разбредались кто куда, словно тараканы.

У рюмочной совершенно специфический «аромат», который трудно спутать ни с одним другим, а модель в вечернем платье среди пропахшего алкоголем интерьера, выглядела нелепо: все равно, что роза посреди крапивы. Тем ни менее, она вела себя так, как будто посещение подобных мест для нее — дело обычное, можно даже сказать регулярное.

— Плесни — ка, еще! — опять скомандовала она бармену.

— Думаю, достаточно!

— Андрей Кузнецов, — прочитала на бейджике, — исполняй свои обязанности и не суй нос, куда не следует!

— Разрешите, вас угостить, — подоспел к разговору дяденька с приличной небритостью на лице, — что дама желает?

— Дама желает дом на Мальдивах, — хихикнула она, демонстрируя наличие чувства юмора.

Дяденька копошился во внутреннем кармане пиджака, затем проверил содержимое карманов брюк и извлек на свет помятую сотню и несколько монет.

— Не густо, — сообщил бармен, — на угощение не хватит!

Сконфуженный ухажер вернулся к верным товарищам, разъяснять провал операции, под кодовым названием «Подкат», хотя верные друзья, перед этим давали наставления по искусству пикапа, не забывая упомянуть об уверенности во взгляде, силе напора, которым альфа-самцы завоевывают даже самых неприступных красавиц. В образе «нахала», самовыдвиженец решился подойти по причине пиара в глазах восхищенных братьев, ведь он так кичился успехом у противоположного пола.

Те после коротких обсуждений, решили активизироваться вокруг барной стойки, дабы показать всю неотразимость потенциальной подружке.

В ее планы не входили столь «приятные» знакомства, потому что на знаки внимания она не прореагировала. Напротив, выражение надменно-красивого лица заявляло об отвращении при малейшем взгляде на честную компанию.

Добры молодцы, рассерженные неласковым обращением, решили сменить тактику, следуя чисто философским подтверждениям внутренней привлекательности человека, а не внешними признаками самооценки. По их мнению, и это проверено практикой, проблема не в наличии красоты, таланта или достижений в любой области науки, а в том, что имеются сложности с принятием самое себя, как выдающейся личности. Ежедневно закрываясь от мира за лживыми масками, стыдясь бедности, эксцентричности, неудач на личном фронте, исчезает уважение к себе, что приводит к тяжелым последствиям. Как бы сейчас выразились классики — главное ладить с самим собой и неважно о чем думают другие!

Гармонии в серых прогнивших насквозь душонках забуддыг хоть отбавляй, а чувства меры не осталось и вовсе. Фразы их прямолинейных бесед, никоим образом не сочетающихся с общепринятыми нормами приличия, изобиловали плоскими намеками на

низменные наклонности людишек подобного типа.

Без особых церемоний, вроде: «Здравствуйте, разрешите представиться!», наглый кавалер приобнял девушку, выдыхая ей в лицо «аромат» недельного перегара.

— Ну, что, красивая, поехали кататься, — нараспев выдал он.

— Поехали, — согласилась она, — а на чем?

— На нем... — многозначительно ответил алкаш, а приятели дружно загоготали, оценивая отпадную шутку.

— Давай, соглашайся. Не пожалеешь, аппарат у меня — что надо! Если не накатаешься, парни помогут.

Карина взглянула на настенные часы, отсчитывающие теперь и ее время: «Тик-так! Тик-так!» в такт биению собственного сердца. Иногда, кажется, что минуты слишком спешат, обгоняя друг друга, и лишают возможности опомниться от скорого бега, а иногда — замирают, отнимая остатки терпения. Сейчас подходил именно такой случай. Как же она ненавидела ждать, пребывая в неведении! Куда проще, когда действия происходят строго по расписанию.

До появления объекта за номером «Два» оставалось не более получаса, значит, предстояло выкручиваться мирным способом. В неловкой ситуации с пристававшими пьяных мужланов, в другой раз она не стала бы церемониться: тот час расправилась бы с быдлом, протягивающим вонючие руки, куда не следует. С глубоким омерзением она взглянула на обнимающую ее лапу с отвратительными грязными ногтями. Мысленно представила, как пьяная морда корчится на полу с разбитым носом, а рубиновые капли крови, окрасившие пол и оставшиеся на костяшках ее пальцев, становятся результатом оценки отношения к подобным типам. Как и прежде, вступая в разборки с лицом, сильнее по росту или весу, она всегда одерживала победу и сейчас если бы могла, за пару минут пересчитала ребра не только одному, а всей теплой компании.

Ну, а в реальности, засунув гордость в глубокий карман, проворковала:

— Ой, мальчики, вы такие шутники, давайте знакомиться!

Бармен покрутил пальцем у виска.

— Да, ты больная на всю голову. Может охрану вызвать? Только намекни!

— Тебя, что ли охранять? — пошутила Карина, — не мешай отдыхать, правда, мальчики?

— Ага, — не умудренные большим словарным запасом, подтвердили пьяненькие собутыльники.

Только начал налаживаться их «взаимный интерес», основанный на уважении и искренней симпатии, как женишки внезапно сдулись. Уровень их алкализации достиг критической отметки. Сложно выведать их имена, адреса и прочие подробности брэнного существования. Едва удерживаясь на ногах, приятели роняли стулья, двигали столы, при этом жестикулируя и громко сквернословя. Бармену поневоле пришлось вызывать такси и выдвирать тройцу из заведения.

Карина расслабилась, оказавшись в безопасности. Ведь с самого начала было сложно понять, чем закончится подобное приключение и на что переклинит мозги неожиданных кавалеров, настроение которых менялось со скоростью света.

— Наливай, красавчик! — вновь протянула она стакан заботливому бармену.

Пока тот замер, оценивая ее состояние, она мило улыбнулась, достала из аккуратной сумочки круглое зеркальце, поправила прическу, подкрасила губы.

— Красавчик!? — повторила она, подмигивая ему, как старому знакомому.

Бармен, просиявший от лестного комплимента, расцвел в подобострастной улыбке:

— Сию минуту!

Объект «Два» прибыл в срок. Грозная фигура владельца «Рюмочной» и по совместительству Гоши ввалилась в заведение ровно в полдень. Как и заверялось ранее,

хозяин этой и ещё пары подобных пивнушек всегда в одно и то же время объезжал владения в целях надзора за нерадивым персоналом.

Мужчина с огромным пивным животом и раздувшимися щеками вразвалочку проследовал вдоль зала. Колоритный персонаж, со всеми признаками страсти к злоупотреблению едой. Пиджак размера пять XL и то с трудом сходил на столь внушительном теле, по сути, стремящейся к форме шара. Натянутая рубашка, соединенная маленькими пуговками, казалось, трещит по швам. Издалека слышалась тяжелейшая одышка, будто он пытался заглотить весь воздух, находящийся в ближайшем окружении. Еще бы — такой вес!

Не задерживаясь, он скрылся в помещении кухни, а уже оттуда раздались громкие начальственные крики. По обыкновению он пушил нерадивых поварят за гору грязной посуды, пролитое масло и сгоревшее жаркое. Тут же послышался непонятный грохот, суета, по всей видимости, связанная с желанием посудомойки исправлять огрехи.

«Отличный семьянин, отец трех дочерей» — гласил абзац в досье. Не замечен, не привлекался и так далее. В целом — чисто положительная характеристика.

«Да, тут работы — тонна!» — про себя пошутила Карина.

Это обидное задание она получила в наказание. Шеф так и сказал: «Облажаешься в этот раз, пойдешь полы в конторе мыть».

Утром, наряжаясь в дорожное платье и туфли на шпильке в тон, она предполагала, что владелец бара непременно заметит ее. Такая «Звезда» обязательно засияет среди прочих клиентов убогого заведения. Платье, кричаще-вызывающего фасона и такого же сногшибательного цвета, было достойно красной ковровой дорожки где-то в Италии на главном кинофестивале самых престижных наград. Вокруг тысячи пронырливых журналистов, бесконечно щелкающих кнопкой фотоаппарата, и стремящихся запечатлеть на века лучший экземпляр женского рода.

Еще раз убедилась в своей неотразимости: в большое зеркало пристально смотрели огромные карие глаза с длинными пушистыми ресницами, которые можно было даже не красить, природа и так одарила с лихвой. Она знала, что излишняя косметика делала ее старше, грубее и лишала естественного очарования молодости. Тронув яркой помадой губы, припудрив маленький симпатичный носик, который умела смешно морщить, она еще несколько минут провертелась возле очаровательного отражения. Непонятно зачем, она соорудила сама себе игривую гримасу: «Красотка!» и послала воздушный поцелуй.

Излишняя самоуверенность всегда значилась среди ее главных минусов. Юношеский максимализм и отсутствие надлежащего воспитания, напрочь лишали ее барьеров. Подобный склад характера никаким образом не сопоставлялся с ангельской внешностью, а крепкое словцо, выпущенное из прекрасных уст, ставило в тупик.

Когда хозяин «Рюмочной» проследовал мимо, даже не взглянув на «предел совершенства», настроение резко испортилось. Карина не ожидала, столь внушительного препятствия к осуществлению возложенной на нее миссии, потому что была осведомлена о факте отсутствия у мужчин такой фактуры основного мужского полового гормона.

«Черт!» — мысленно выругалась она, находясь на грани провала.

В таких случаях обычно был план «Б», но, действуя наспех, без страховки такового на раз не случилось.

«Та-дам! Сейчас будет импровизация!» — решила она, поднимаясь со стула.

Владелец заведения широко распахнул дверь кухни, на ходу выкрикивая последние на

этот день распорядился. Он был не просто зол, в его темпераментном уме, преисполненном праведного гнева, заканчивалось терпение. Обтерев ладонью потное лицо, он зачем-то со всей силы ботнул дверь. Пятясь, увален свалил с ног хрупкую брюнетку.

— Упс! — вырвалось у нее.

Алое платье бесстыдно задралось, оголяя стройные ножки в ажурных чулках.

Объект, оказался довольно приятным человеком. Когда он подал руку, помогая ей встать с пола, он с виноватым видом извинялся больше десятка раз.

Карина убедилась — внешность обманчива. Толстяк, почему-то ставший объектом разработки, отличался добродушным нравом и хорошим воспитанием. Он вызывал только положительные эмоции, в своем желании понравиться или хотя бы завязать приятельские отношения.

— Простите! Я такой неловкий, — пытался он исправить обстановку.

— Это я виновата, — отозвалась «шпионка», улыбаясь во весь рот, — замечталась.

— Вам простительно.

— Отчего ж?

— Такая красавица может делать что угодно, не то, что я.

— По-моему, вы слишком недооцениваете себя, — польстила Карина, вспоминая уроки по психологии.

— Вы так считаете?

— Более того, убеждена в этом. Знаете, мне всегда нравились мужчины с особенным шармом. И красота человека не во внешности, а в духовности. Разве, вы думаете по-другому?

Гоша, застигнутый врасплох откровениями прекрасной незнакомки, посмотрел на себя с другой стороны. Все больше, покоряясь женским чарам, он таял от взора черных глаз.

— Как я могу загладить вину?

— Я бы не отказалась от мороженого в приятной компании.

— Я тоже...

Гоша, движимый неясными инстинктами, запутался в ловко выставленной паутине. Уже совсем скоро, он пытался развеселить Карину стихами собственного сочинения, напрочь забыв о статусе семьянина.

Если бы все испытания были подобного типа, Карина стала бы самой счастливой на свете. Она мило смеялась, реагируя на шутки. Она так и не поняла условий задания, просто наслаждаясь обществом интересного человека. До тех пор, пока он не спросил:

— Чем занимаешься?

Сначала она чуть оробела, делая паузу в ответе на простой, казалось бы вопрос. Этому ее не учили, даже и не пытались создать легенду благополучной жизни в социуме.

— Я студентка.

— М-м-м! Интересно! И кем планируешь стать?

— Психологом.

— Тогда понятно...

— Что?

— Из тебя получится отличный врачеватель душ.

В кармане Гоши ожил мобильный. Он моментально среагировал, едва взглянув на экран:

— Да, любимая! Конечно, буду! Люблю, целую!

Когда он убрал аппарат обратно, Карина задала прямой вопрос:

— Жена?

— Любимая женщина, — отозвался он, меняясь в секунду.

— Вам пора?

— Пожалуй, — согласился он не без сожаления.

— До встречи.

— До свидания. Я верный муж. Жаль, что мы не встретились раньше...

— А я не пытаюсь вас соблазнить, — призналась Карина.

— Я был не против при других обстоятельствах.

Карина еще раз прокрутила в голове задание, не вписывающееся в рамки шпионажа.

Чем таким обладал, сидящий перед ней толстячок? Загадка!

— Прощай!

— Прощай!

Простое общение — простое расставание. Внушительная фигура «объекта» скрылась за дверцами отечественного авто, а после и вовсе растаяла за поворотом.

Карина недоуменно проводила его взглядом: «Фигня какая-то вырисовывается!»

Рядом моргнул фарами черный седан, обозначая себя. «Видно, по мою душу» — решила она, усаживаясь на заднее сидение. За рулем сидящий молчун, даже не сказал: «Привет!»

— Эй, ты! — в обычной манере дерзнула Карина.

Только водила, даже не обернулся.

— Ну, и черт с тобой!

Равнодушие. Нет, скорее взросление, в котором нет ни капли любопытства, только действие закона самосохранения.

На базе вновь собралась вся команда в полном сборе. Тихо, без обсуждения прошедшего задания, разбрелись по комнатам, чтобы предаться сну.

— Тин! — решила задать пару вопросов Карина, мучившаяся неясностью.

— Давай спать!

— Ты же моя подруга. Помнишь клятву?

— Помню.

— Так что же?

— Мы пешки.

— Пешки могут стать королевами.

— Или пасть жертвой интриг и превратиться в трупы. Чего выберешь?

Вопрос без ответа. Карина, что слепой котенок, мордой в лоток, чтоб не гадила. А еще Тина, называющая себя подругой, превратившаяся в тайну за семью печатями.

Следующее утро, начавшееся по обыкновению с шума и гама, продолжилось в комнате общего сбора.

— Финальный этап, — радостно возвестил Михаил,

— Не вижу радости, — продолжила Алевтина, разнаряженная, будто по особому случаю в лучшее платье.

— Объясняю вводные...

— Подожди, — ласково промурлыкала Алевтина, — сначала хотелось бы похвалить Карину.

— За что? — удивилась та.

— Ты справилась на «отлично».

— Но я ничего не сделала, разве, что мороженым объелась.

— Ты умница! А теперь к делу!

Хотелось бы чего-нибудь посерьезнее, — вступил в беседу Ром.

— Как раз об этом и разговор. Хотя я не понимаю и половины. Для этого задания вас создали, поэтому отнеситесь с особенным вниманием. Джон, тебе слово!

— Думал, не дождусь!

Задавака задрал нос, по-прежнему считая себя самым умным.

— Придется лекцию читать для «особо одаренных».

— Ты, уж постарайся! Важно каждое слово.

— С этими «учениками» меня ждет провал, — констатировал Джон, нахмуривая лоб.

— Типа оскорбил! — обиделся Ром.

— Пусть так, разницы никакой!

— За это можно и словить!

— От тебя что ли?

— Заткнулись оба! — перешла на крик Алевтина, — а ты Джон не тяни, выкладывай!

— Начну с простого. Крупнейшие банки вступили в технологическую битву, лидерство в которой зависит от правильного выбора информационных технологий.

— Ничего себе, простое, — возмутилась Тина, — я ничего не поняла.

— Слушай дальше! Для того чтобы преуспеть в конкурентной борьбе, банкирам нужно

опираться на качественную ИТ-структуру. Основным разработчиком до этого являлась кампания «Банкис».

— До чего?

— Пока не появился выскочка, нарушивший стройную систему. Мистер Серебренников создал уникальную программу, не требующую дополнительных обновлений.

— Ну и пусть. Флаг в руки, барабан на шею, — возмутился Виктор, как всегда пребывающий в задумчивом состоянии.

— Системный интегратор такого уровня не требует денег на установку и обслуживание. Полная и абсолютная защита вкладов, персональных данных клиентов, паролей и прочей секретной информации. Вдобавок, снабженная вычислительной мощностью, безразмерным объемом системы хранения данных, отказоустойчивостью и надежностью. Гибкая программа, самопроизвольно уклоняющаяся от внешних и внутренних воздействий.

— К чему ты клонишь?

— Представьте, что банки тратят на защиту до половины своей прибыли, которая идет в карман «Банкиса», а с новым продуктом, они остаются в стороне...

— Понятно! — отозвался Виктор.

— Только представьте, какие это деньги! В процессе транзакций поток составляет до сотни миллионов в час, и обработка идет в пару секунд. Ежемесячно «Банкис» меняет пароли доступа, настраивает систему и получает баснословные суммы за свои услуги. В случае внедрения нового оборудования, его существование будет под вопросом.

— Наш объект ботан-программист? — поинтересовалась Карина.

— Твой объект, — подтвердила Алевтина.

— Почему мой?

— Напомнить? Твоя роль — приманка!

— А дальше?

— Заброс, поклевка, подсечка, а после...

— Я не рыбак!

— Зато рыба крупная!

— Я должна его убить?

— Если потребуется. А пока — очаровать, влюбить в себя и решить вопрос мирным способом.

— Вдруг он мне не понравится. Если все компьютерные гении выглядят, как наш Джон, у меня мало шансов.

— Вот тебе подробное описание его выдающихся способностей. У тебя два дня, чтобы как следует подготовиться, — протянула Альбина сложенные вдвое листы.

— Фотографии, случайно нет?

— Перед выходом на задание получишь, — откликнулся командир.

— А остальные что будут делать? Прохлаждаться, пока я подставляюсь?

- Они — твоя страховка на случай провала. Оглядывайся иногда и заметишь, что за тобой постоянно ведется слежка. Ты не отличаешься благоразумием и не раз доказывала это, — ответила Алевтина.

— Тогда доверьте это более умному и ценному сотруднику! — рассердилась Карина.

— Кому, например? Тинка за роковую красотку не сойдет. Динка на любителя, да и колкая очень.

— Самое то! — перебила Карина.

— Слишком горячая, — продолжила Алевтина, — к тому же тяжело постигает науку обольщения. С ее нравом ко второму дню мы получим труп с ножом в шее.

— Замечательный шанс завершить задание в кратчайшие сроки!

— Нам не просто нужен этот объект.

— Я уже догадалась, — отозвалась Карина.

— Умная девочка! Его разработка — основная цель, он же — второстепенная. В случае чего, можно и в расход.

— Неужели нельзя его купить или переманить на свою сторону?

— В этом и загвоздка! Упертый! Все уникальные люди желают славы, он не исключение. Деньги для него не играют никакой роли. Все варианты уже отработали, остался последний.

— С чего вы решили, что он заинтересуется мной?

— Ты очень похожа на его первую любовь.

— Не стать бы последней, — со вздохом вымолвила Карина.

«Почему я?» — ворчала Карина, поднимаясь в пять утра. Тинка спит и видит третий сон.

Накинула куртку, подхватила сумку, собранную с вечера и направилась к выходу из барака.

Командир уже ждал там.

— Я отвезу тебя! — заявил он, заметно нервничая.

— Сочту за честь, — выученной фразой этикета отозвалась Карина.

Сонный лес вокруг шоссе встретил безмолвием. После вчерашнего дождя воздух, напитанный влагой, туманом застелил всю землю.

— Красота! — оживился командир.

— Ага! — согласилась Карина для поддержания разговора.

— Сейчас солнце подниматься начнет, еще краше станет!

Командир виновато улыбнулся, заглядывая Карине в глаза.

— Ты мне хочешь что-то сказать? — прочитала она его мысли.

— Скоро операция завершится. На тебя все ставки. На все про все — месяц.

— Ты прощаешься?

— Не попади под раздачу! Береги себя!

Неожиданно командир — Михаил дал по тормозам и обнял Карину. Она засопела, оказавшись в тесных тисках сильных мужских рук. Подобное проявление нежности для этого сурового человека дорогого стоит.

— Я не подведу! — тихо прошептала ему на ухо Карина.

— По легенде ты — студентка. Кстати, вот твоя зачетка с оценками и студенческий билет.

Михаил протянул документы.

— Интересно, — озадачилась Карина, — на кого же я так старательно учусь?

— Культуроведение, философия.

— А получше ничего не нашлось?

— Языком ты работаешь неплохо, что касается «Болтологии», а вот с математикой у тебя беда.

— И с логикой и программированием тоже. Зачем меня выбрали, ведь такой объект не станет связываться с глупышкой вроде меня?

— Еще как станет. Вот я на его бы месте мимо не прошел!

— Я тоже тебя люблю! — с улыбкой произнесла Карина.

— Тебя нужно было не Кариной называть.

— А как же? — удивилась она.

— Лисой Алисой.

— Она же рыжая!

— Зато такая же хитрая.

Получив банковскую карточку на расходы и увесистый пакет с бумагами, она отправилась на прежнюю квартиру.

На этот день хватит с лихвой чтения документов и их заучивания, после чего

немедленного уничтожения. Проходя дворами, она присмотрела место, где сможет устроить незаметный костер.

Карина по изученной прежде информации имела общее представление об объекте: программист, выпускник факультета вычислительной математики и кибернетики с красным дипломом. Работая в компании инженером, он стал участником государственной программы по усилению безопасности банковского сектора экономики. Там же проявил себя с выдающейся стороны, а после организовал личный бизнес и вошел в число лучших разработчиков страны. Его «Программный продукт» превосходно обходил вирусные атаки, обладал двойной степенью защиты и, по сути, не имел аналога.

Первый лист, написанный вручную, не представлял особой важности: четкие указания по расходованию денег, выделенных на операцию. Карина даже представила, как экономная Алевтина выводит изящными пальцами с идеальным красным маникюром: «Косметика, три платья, туфли...». Тут же порвала в клочья, даже не дочитав. Не хватало, чтоб издалека эта зануда портила настроение.

Папка с досье, представляла собой скучное чтение: адрес, дата рождения, привычки, основные пути передвижения, место работы и так далее. Кирилл Юрьевич Серебрянников оказался вполне заурядной личностью без темного прошлого и сомнительных криминальных связей. По возрасту он оказался на пять лет ее старше.

Карина ойкнула, когда из стопки выпала фотография.

«Так не бывает!» — пронеслось в ее уме. Со снимка на нее смотрел тот самый незнакомец из кафе. Она часто вспоминала его образ, запечатлевшийся до малейших деталей и то романтическое чувство, поселившееся в ее сердечке.

— Кирилл, — проговорила она с удовольствием его имя.

Выучив все статьи досье, Карина сожгла его в безлюдном дворе. Еще раз, взглянув на фото, она прижала его к груди: «Ну, уж нет! Оставлю себе!» — подумала она и убрала его в карман куртки, свернув пополам. Только отойдя на пару шагов, вернулась, порвала фотографию и бросила в уже затухающее пламя. Она больше не поведется на свою слабость!

Ночь выдалась бессонная. Воспроизводя предыдущие задания, она никак не могла связать их воедино. Если основная цель — Серебрянников, то каким образом люди не его круга стали промежуточными этапами? Кот с низким уровнем интеллекта и добрячок Гоша, далекий от систем программирования, явно были из другой «оперы». К тому же до сих пор беспокоил факт исчезновения Виктории, которая словно в воду канула. Все вопросы о месте ее пребывания сводились к отговоркам, несмотря на настойчивые требования Виктора.

Карина представила яркий калейдоскоп из цветных осколков стекла, никак не складывающихся в целостную картину. Вроде все ясно: выполняй свою часть работы, не полагаясь на остальных, только смутное тревожное состояние не давало покоя. Обладая обостренным чутьем, она кожей ощущала нависшую угрозу. Действуя вслепую куклой — марионеткой, опутанной тугими путеводными нитями, она не представляла, что творится на самом деле.

Проворочавшись в постели всю ночь, Карина дала себе зарок докопаться до истины, чего бы то ни стоило.

Здание компании «Серебро» в центре города появилось всего пару лет назад. Это современное строение заметно выделялось среди прочих типовых построек. Собственник при выборе дизайна явно руководствовался принципом минимализма: строгий стиль, отсутствие декора. Металл, стекло, бетон и ничего лишнего.

Карина первым делом отправилась по этому адресу. Прошла мимо, поглазела в окна и остановилась у входа. Офисные служащие, спешащие и загруженные проблемами, следовали мимо, не обращая на нее внимания.

— Простите! — окликнула она очкастую взлохмаченную девушку с портфелем.

— Слушаю! — сухо отозвалась та.

— Не знаете, есть ли здесь вакансии?

— Не думаю! Директор лично проводит отбор. Если у вас имеется диплом, стаж работы и рекомендации, все равно придется проходить собеседование. У меня, к примеру, два высших образования плюс стажировка в Японии.

— Круто!

— А вы?

— Не могу ничем подобным похвастаться. Жаль! — тяжело вздохнув, ответила Карина, — у меня нет шансов.

— Иванова! Снова опаздываешь! — раздалось сзади.

— Кирилл Юрьевич... Я не заметила, как вы подошли, — заблела девушка, едва не выронив портфель.

— Чтобы в последний раз! — раздраженно продолжил Серебрянников, — для личных разговоров выбирай подходящее время. Я запретил все контакты во время работы!

— Обещаю, что такое больше не повторится.

— Иди, работай! А вы, девушка? — обратился он к Карине.

Карина впиалась взглядом в его лицо, почти не моргая.

— Стажер? — внезапно запинаясь, ответил он за нее.

— Нет, но очень хотела бы стать, — призналась Карина, смущаясь и краснея.

Кирилл, почему то не сдвигался с места.

— Мы раньше не встречались? — спросил он.

— Я бы запомнила, — еще больше робея, ответила она, с дрожью в голосе.

— Хотите, я стану вашим личным гидом и покажу здесь все?

Карина улыбнулась, радуясь, что задача оказалась слишком легкой.

— Конечно! С удовольствием!

Кирилл показал кабинеты, наполненные сотрудниками, зависшими возле мониторов компьютеров. Рассказал о целях, задачах составного технологического процесса.

— Здесь создается будущее! — в завершение экскурсии заявил он.

— Интересно! — соврала Карина, почти ничего не понимающая из сложных терминов, выдаваемых уникальным человеком.

— Все-таки, мне кажется, что раньше мы были знакомы, — вернулся он к прежней теме, — ваше лицо...

— У меня то же ощущение, — перебила Карина.

Звонок его телефона прервал странный диалог. Наскоро бросив пару фраз, Кирилл нажал на кнопку сброса.

— Извините, дела. Вынужден попроситься.

— Спасибо за экскурсию!

— Приходите, когда будете готовы стать частью команды.

— Обязательно, — с сожалением ответила она, наблюдая, как он удаляется прочь.

Влюбленность в Кирилла наградила ее рассеянным вниманием. Она странным образом теряла бдительность. Удивительное волшебное чувство возникло у нее совершенно неожиданно и некстати. К этому добавился мучительный вопрос: «Что же делать дальше?» Ей строго-настрого было запрещено смешивать задание с личными привязанностями. Карина не могла противиться пьянящему ощущению счастья, находясь в паре метров от предмета обожания. Химия любви сделала свое дело.

Вернувшись в квартиру, Карина подвела итог дня и осталась довольна. Однако, не видя дальнейшего развития, она оказалась в тупике. Вот, было бы здорово, если бы он предложил еще раз встретиться!

Кирилл Серебрянников тем временем пребывал в дурном расположении духа. Он тщетно пытался вспомнить, где и когда видел ту самую девушку, которая почему-то запечатлелась в его памяти.

Образ роковой красавицы с черными, как ночь глазами, вернул его во времена юности. Тогда, находясь в начале построения планов на будущее, он упустил шанс быть с любимой женщиной. В погоне за карьерой, он не заметил, как постепенно они отдалились друг от друга, а потом и вовсе стали чужими людьми. Его первая и единственная любовь не разделяла его взглядов на совместную жизнь. Милая, нежная девушка, требовала внимания и заботы, дать которые, он был не в силах. В нем полностью отсутствовали романтические порывы, выражавшиеся в цветах, комплиментах, походах в кино. Его больше занимали IT спартакиады, поступление в интернатуру известной компании, совместные проекты с международными партнерами. Ей надоело находиться на втором плане, и она устала сражаться с «ветряными мельницами».

Сейчас, обернувшись назад, Кирилл сожалел о не случившемся. Порой, в пустоте огромной квартиры, среди бело-холодных стен, он страдал от одиночества, а иногда, представлял себя в роли счастливого супруга, рядом с той единственной, которую потерял безвозвратно. Она не стала ждать его поступков, ушла, оставив на прощание записку из пары фраз, больно задевших самолюбие. У нее теперь замечательный муж, дочка.

Вдвойне обиднее, что расставание произошло по вине его ошибок. Сначала он вспоминал приятные моменты и продолжал мучиться. Потом делал безуспешные попытки вернуть, досаждая телефонными звонками и сообщениями в социальной сети.

Та боль вернулась снова: остро, горячо. А виновницей стала, так некстати, объявившаяся незнакомка, как две капли похожая на его прежнюю любовь. Кирилл закрыл глаза и будто наяву вновь разглядел ее лицо: губы цвета вишни, огромные яркие глаза, длинные ресницы. Наваждение какое-то!

«Какой же я болван! — пронеслось в его голове, — забыл спросить у нее номер телефона!»

Карина видела сон. Впервые с тех самых пор, как она перестала бояться чудовищ, притаившихся за порогом темноты, ее застиг жуткий кошмар. Она наблюдала со стороны за стаей огромных хищных птиц, нападающих на прохожих. Более безумного зрелища представить невозможно: когти стервятников оставляли на человеческих телах глубокие кровавые раны. Она опустила глаза вниз и увидела свое отражение в луже: черное оперение, крылья готовые к полету, ястребиный клюв, голодные глаза. Оттолкнувшись от земли, она воспарила, но тут же вернулась обратно, зовущая неведомой силой.

«Вы одна команда!» — услышала она голос.

В птичьем облики, она подчинилась инстинкту охоты, глубоко вонзая в плоть жертвы свои длинные и острые когти.

Тут один за другим крылатые собратья пали замертво, будто подстреленные. Карина со страхом ждала, когда придет и ее черед, но вместо этого проснулась в холодном поту. Сомнений не оставалось — впереди ее ожидала масса неприятностей, не зря подсознание в очередной раз давало предупреждение.

На следующий день у нее был запланирован очередной этап операции — во время ланча господин Серебрянников всегда посещал одно и то же кафе, находящееся рядом с офисом. Ровно в полдень Карина уже заняла там свободный столик возле окна. Сотрудники близлежащих фирм, наскоро утолив голод кофе с булочкой, спешили по рабочим местам. Карина посчитала, что после ее прихода состав посетителей сменился три раза, а «Объект» так и не появлялся.

Немного грусти в глазах, усталый вид после бессонной ночи. И вот, она уже готова уйти.

— Это вы? — услышала она знакомые интонации голоса.

— Я, — откликнулась она.

Алевтина Игоревна, обучая искусству флирта, давала четкие рекомендации по эффекту первого взгляда: «Умная девушка сумеет использовать свое превосходство. Проведи рукой по волосам, поправь воротник платья. Используй все возможные жесты прихорашивания. Чаще встречайся взглядом с собеседником». Карина же позабыв про правила, застыла в позе статуи.

— Приятная неожиданность, — с улыбкой заметил Кирилл.

Карина чуть не выдала себя: «Ты опоздал на двадцать минут!» — хотелось сделать ему замечание.

— Милое местечко!

— Кофе здесь отвратительный, — признался он, — вы не станете возражать, если я присяду?

— Ничуть.

— Я думал о вас, — неожиданно признался Кирилл, — и сожалел...

— О чем?

— Что отпустил, не записав номера телефона.

Карина вновь выдала себя с головой, покрывшись румянцем:

— Чтобы пригласить меня на работу?

— Нет, чтобы как сейчас, выпить чашечку кофе и...

Кирилл с трудом выговаривал последние слова. Он отвык от женского внимания и позабыл, как следует ухаживать за девушками.

Карина уже сожалела, что не может расслабиться и насладиться моментом. В ее сознании не укладывалось, как она будет совмещать ответственное задание с внезапно возникшими чувствами.

— Давайте сбежим! — с блеском в глазах предложил Кирилл.

— Надеюсь, у вас имеется собственное Зазеркалье?

— Именно туда я и хотел вас позвать.

— Как жаль, что я не Алиса.

— А я не Шляпник!

Они рассмеялись.

— У нас будет своя история. К сожалению, я до сих пор не знаю вашего имени.

— Карина.

— Кирилл.

— Очень приятно, — использовала она правила этикета.

Он зачем-то протянул руку и коснулся ее щеки.

— Ваше лицо...

— Кажется знакомым, — продолжила она, злясь, что является чьей-то копией.

— Вам имя к лицу, — с удовольствием отметил он.

— Впервые слышу такой комплимент, — удивилась Карина.

— Смею заметить, что Карин прежде не встречал, но ваши карие глаза, запомнились мне еще с первой встречи возле офиса.

— Вы пытаетесь меня очаровать?

— Это моя главная цель на сегодня.

— Разочароваться не боитесь?

— Мне нравится ваша постановка вопроса и готов попробовать. Я живу, как раз неподалеку, — как бы, между прочим, сообщил он.

— Вы приглашаете?

— Надеюсь, не слишком назойливо? — вопросом на вопрос ответил он.

— Обычно я не посещаю квартир малознакомых мне мужчин.

— Мы знакомы уже два дня, — напомнил он.

— Внушительный срок, — усмехнулась Карина, вновь радуясь везению в исполнении задания.

Она ни на минуту не сомневалась в своей неотразимости, поэтому теряла остатки бдительности. Она даже не поинтересовалась целью столь странного свидания на чужой территории. К тому же она все больше запутывалась в амурных сетях.

— Мы взрослые люди. Вы жутко симпатичны, я — чертовски привлекателен, — выдал Кирилл, — к тому же у меня имеется отличный кофе.

Однажды в кино Карина видела, чем обычно заканчиваются встречи после таких фраз.

«Влюбить! Переманить на свою сторону!» — вспомнила она напутственные слова Алевтины Игоревны.

— Идем? — спросил он, протягивая ей руку.

— Идем! — отозвалась она эхом, будто зачарованная.

Квартира Серебрянникова не отличалась от прочих холостяцких берлог: максимум удобства и минимум излишеств. Он не любил эти холодные стены, заполненные дорогами,

но бесполезными вещами, ведь возвращался сюда он лишь для сна. Его секретарь — женщина практичная и строгая, по случаю давала советы по композиции и дизайну, но всех усилий хватило на приобретение штор в цвет мягкой мебели.

— Красота! — восхитилась Карина, озираясь вокруг.

— Вы мне льстите. В этом жилище не хватает женской руки, — с сожалением ответил Кирилл.

— По мне и так хорошо!

— Вы — уникальная девушка! — сознался Кирилл, вкладывая в слова частичку восторга.

— Спасибо! Жаль, что это только ваша точка зрения. Обычно, я вызываю совсем другие чувства.

— Если бы я мог словами передать, что испытываю сейчас.

— Все же попытайтесь...

Вместо ответа Кирилл притянул ее к себе и поцеловал в губы. Карина ойкнула и чуть не потеряла равновесие от внезапного волнения. Ее захлестнула неведомая до этого времени волна возбуждения.

— Голова закружилась, — призналась она, краснея.

— У меня тоже, — отозвался он и вновь коснулся ее губ.

Карина жутко испугалась. Для каждой девушки наступает момент, которого она боится больше всего на свете, но вместе с тем и желает так же. Ей предстояло в этот день превратиться из «куколки в бабочку»: к своим двадцати годам она до сих пор была девственницей, опыта интимного общения с противоположным полом не имела. Она прежде слышала от девчонок — одноклассниц по училищу много страшилок о первом разе, даже прихвастнула как-то, что не является монашкой в этом деле.

— Ты вся дрожишь, — прошептал Кирилл.

Последняя капля уверенности испарилась, когда он подхватил ее на руки и понес в спальню.

— Пусти! — внезапно стала она вырываться.

Он мягко отпустил ее ступнями на мягкий ковер. На его лице отобразилась гримаса недоумения.

— Я обидел тебя?

— Нет, мне не по себе.

— Может, выпьем шампанского? — спросил Кирилл, снимая пиджак.

— Пожалуй! — ответила она. На самом деле ей жутко хотелось сбежать.

Он наполнил бокалы.

— За тебя! — предложил он тост.

— За нас! — откликнулась она.

Пара глотков шипучего напитка еще больше вскружила голову. Карина покачала головой, чтобы прогнать вязкое состояние.

Кирилл подошел сзади и дотронулся до ее плеч. Ощувив его тепло и прерывистое дыхание, она замерла. Впервые мужчина с такой нежностью обращался с нею. Его губы коснулись шеи.

— Я хочу тебя! — прошептал он.

Его руки нащупали молнию на платье, и оно бесстыдно свалилось на пол, открывая взору прекрасно сложенное женское тело.

У Кирилла захватило дух:

— Ты так красива!

Карина, пребывая в состоянии крайнего возбуждения, полностью отдалась в его умелые руки, которые мигом оставили ее без нижнего белья.

Он же ждал от нее ответных действий:

— Помоги мне раздеться...

Ее дрожащие пальцы едва справились с трудной задачей расстегивания пуговиц на рубашке.

Кирилл не был похож на программиста в прямом понимании слова: «Ботан». Его накачанному торсу мог бы позавидовать любой атлет. Она невольно залюбовалась мужчиной своей мечты: высокие скулы, темные брови над изумрудными глазами, четко очерченные губы, прямой нос, твердая линия подбородка, придающая особой брутальности. Какой же он красивый! Безукоризненный, идеальный!

— Ни-ни, — погрозил он пальцем, останавливая ее на ремне брюк, — Я сам!

Он вновь подхватил Карину на руки и бережно положил на кровать. Его ладони ласково легли на ее живот, заставляя вздрогнуть. Правая рука медленно поднялась к груди. Когда он заметил в ее глазах намек на слезу, удивился:

— Что не так? Если не хочешь, мы не будем продолжать.

— Не останавливайся, — ответила она, закрывая глаза.

Он поднял голову: растерянность и страсть одновременно отразились в его глазах. Он стал исследовать ее тело губами и кончиком языка. Теплое дыхание, скользившее по коже, поднимало Карину к вершинам блаженства. Она чудом угадывала его дальнейшие движения. Его жадные руки перемещались с груди на талию и вновь возвращались обратно, приводя ее в трепет.

Никогда в жизни Карина не испытывала такого удивительного счастья. В этот момент она желала, чтобы это никогда не заканчивалось. Она хотела делать то, что нравится ему. Запутавшись пальцами в его волосах, она тихонечко произнесла его имя. Он замер, прислушиваясь к интонации ее голоса.

— Я так долго ждал тебя! — сорвалось с его губ.

Его руки требовательно сжали ее бедра. Он встал на колени и притянул ее к себе. От жарких прикосновений у нее перехватило дыхание и понесло куда-то вдаль, вознося к облакам. Из ее груди вырвался тихий, протяжный стон. Страх остался позади, уступив место страсти.

Кирилл сузил глаза и улыбнулся кончиками губ, явно что-то задумав. Он продолжал гладить ее живот, поднимаясь все выше и вызывая новые вспышки удовольствия. Когда его ладони легонько сжали грудь, она вздрогнула всем телом, выгибаясь навстречу.

— Поцелуй меня, — потребовал он.

Их губы слились в долгом и жадном поцелуе.

Ладонь его правой руки легла ей на живот и немного надавила, затем начала спускаться вниз.

Страх внезапно вернулся с новой силой, и Карина попыталась остановить его.

— Я не обижу... — прошептал он, целуя с еще более неистовым желанием.

Его руки чутко прошли по ее телу. Нахлынувшее наслаждение было таким острым и неистовым, что ее дыхание сбилось, а тело изогнулось, будто струна, приняв с радостью прикосновение и вновь позволив задрожать от возбуждения. Карина поняла, что сходит с

ума от этого незнакомого чувства, сжигавшего дотла.

Кирилл еще крепче сжал ее грудь. Внезапно его руки оказались у нее на талии. Ее бедра оказались зажаты его коленями, и он подтянул ее повыше, тут же раздвигая ее ноги. Уперевшись руками, он рывком поднял свой корпус и одним мощным движением глубоко проник в нее, полностью овладев.

Карина вскрикнула от боли и от наслаждения. Ухватившись за его мускулистые плечи, она приняла его в себя.

Кирилл опомнился, почувствовав преграду, но остановиться был уже не в силах. В момент наивысшего блаженства они слились в едином порыве горячих тел. Двигаясь в такт, они вознеслись к облакам и растворились друг в друге.

Едва Кирилл открыл глаза, его застигло напоминание о прошедшем дне: прекрасная и загадочная женщина в его постели. Черт, он проспал почти целые сутки!

Он посмотрел на пустое место рядом: «Неужели всего лишь сон? Не может быть, чтобы он настолько был реалистичен!» В атмосфере комнаты до сих пор витал запах дорогих духов: манящий, дерзкий.

«Карина» — вспомнил он имя.

Как же он обманулся! Внешне яркая девушка, явно флиртowała с ним, а на самом деле...

Таких, как она на свете не осталось: невинна и порочна одновременно. Тот факт, что он стал ее первым мужчиной, будоражил и тревожил одновременно. Если бы он знал заранее, наверняка бы был чуть нежнее, действовал без напора. Но от нее он не ощутил протеста, напротив был сражен ее пылкостью. Горячая, ненасытная. Он на миг закрыл глаза и представил ее волнующий образ, сопоставимый с романтическим идеалом. Нежная бархатная кожа, алые чувственные губы, ждущие поцелуя, глаза чернее ночи, шелковые волосы, пахнущие лесными цветами, тонкие нежные пальцы, гладившие его волосы. Он как будто сейчас услышал, как она шепчет его имя.

Сбежала незаметно. Эта красавица любит взрослые игры. Кирилл вновь вернулся к волнующим минутам, повторить которые мечтал уже сейчас. Он понял, что это девушка не на одну ночь и даже не на две.

Он плохо понимал женскую натуру, будучи по природе прямолинейным и в некоторой степени категоричным. Он называл белое белым, а черное — черным, без намеков на полутона. Изворотливый женский ум он относил к высшей степени загадкам, разгадывать которые порой шгука бесполезная. Внезапно он нахмурился: «Вдруг она обиделась и исчезла навсегда».

Они толком даже не поговорили, оказавшись наедине. Нашлось более приятное занятие, не требующее комментариев и лишних фраз. Идиот! Вновь не позаботился о том, чтобы записать ее номер телефона. Где же теперь ее искать?

Забыть ее теперь он точно не сможет. К своему превеликому удовольствию он почувствовал себя живым и наполненным давно забытым счастьем. Раз, за разом прокручивая в уме диалоги, касания, поцелуи, он все больше убеждался, что встретил ту самую — единственную. Сейчас он с трудом воспроизводил смутный образ прежней возлюбленной, оказавшись под влиянием нового более сильного чувства.

Прежде ему встречались сплошь строптивные девицы, зацикленные на собственной внешности, манерно выпячивающие пухлые губы перед ответом на вопрос, искусственно моргающие наращенными ресницами. Он всегда старался обходить стороной лживых пустышек, судящих о мужчине по состоянию банковского счета, наличия авто или квартиры в престижном районе. Но таинственная Карина поразила естественной красотой и еще более натуральным поведением без намека на фальшь.

«Не такая как все» — удивительная, неповторимая! Кирилл усмехнулся, представляя их следующее свидание. Только неизвестно, где ему встретится эта непредсказуемая, загадочная незнакомка. Ведь на самом деле, кроме имени о ней ничего не известно: ни фамилии, ни адреса. Зато о нем она знает практически все, поэтому есть надежда, что их

пути вновь пересекутся.

Эта необычная девушка, которую ни при каких обстоятельствах нельзя назвать скучной. Возможно она чуть странная, таинственная, с непостижимой тягой к авантюризму, живое, материальное воплощение интриги, а Кирилл любил разгадывать ребусы.

Наспех надел вчерашнюю рубашку, завязал галстук, потянулся было за пиджаком. Будильник в телефоне предупредил, что сегодня он впервые опоздает на работу.

В прихожей на тумбочке он обнаружил записку: «Я вернусь» и три точки в довершение.

— Буду с нетерпением ждать! — вслух проговорил он, сворачивая листок и убирая в грудной карман.

Карина тем временем пребывала в еще более сумбурном состоянии. «Заброс, поклевка, подсечка» — повторила она слова задания. С половиной она справилась. Что дальше? Страшно осознавать, что сама попалась в сети. Кирилл не просто мужчина. Он — предел ее мечтаний. Она лихорадочно воспроизводила все наставления, но по-прежнему склонялась уйти в отставку и бросится в теплые уютные объятия желанного мужчины. Жаркие поцелуи до сих пор жгли кожу.

Она встала под прохладные струи душа, чтобы хоть как-то унять предательски пылающее тело. Внезапно накатило странное удушающее чувство жалости к себе, так яростно скрываемое ото всех. Горючие слезы соединились с водой и потекли по щекам. Она в мечтах о прекрасном принце, представляла пышный свадебный пир с гостями и метровым тортом в ярких розочках. Ее единственный мужчина, для которого она берегла свою невинность, являлся ей лишь в фантазиях и красочных снах. Реальный же был так близок и так далек одновременно, что его можно было сравнить со сказочным двойником. Вся ее жизнь — сплошная ложь, написанная по чужому сценарию.

Она ничуть не жалела, что ушла по-английски: тихо и незаметно. Нужно было не просто принять факт, что она влюбилась, но и обдумать все с холодной головой. Кроме того она боялась его не сможет устоять перед его обаянием и проколоться на каверзном вопросе. Заранее, готовясь к встрече, она проговорила все возможные варианты ответов, но все же не надеялась на свое здравомыслие. Она студентка «бла-бла» факультета в несуществующем институте с таким же липовыми документами. Она не фанат учебы и никоим образом не стремилась к постижению наук. Кирилл в ее глазах виделся гением, непостижимым и недостижимым. Девочка-пэтэушница с натянутыми тройками в аттестате вряд ли смогла поразить его завидными знаниями в области программирования, да и прочих заумных тем тоже.

Карина просидела в квартире безвылазно два дня, занимаясь пустяшным занятием — она сочиняла прекрасную историю своей любви, вкладывая в нее все чувства и эмоции, свойственные влюбленной девушке. Ну, может же она в кои-то веки побыть счастливой, пусть даже и в вымышленном мире!

Она исчезла, не осознавая, что Кирилл сходит с ума в безызвестности. Он искал ее в толпе прохожих, пытался обнаружить в людном кафе, заглядывая туда беспрестанно. Он был, застигнут бессонницей, постоянно опаздывал на важные встречи и вовсе потерял покой.

Коллеги отметили такое странное изменение педантичного и строгого босса. «Никак влюбился» — решила женская половина. «Видимо безнадежно» — согласились представители противоположного пола. Только загнанный в угол несчастный влюбленный не замечал их удивленных глаз.

Алевтина Игоревна, получая донесение о выполнении первого этапа операции, с удовольствием отметила:

— Карина — умница! Я не просчиталась, определив в ней манипуляторшу. Это одно из подтверждений моей правоты.

— Она дожмет его! — согласился Михаил.

— А каков тактический ход: заманила и бросила! Теперь осталась самая малость — довести его до нужной кондиции, чтобы он и минуты без нее прожить не смог.

— Что же дальше?

— Строго по плану — медовый месяц, а потом...

— Тебе ее не жалко?

— Думаешь, я стерва бездушная?

— Нет, конечно. Мы же с тобой не в таких переделках бывали.

Михаил поморщился, говоря одно, а думая совсем другое: Алевтина на самом деле была жестока и не прощала ошибок, а самое главное — была непримирима к возражениям. За тот срок, что он провел бок о бок с ней, выработалась защитная реакция. Он знал, что она замечает малейшие промахи и докладывает о них наверх.

— Сердце отключай! А то раны плохо рубцуются. Помни, не нам решать! Есть четкая команда, а мы солдаты, — сухо продолжила она.

— Карина — хорошая девчонка. Может быть, даже самая лучшая из всех здесь прошедших. Опыта бы ей побольше!

— Я знаю!

Алевтина отвернулась, не желая продолжать неприятный разговор.

— Значит в расход?

— Они для этого и созданы. Ни рода, ни племени. Забыл?

— Хорошо, что напомнила. Только надоело все!

— Саботаж?! Не хотелось бы докладывать о твоих сомнениях.

— В конце концов, мы оба окажемся если не на свалке, то в одной общей могиле, а наши предшественники будут спорить о добре и зле и правильности поступков.

— Ты утрируешь.

— А ты не видишь будущего. Живешь по указке, а сама не знаешь, что завтра может и не наступить, а бедные ребята из расстрельной группы...

— Я бы попросила выбирать выражения!

— Они заслуживают иной участи.

— Почему именно эта группа, раньше тебя все устраивало?

— Не вижу смысла объяснять, — раздраженно ответил командир.

— Думаешь, я слепая? Я вижу, как ты каждую ночь проводишь в комнате Кристины.

— Не трожь ее!

— А то что?

Михаил сжал кулаки.

— Будешь иметь со мной дело!

— Ты уже говорил это. Вспомни девочку из пятой группы: Ирина, кажется?

Михаил схватился за голову:

— Сейчас все по-другому.

— Что изменилось: секс, вымышленная любовь и отсутствие здравого рассудка?

— Я люблю ее по-настоящему и хочу уйти, естественно, вместе с ней.

— Куда?

— В обычную человеческую жизнь с уютным домиком и садом, а еще кучей ребятишек.

Именно такую картину он представлял всякий раз, когда задумывался о смысле, планах на будущее, оглядываясь назад в свое прошлое, сплошь состоящее из команд и рапортов.

Алевтина задумалась:

— Кого после себя оставишь?

— Джон лучше всех справится. Это задание от начала и до конца — его стратегическая задумка.

— Он хитер, умен и видит всю картину в целом. Мне нравится его взгляд на мир.

— Да он погряз в своей вымышленной реальности! — не выдержал Михаил.

— Я думала, он тебе нравится.

— Так и есть. Только иногда он путает реальную жизнь с виртуальной. Как бы не заигрался. Ты ведь сама понимаешь, что люди для него существа неодушевленные. Он их переставляет как персонажей: у этого пистолет, у другого секира, ну а третий идет на врага и вовсе с голыми руками и без щита.

— Как скажешь, — согласилась она, — только это задание выполнишь, а потом поступай, как знаешь. Пиши отчет и отваливай!

— А Кристина?

— Слишком много знает и представляет опасность, — сухо констатировала Алевтина.

— Я ручаюсь за нее.

— Ты действительно ослеп и оглох? А эта девчонка не стоит твоего внимания!

— Не тебе судить, — сквозь зубы процедил он.

— Вот я, например, ни разу не была с мужчиной и не жалею, — зачем-то созналась Алевтина.

У Михаила почти вырвался звук удивления в нецензурном выражении.

— Не делай таких глаз. Я понимаю, что выгляжу нелепо, отказывая себе в низменных удовольствиях, но это бы замарало мою чистую душу.

— Убийство невинных не марает твою душу? — взвился Михаил.

— Ты видел, чтобы я это делала собственными руками?

— По твоей указке люди шли на смерть!

— Зато ты запачкан чужой кровью по локоть. Может, напомнить, кем ты был до того, как попал сюда?

Михаил и без ее вмешательства помнил всех убиенных. В свете последних событий это постыдное наследие прошлого бередило его сердце. Он ветеран всех возможных военных конфликтов на территории не только своей страны, но и далеко за рубежом. Всегда на передовой, где пули свистят и люди гибнут сотнями. Он нюхал порох и зарывался под землю, спал под снегом и дождем, он не считал пораженные мишени и не сожалел о совершенных выстрелах. Враг повержен, на груди очередная медаль, а страна гордится храбрым героем.

В секретное агентство он попал по строгому отбору среди тысячи претендентов. В его чисто безупречном послужном списке не было лишних запятых, помарок, запятнавших

репутацию отважного воина. Он тогда и не предполагал, что получил путевку в один конец, без права выслуги. Оказывается и без военных маршей люди гибнут, иногда за идею, иногда по воле денег, а то и вовсе из-за конфликта интересов. Каждая группа за эти десять лет его службы послужила благу небольшой группы заинтересованных лиц, которые щедро оплачивали «непредвиденные» затраты по зачистке и утаиванию «хвостов». Но, все, СТОП! Он устал и готов к заслуженному отдыху.

— Я хочу уйти, — вновь повторил он.

— Не стану возражать. Достал своим нытьем. К тому же, ты прав, пора впустить молодых и более энергичных в строй.

Михаил знал, что его с подачи Алевтины часы его сочтены. Она — фанатка и не раз доказывала преданность делу. Она слишком подозрительна и мстительна. Будучи непримиримой феминисткой, она всегда принижала роль мужчин в построении общества и всегда признавала лишь свое превосходство. Уйти он, конечно же, мог, только путь один — на тот свет.

«Ну, ничего, у вас свой план, а у меня свой» — решил Михаил. Он учился понемногу и усвоил одну истину — будь впереди и предугадывай каждый шаг. Именно этим он и занимался за спиной руководства и бдительной начальницы. Группа за номером шесть не должна кануть в лету, как прошлые предшественники, уж он точно этого не допустит.

Кристина на его стороне. Он сделал ее не просто своей сообщницей, боевой подругой, а единственной любимой женщиной. Их бессонные ночи, проводимые в одной постели, завершились вполне закономерным исходом.

В то утро он заметил ее отвратительное настроение и такое же физическое самочувствие. Она все чаще бегала в туалет, а возвращалась оттуда побледневшей с синими губами. Она плохо спала, отказывалась от еды, а то и вовсе жаловалась на усталость. А сегодня он отметил, что под ее глазами образовались темные круги.

— Ты неважно выглядишь, — сообщил он.

— Знаю, в моем положении это немудрено.

— Ты больна?

— Если бы!

Михаил не понимал ее намеков. Он взял ее за подбородок:

— К чему мне готовиться? Не томи!

— У меня задержка месяц.

— Не понял?

— Я беременна, — сообщила Тина, пряча глаза.

В этот момент его накрыла волна абсолютной радости. Он не просто потерял дар речи, казалось, сердце вот-вот взорвется от избытка эмоций. Он — отец!

— Лялька моя! — закричал он, поднимая ее на руки.

— Уронишь, — шутливо заартачилась она.

— Я буду носить тебя на руках.

— Устанешь, — возразила она, сияя от счастья.

Если честно, она откладывала разговор о своем интересном положении на потом, опасаясь негативной реакции. Неизвестно почему она вдруг разразилась плачем. Как же так! Она же — кремень, сталь! Ее глаза до этих пор вовсе не знали слез. В последнее время ее характер претерпел значительные изменения: превратился в сентиментальное розовое месиво.

— Девочка моя! Не плачь!

— Ты не сердисься?

— Глупышка! Ты не представляешь, насколько я рад.

Тина прижалась к плечу своего Медведя. Рядом с ним она чувствовала себя маленькой девочкой под надежной защитой.

С этого момента начался новый отсчет выдуманной истории о благополучной нормальной жизни среди людей. Михаил ничего в жизни не желал так яростно и остро, как рождение своего малыша.

— Не рассказывай никому, — предупредил он Тину.

— Почему? — удивилась она, видя неподдельный страх в его глазах.

— Они не позволят ему появиться на свет.

— Кто?

— Те, кто считают, что по их воле творится справедливость, граничащая с безумием. Наши с тобой наниматели и по совместительству всевидящие и всеслышашие вершители правосудия.

— Мне страшно! — призналась она.

— Теперь и мне тоже.

— Я не позволю, — скреживая руки на животе, предупредила Тина.

— Чего бы мне это не стоило, вы будете в безопасности, — заверил он, становясь в оборонительную позу.

Он благословил тот светлый день ниспославший ему столь любящую и понимающую женщину. Он полюбил ее с первого взгляда, первого слова и готов был защищать до последней капли крови.

Тина погладила еще пока плоский живот, в котором билось маленькое сердечко ее любви и надежды.

— Скоро все узнают. Боюсь, не смогу долго скрывать.

— Сколько у нас времени?

— Не знаю, если честно! Ведь раньше у меня не было такого опыта, да и подружек беременных тоже, которые бы могли поделиться. Так, слухи...

— И все же?

— Думаю месяца три.

— Тогда нужно спешить!

— Ты говоришь загадками. Куда?

— Подальше отсюда.

— Сбежать и скрываться всю жизнь?

— У меня есть другой план.

— Обещай, что не станешь рисковать, ведь у тебя теперь семья.

— Ничего не бойся!

— Я пойду за тобой на край света, — услышал он в ответ и улыбнулся. Он не ошибся — рядом самая лучшая из женщин!

Карина и не подозревала, какие мучения доставила своим отсутствием. Кирилл, потеряв покой, уже замыслил воспользоваться услугами частного сыскного агентства. Пролистав страницы социальной сети девушек с именем Карина, проживающих в их городе, он убедился, что она является еще более таинственной личностью, чем предполагал. В отличие от продвинутой молодежи, часами висящей в сети, она не имела ни одного зарегистрированного аккаунта. Этот факт показался не просто странным, а чересчур подозрительным. Он всегда утверждал, что с помощью компьютера может отыскать любого человека в любой части мира, но в этом случае прокололся.

Карина лениво потянулась, открывая глаза. Какое же все-таки удовольствие спать сколько хочется! Она взглянула на часы: почти десять, а к обеду нужно успеть в кафе при полном параде. Сперва душ, потом час на прическу и макияж, и вот она, облачившись в сногшибательные туфли и ультракороткое платье, стоит возле зеркала. Легкое касание губ нежно-розовым блеском, пар капель духов на шею и запястье.

«Выглядишь, как проститутка» — сказала она сама себе, приглаживая волосы, — так не годится!» Вряд ли Кирилл оценит, неожиданно свалившееся счастье в образе роковой girl. Он скорее бы повелся на барышню в платье в горошек с романтическими рюшами. «Переодеваться!» — решила она, возвращаясь к шкафу с одеждой. Выбрала скромную блузку рубашечного типа и летящую юбку до колен. Смыла стойкую тушь, тени «смоки айс», убрала волосы в хвост и осталась довольна результатом. У порога вставила ноги в аккуратные лодочки на сплошной подошве, подхватила аккуратную сумочку с пушистым брелком.

Заняв привычное место у окна, она замерла в состоянии тревоги, граничащем с нервозностью. Умом она понимала, что Кирилл вряд ли ищет с нею встречи, приняв ее за девушку — приключение, не более того.

Подоспевший симпатичный официант мило улыбнулся и поинтересовался:

— Что будете заказывать?

Только сейчас она поняла насколько проголодалась.

— Пирожные, чай.

— С сахаром и лимоном?

— Пожалуй, — равнодушно ответила она.

Настроение портилось с каждой новой минутой. Объект не желал появляться снова. Она могла дожидаться Кирилла возле офиса или пойти к его дому, только почему-то это казалось ей унижительным.

Выйдя из кафе, она огляделась вокруг, развернулась в обратном направлении. Она уже было ускорила шаг, мечтая поскорее остаться в одиночестве.

— Привет, — раздалось за спиной.

Она резко остановилась и зажмурилась.

— Ты же обещала вернуться, — обиженно продолжил голос.

Карина выдержала паузу, а после едва слышно произнесла:

— Зачем?

— В моем Зазеркалье без тебя все цветы завяли.

— В моем тоже...

Она обернулась и тут же оказалась в его объятиях.

— Больше не исчезай! — предупредил Кирилл.

— Постараюсь, — ответила она, мягко целуя его в губы.

Весь мир перестал разом существовать: исчезли звуки, запахи, даже суетливые прохожие превратились в туманную размытую картину.

— У меня вновь закружилась голова, — призналась она.

«Не такая как все» вновь поразила Кирилла своей искренностью и удивительной ранимостью. Но теперь он обещал сам себе не терять бдительности и получить ответы на вопросы, мучившие его прошедшие дни, скорее часы, которые он отмерял от последней встречи.

— Почему ты сбежала? — задал он прямой вопрос.

— Ты так сладко спал... — начала она ловко увилить от ответа, — жалко было будить.

— Могла бы написать номер телефона или адрес?

— Я спешила.

В голове у Карины образовалась полная каша. Она мечтала день за днем, просыпалась и засыпала с мыслями о нем — самом важном человеке на свете. В ее воздушных замках царил мир и покой, сплошная идиллия в нежных тонах утренней зари. Оказывается, действительность была куда реальнее и приятнее, а любимый мужчина ждал ее все это время.

Кирилл взял ее за руку.

— Я скучал...

Прежде чем она успела ответить, он обнял ее с новой силой.

— Идем ко мне, — хриплым голосом промолвил он, придвигаясь еще ближе.

— На нас смотрят, — смущенно сообщила она.

— Меня сейчас это беспокоит меньше всего.

Кирилл поймал такси.

Знакомый дом, подъезд, этаж. Едва за их спинами закрылась входная дверь, Карину мигом охватил все тот же страх, который она испытала впервые оказавшись в этих стенах.

— Тебе холодно? — поинтересовался Кирилл, — ты вся дрожишь!

— Поцелуй меня, — внезапно попросила она.

Слова вырвались сами собой, и, пожалуй, были единственно уместны в этот момент. Кирилл склонился к ее лицу, и его губы мягко прикоснулись к ее губам. Она обвила его руками за шею и притянула к себе. На нее почти сразу же нахлынула мощная волна возбуждения, мгновенно заслонила собой волю и разум. В ней проснулось неутоленное желание, а все остальное ушло на задний план.

Кирилл прижал ее к стене в прихожей, порывисто погладил волосы, зажал голову в своих сильных руках и стал жадно целовать. Он был возбужден, она чувствовала, как трется о ее живот его напряженная плоть.

Карина высвободила руку и стала расстегивать пуговицы его рубашки. Она погладила ладонью его обнаженную грудь, наслаждаясь невероятной упругостью и гладкостью.

— Подожди, — чуть отодвинулся Кирилл, дотянулся до воротника рубашки сзади и сдергивая ее с себя, а после сбрасывая на пол. Он вновь потянулся к ее губам, нетерпеливо требуя ответного поцелуя.

Через мгновение он оторвался от ее губ, переводя дыхание.

— Такая вкусная, — облизнулся он.

В его зеленых глазах играли озорные хищные огоньки.

Она вновь обхватила руками его за шею, притянула обратно к себе. Он не возражал и вновь накрыл ее рот страстным поцелуем.

Ее грудь мгновенно заняла от желания, соски отвердели. Он будто прочитав ее мысли, обхватил руками ее груди и стал ласкать их. Чувство наслаждения поглотило Карину целиком, она стонала от удовольствия, но уже через минуту и этого оказалось мало.

Кирилл уже «сражался» с маленькими непослушными пуговичками на ее блузке. Быстро справившись с крючками на бюстгальтере, он оголил ее чувственные груди и накрыл одну из них своим жадным ртом. Губы оставляли на ее груди влажный горячий след. Захватив возбужденный сосок, он втянул его ртом.

Карина едва сдержалась, чтобы не застонать. По ее напряженному, словно струна телу прокатилась судорожная дрожь, но она не хотела, чтобы эта лихорадка заканчивалась. Она подалась всем телом навстречу ласкам умелого любовника, заставляющего ее вздрагивать от малейшего прикосновения.

Кирилл поднял подол ее юбки, задрал до пояса. Его крепкие ладони впились в ягодицы, еще теснее прижимая к себе, затем прошлись по идеальным ножкам.

Карина уже в бессилии откинулась на стену, позволяя ему забираться в самые чувственные места. Ее ощущения продолжали нарастать с каждым мгновением, стремительно и слишком остро.

Зажав в руке подол юбки, Кирилл свободной рукой стянул с нее трусики и тут же отбросил их на пол.

— Лишняя деталь, — заявил он.

Его рука все еще находилась под юбкой. Карина чуть не задохнулась, когда он коснулся ладонью ее влажных складочек. Вот рука нащупала маленькое нежное отверстие, и в следующее мгновение Кирилл глубоко погрузил туда палец. Карина обхватила любовника руками за голову, требуя поцелуя. Она с трудом сдерживала стоны, когда его палец продолжал исследовать чувствительную глубину ее лона, находя самые слабые места. Он чуть приподнял ее, теснее прижав спиной к стене, и широко разведя ей ноги, встал между ними. Его губы и язык вновь принялись ласкать ее грудь. Карину закрутил бешеный смерч нестерпимого удовольствия. Она слышала собственное прерывистое дыхание и мучительно ждала, когда, наконец, сможет утолить жажду.

Кирилл стал лихорадочно расстегивать ремень брюк. Наконец взвизгнула «молния», и брюки отлетели в сторону к прочим вещам. Он задрал юбку, и его возбужденная плоть уперлась в складочки между ее ног.

Шумно дыша, он пробормотал ее имя.

Все мысли Карины исчезли из сознания, ибо она не могла уже думать ни о чем, кроме мужской плоти, которая с короткими и резкими толчками все глубже проникала в нее. Она слегка расслабилась, и это позволило ему войти еще глубже в ее необыкновенно узкий вход. С губ ее слетел сладкий стон, и она вся затрепетала в его руках. Он почувствовал, как ее тело изогнулось, в порыве принять его и подстроиться под его ритм. Сильно двигая бедрами, он стал входить и выходить из нее. Вскоре их ощущения соединились воедино: общее на двоих сердцебиение и дыхание.

Карина вцепилась пальцами в его обнаженную спину, пытаясь не потонуть в волнах неистовой страсти. На миг ей показалось, что огненная молния пробила ее возбужденное

тело с макушки до кончиков пальцев на ногах и взорвалась между ног. Она ничем не могла защититься от потока нахлынувших ощущений, которые усиливались с каждым новым толчком. Она желала больше, сильнее, изгибалась и кричала от наслаждения, не помня себя.

Кирилл дождался, когда она достигла своего пика, и только тогда позволил себе расслабиться. Он застонал и задвигался еще быстрее, его лицо исказил экстаз. Он стиснул Карину в объятиях, поддавшись страсти, поцеловал до боли и завершил гонку.

Его дыхание становилось все ровнее, и он с трудом пришел в себя.

— Как ты? — поинтересовался он, касаясь ее щеки.

— Жива! — отозвалась Карина.

Она чувствовала, как гулко и тяжело бьется его сердце.

— Мы до кровати не успели дойти, — заметил он, освобождая ее из своего плена.

— И раздеться тоже, — кивнула она на свою юбку.

— У нас еще будет шанс, — заверил он, подхватывая ее на руки и перенося в спальню.

Он уложил ее на постель, заботливо укрыл покрывалом.

— Отдохни немного, — предложил он, вновь припадая к ее горячим губам.

— Я не устала, — хитро шурясь, ответила она.

— На то и расчет. Впереди у нас целая ночь. Поверь, времени на отдых у тебя больше не будет.

На самом деле, Кирилл был потрясен до глубины души случившимся между ними. Они будто специально созданы друг для друга. Ранее секс приносил ему удовольствие — чисто физическое утоление телесного голода. Но этот случай — иное. Язык бы не повернулся назвать это просто физиологическим процессом. То, что произошло у него с Кариной, было чем-то неизведанным, доставляющим наслаждение другого рода. Он словно побывал в пламени, но уже мечтал повторить все сначала.

Кирилл, ослепленный любовью, поверил во все сказки Карины, о ее студенческой жизни, пропустил мимо ушей детали из плохо сочиненной прошлой жизни провинциальной отличницы. Ему было достаточно, чтобы они просыпались рядом в одной постели.

Теперь он знал ее фамилию, место учебы. Номер телефона он уже внес в список абонентов быстрого набора.

Приблизительно через неделю, он строго заявил:

— Перевози ко мне свои вещи!

Карина, конечно, обрадовалась, но вида не подала.

— Зачем спешить?

— Теперь ты — мое слабое место!

— Что это значит?

— Мне так будет спокойнее.

От Карины не укрылась тень на его серьезном лице. Уже к вечеру этого же дня она вернулась с увесистой сумкой вещей и кучей книг.

— Ты читаешь? — удивился Кирилл.

— Любимое занятие.

— Теперь понятно, почему ты не сидишь в интернете и не смотришь сутками телевизор, — догадался он. А про себя подумал: «Все же она — уникальная девушка!»

Однажды вернувшись в дурном расположении духа, он долго расхаживал по квартире, нервно теребил волосы.

— Что случилось, — встревоженно спросила Карина.

— Да, засада, какая-то на работе творится!

— Расскажешь?

— Может быть в другой раз. Ты извини, я сегодня буду поздно, ложись без меня!

Действительно он вернулся почти под утро, но так и не мог сомкнуть глаз. Карина проснувшись, застигла обрывки его телефонного разговора, пусть и звучащего из-за закрытой двери кухни: «То есть ты не вернешься?... Неожиданно... Я же рассчитывал на тебя! Какая к черту любовь?» Его возмущению не было предела.

Карина подозревала, что операция идет полным ходом. Она лишь часть общего звена, к сожалению, подробности ей не известны. Сейчас ее любимый Кирилл, скорее всего, был в жесткой обработке, а она не выполнила последнюю и самую важную миссию — переманить его на свою сторону.

— Сегодня мы идем гулять, — предупредил он в субботу.

— Я почти готова, — откликнулась Карина, засидевшаяся в четырех стенах, — быстренько надену джинсы и майку.

— Нет, сегодня особый случай. Мы идем в гости.

— Нужно произвести неизгладимое впечатление, — с трудом выговорила она.

Ее на минуту застигнул страх, оттого, что придется знакомиться с его родителями.

— Мой старинный друг, одноклассник,... в общем, он тебе понравится.

— Уф, — выдохнула она.

Выбрала скромное приталенное платье в мелкий цветочек, убрала волосы в строгую

прическу.

— Так лучше?

— Ты само совершенство! — признался он, целуя ее в макушку.

Удивительно, но в это утро их везде сопровождал водитель фирмы, прибывший на служебном автомобиле.

В старом городе, где ей уже «посчастливилось» побывать все напоминало о неприятном происшествии, случившемся на первом провальном задании.

— Не нравится мне здесь, — вздрагивая, сообщила она.

— Здесь прошло мое детство. Вот за тем забором мы собирали металл на сдачу, в этом дворе играли в войнушку, а в следующем доме на чердаке учились закуривать первую сигарету...

— Никогда бы не подумала! — откликнулась Карина, бросая тревожные взгляды через окно.

— Колоритное место! — продолжил Кирилл, — со своими порядками, запахами, мусорными завалами и стаями бродячих собак.

— Я боюсь собак! — призналась Карина.

— Здесь куда опаснее люди, чем четвероногие голодные псы. Есть определенные иерархии, маленькие банды, а то и вовсе свободные гопники, отжимающие телефоны. Ветхие стены хранят множество тайн: наркоманы, сводники, торговцы краденым.

— Откуда ты все знаешь?

— Я часть этих улиц. Могу безошибочно показать пальцем и сказать — карточный шулер или «ночная бабочка».

— И тебе не страшно появляться тут?

— Для всех я свой. Меня многие знают по имени. Пока ты со мной, тебе нечего бояться.

Карина и без этого не боялась. В случае чего она могла постоять за себя. Ей порой надоедало строить из себя нежную девочку. Только от влюбленного взгляда Кирилла она каждый раз превращалась именно в такую. С каждым новым днем она все сильнее желала спрятаться в его уютных объятиях, будто за каменной стеной. Она играла искусную роль, он же принимал условия игры.

«Какой жуткий дом» — подумала она, наблюдая покосившееся двухэтажное строение с заколоченными наглухо окнами. Кажется, именно в таком она сидела с кляпом во рту и связанными руками, моля о пощаде. Ее внезапно пробил озноб.

— Иваныч, останови возле этого дома, — обратился Кирилл к водителю, возвращая ее в равновесие.

Тот послушно притормозил возле одноэтажного деревянного дома современной постройки, находящегося за глухим железным забором.

- Прибыли, — сообщил он, — помогая Карине выйти из машины.

По всей видимости, Кирилл здесь был частым гостем. Он достал из кармана ключ и открыл тяжелую кованую калитку.

— Милости прошу! — подтолкнул ее вперед.

— Кажется, здесь никого нет, — робко предположила она.

— Вижу, — озадаченно ответил Кирилл.

Он пнул пустую консервную банку, валяющуюся среди прочего мусора.

— Обычно Митяй следит за порядком, — заметил он, — на него не похоже.

Кирилл вынул ключ и вставил в замочную скважину, но повернуть не успел, дверь

оказалась открытой.

Карина скользнула рукой по дверному проему, пожимая плечами.

— Хозяин не запер. Видимо убежал в спешке, — зачем-то отметила она.

— Еще один сюрприз! Оставайся здесь, попросил он, в одиночестве проходя в брошенный дом.

Вернулся слишком быстро:

— Кот пропал, — сообщил он, нервно поправляя волосы.

— Какого цвета, — поинтересовалась она, видя до этого рыжего пушистого красавца, сидящего на заборе возле дома напротив.

Кирилл явно был не настроен на объяснения. Он, молча обошел дом.

— Нужно заглянуть в еще одно место.

Возвратились обратно к машине, предварительно запирая дом и калитку.

— Иваныч, там, на углу возле колонки... хибара с разрисованным забором.

— Знаю это место, — откликнулся водитель, словно бывалый житель этой улицы.

— Там раньше библиотека была, — продолжил Кирилл.

— Пушкин стоял на третьей полке слева от окна, — усмехнулся Иваныч.

— А библиотекарша в очках и в прозрачной блузочке!..

— Огонь!

— Ей сейчас, наверное, лет шестьдесят?

— Или все семьдесят! — подмигнул Иваныч, оглядываясь на Карину.

Кирилл лишь на минуту отлучился до еще одного заброшенного строения. В его руке Карина заметила странный предмет, похожий на маленький мяч, помещающийся в ладони.

— Что это? — поинтересовалась она.

— Надеюсь, ответы на мои вопросы.

— Почему ты каждый раз уходишь от разговора?

— Боюсь, тебе это не понравится, — с сожалением признался он.

У дома Кирилл отпустил машину:

— Завтра к восьми, — дал он распоряжение водителю.

Стоило им оказаться в его квартире наедине, Карина вновь пристала с расспросами:

— Я же вижу, что у тебя проблемы!

— И не маленькие, — начал, было, он, но сразу же запнулся.

У Карины на этот счет были даны четкие рекомендации. Она прошла курс Молодого бойца по части раскалывания. Она вспомнила теорию построение диалога в контексте — больше внимания на мелочи, ведь даже самая маленькая деталь может привести к искренним, более интимным беседам. Стоило, только определить точку отсчета, с которой Объект вступит в контакт, а затем выложит все без утайки.

В постели у них все идеально, но вот с душевными беседами, пока как-то не клеилось. То ли случая не представилось, то ли они, измучившись от страстей, нуждались в постоянном отдыхе. Их общение начиналось с поцелуя, им же заканчивалось. Наблюдая спящего рядом Кирилла, она все чаще сожалела, что их знакомство — чей-то хитрый план. У них нет будущего, да и настоящего, честно говоря. Только сердцу не прикажешь, не сможешь обмануть, когда глаза горят при каждом вздохе, а ноги предательски подкашиваются от прикосновений. Карина влюбилась самой настоящей, всепоглощающей любовью. К сожалению, она признавала факт, что ее чувства взаимны. К тому же Кирилл иногда пугал ее своими словами:

— Я слишком люблю тебя!

— Это как?

— До самой смерти!

Она не хотела «До смерти», она спала и видела, как он ведет ее под руку в ослепительном свадебном платье. На ее голове венок из белых розочек и длинная фата, струящаяся до пола. Она делает шаги рядом с любимым, а строгая женщина, регистрирующая брак спрашивает:

— Согласен ли ты, Кирилл Юрьевич Серебрянников взять в жены Ульянову Карину Сергеевну?

Он, сияющий от счастья, отвечает:

— Согласен!

Только так и не иначе! Вот такой у нее на будущее план! Плевать она хотела на Алевтину, операцию и остальных членов проклятой группы. Даже о подруге Тинке она за все время вспомнила всего пару раз, да и то на мгновение.

— Ты обиделась? — внезапно спросил Кирилл, видя ее задумчивое состояние.

— Немного. Я не понимаю, почему ты стал скрытным и чужим.

— Я так боюсь тебя потерять!

Карина ответила нежным поцелуем. Она включила нужный режим — Кирилл уже чувствовал себя виноватым.

— Если бы я могла снять хоть часть твоих забот!

— Ты и так балуешь меня!

— Видимо недостаточно, — отозвалась она, намекая на прошедшую ночь, когда он уснул в гостиной на диване.

— Тяжелый день! А, главное — не понимаю, откуда ветер дует!

— Вместе разберемся!

— Я давно хотел тебе рассказать. Ты ведь уже поняла, чем я занимаюсь, посетила мой офис, и я вкратце рассказал, как команда «Серебра» зарабатывает свои деньги.

— Сложная тема, — согласилась Карина, — финансовый рынок, банки, транзакции, система безопасности... — выдала она заученные термины.

— Умница, схватываешь на лету. Так вот! Я изобрел нечто, стоящее огромных денег. Только это оказалось никому не нужно.

— Разве так бывает?

— Еще как! Я перешел дорогу важным, серьезным людям, имеющим огромную власть. Да, и не это важно. Внедрение мое программы ставит их на бабки. Там суммы даже не с шестью нулями...

Он тяжело выдохнул:

— Если бы я вышел на рынок, а я обязательно это сделаю, банковская система только выиграла. Не нужно было бы обновлять коды, переустанавливать защиту, на которую идут те самые баснословные суммы.

— Ясно, — кивнула головой Карина, — место занято, а ты прешь на танке без брони.

— Надо же! Какое точное определение. Ты у меня сообразительная!

— Значит, оставь эту затею и живи спокойно! — предложила Карина.

— Характер дурной! Привык все доводить до конца. Есть цель, есть путь, по которому идти. Я и прежде с препятствиями справлялся.

— Даже если это смертельная опасность?

— Пускай! Я не из хлюпиков. Ты уже видела часть моего прошлого, скрытого в старых трущобах. Там я не просто родился, там я вырос и научился быть сильным.

— Там где кот пропал, — напомнила она.

— Кот — это Митька Котов. Мой братан по духу и по сопливому детству. Я, как и он, воспитывались без особых привилегий. Его родители крепко «закладывали за воротник», а я и вовсе жил со старой глухой бабкой. Мои предки работали на железной дороге, и зачастую мотались по командировкам, поэтому я был предоставлен сам себе. Только верный друг рядом, скоро подрывающийся на любые замуты, инициатором которых был я.

Карину бросило в жар: связалась одна ниточка. Еще раз с Котом она не хотела бы встретиться. Хорошо, что его дома не оказалось!

— Ну и кличка!

— Ему как раз! Хитрый и пронырливый. Я ему вещичку одну на хранение оставил...

— Зачем?

— Чтобы сохранить на случай. Только видишь, как получилось: дома его нет, на тренировки больше не ходит, я узнавал.

— Где же он?

— Как раз сейчас узнаем, — предложил Кирилл, показывая ей таинственный предмет из заброшенной библиотеки.

Обрывок тетрадного листа был заполнен символами в виде танцующих человечков.

— Шифр, — догадалась Карина.

Кирилл нахмурился.

— Плохи дела, раз он о детской шалости вспомнил. Так мы переписывались, когда собирались обтрясти соседскую яблоню, или разобрать мопед в гараже у очередного пенсионера.

— Что там?

— Он уничтожил флешку, а сам уехал в другой город.

— Странное поведение. Ты же доверил ему...

— Его нашли, избили, а затем обыскали дом и разбили все, до чего смогли дотянуться. У него не было другого выхода. Прости, друг!

Кирилл резко схватился за голову.

— Значит, им не удалось заполучить, то, что хотели? — поинтересовалась Карина.

— Пофиг! Они сломали ему нос, ребра. Можно сказать: покалечили. И все по моей вине!

— Но ты же не знал заранее...

— Должен был догадаться, к чему приведет мое упрямство, ведь я уже получал до этого угрозы.

— Значит, ты в опасности?

— Мне ничего не грозит до поры, пока алчные монстры бизнеса не получат желаемое. Все же эта программа представляет не только угрозу, но при умном применении, может принести огромные деньги.

— Еще есть копии?

— Да, и они в надежных руках. Только эти люди тоже не должны пострадать!

— Может, в полицию обратиться?

— Сдадут, или обернут все не в ту сторону. Я уже пару раз пытался, если честно. Нужно

бумаги собирать, заявления писать, на допросы ездить — пустая трата времени!

Карина чувствовала, что Кирилл, что-то недоговаривает.

— Это еще не все? — догадалась она.

— Мое «Серебро» — акционерное общество. Мой компаньон, до этого надежный и верный, неожиданно продал акции, вывел деньги и отошел в сторону.

— Ему тоже угрожали?

— Если бы! Предатель! Кинул меня!

— Тогда не понимаю!

— Он влюбился и уехал за границу. Впрочем, это липовая версия. Я ему звонил, требовал объяснений, но он отнекивается, пытается избегать вопросов.

— Разве он не мог полюбить?

— Его романы сложные, все время заканчивающиеся затяжными депрессиями и алкогольными запоями. Его бойфренды постоянно разбивали его сердце и опустошали кошелек, оставляя после себя горечь разочарования.

— Я не ослышалась?

— Он постоянно клеил красавчиков в стрип клубах, притаскивал почти всех домой, а затем терял голову. На моей памяти, а знаю я его почти пять лет, таких романов было больше десяти.

— По два в год, — зачем-то сосчитала Карина.

— Последний послал его в нокаут на полгода. За это время он осушил цистерну спирта и пытался свести счеты с жизнью. Только пришел в равновесие... и тут опять!

— Ты, как будто осуждаешь его?

— Нисколько. Я знаю его — замечательным специалистом, умным финансистом. Да, и хорошим другом!

Кирилл вздохнул и добавил:

— Знал! Видимо, у него на дружбу иной взгляд.

Карина вспомнила единственного знакомого мужчину нетрадиционной ориентации и попыталась провести аналогию.

— Он нежен и красив, как девушка, — поинтересовалась она.

— Он брутален и бородат. Ты описываешь его пассив.

— Я же их не встречала, — пыталась оправдаться Карина.

— Странно, что он впервые сорвался с места. Ладно бы просто уехал отдыхать в теплые края, так он выбрал почти дикие тропические острова, живущие без благ цивилизации. Я теряюсь в догадках...

— Будто прячется, — поддержала она.

— Или хочет спрятать новую любовь от чужих глаз.

Почему-то Карина не сомневалась во вмешательстве группы шесть в столь странном происшествии. Она даже представила Виктора в роли любовника, описываемого мужчиной. Картинка получилась довольно привлекательная: теплое море, шумит прибой, ослепительное солнце лучиками играет в прозрачно синей воде. На абсолютно диком пляже, окруженном пальмами великанами, загорают двое счастливых обнаженных мужчин. Влажный соленый ветер облизывает бронзовые тела, лаская легкими объятиями. Кудрявые барашки морской пены несутся по поверхности, выбрасывая к их ногам причудливые раковины.

Михаил приготовил бомбу замедленного действия. Он замечал, как при упоминании Светкиного имени у Рома до сих пор сжимаются желваки и напрягаются мышцы. Вообще, он считал его слишком горячим и непредсказуемым. Даже малейшее замечание в его сторону, выводило его из равновесия, заставляя беситься. На это и была ставка!

— Тин, — загадочно пробормотал он, — приближая лицо к ее уху, — помощь нужна!

Она прижалась ближе:

— Выкладывай!

Он протянул ей вырезку из местной газеты с фото и громким названием «На берегу найдет труп молодой женщины».

Тина пробежалась по строчкам: «Как сообщает УМВД России, вчера — третьего августа, под мостом через реку возле улицы Северной обнаружен труп неустановленной женщины. Приметы: на вид двадцать пять лет, худощавого телосложения, рост сто шестьдесят сантиметров, длинные светлые волосы, на запястье правой руки имеется небольшой шрам. Была одета: платье красного цвета. Украшений и иных личных вещей не обнаружено. Региональная полиция устанавливает личность женщины и просит, располагает какой — либо информацией о найденной женщине, сообщать по телефонам дежурной части отдела полиции».

Тина раскрыла рот от удивления, взглядываясь в отвратительную фотографию под статьей.

— Она, что сама с моста сбросилась?

— Судя по статье — да.

— А на самом деле?

— Ты же уже догадалась...

— Мерзко все и гадко! — запищала она, утыкаясь носом в его плечо.

— Ну, что ты! Успокойся, тебе сейчас нельзя нервничать!

Тинка становилась все более ранимой и чувствительной. Чуть успокоившись, она поняла его замысел:

— Не волнуйся, я сделаю все тихо!

— Если, что я буду поблизости.

Тина, зная прямолинейность и вспыльчивость Рома, ни за что бы на свете не согласилась в лоб выдавать правду. Она сделала несколько копий статьи, а оригинал засунула в карман его джинсов, предварительно свернув в несколько раз. На обратной стороне она все же печатными буквами добавила меткое и короткое: «Мрази! Убийцы!»

Оставалось только ждать, когда Ром найдет и прочитает жуткое послание.

Прошел день, другой, но он по-прежнему был спокоен и выдержан. Вежливо общался со всеми, шутил, смеялся.

— Кажется, мы ошиблись, — предположила Тина.

— Я был о нем лучшего мнения. Все же, Алевтина права — он тупой и твердолобый. лезущий на рожон по пустякам лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза о своей крутости.

— Светка для него пустое место!

— Тем более, мертвая! Не потрахайся! Обычный похотливый самец, пускающий

слюни на каждую короткую юбку!

— Говори тише, — внезапно Тина приложила указательный палец к губам.

Михаил оглянулся:

— Никого! Ты слишком подозрительна!

— Иногда мне кажется, что нас подслушивают.

— Мы не представляем особой важности.

— А кто?

— Тот, кто пытается отыскать ответы на запретные вопросы.

— Разве это не мы?

— Эта организация прогнила до самых корней. В скором времени, ее ждет неминуемый крах.

— Я бы хотела увидеть это шоу.

— Думаю, это будет трагедия, а не комедия.

— Жаль, что мы «обломались» с Ромом. Он мог бы стать нашим союзником.

— Ничего, мы найдем другой способ...

Как же они ошибались: Ром ничего не забыл. Зря они сомневались в его способностях и язвили по поводу его слабоумия. Он — хищник, злой, упертый. Он просто умеет ждать: в засаде, притаившись перед решающим прыжком. Его крутой нрав давно зарекомендовал себя, как надежный щит от лишних вопросов и приставаний. Он не пускал любопытных нахалов, все время, пытающихся копаться в чужих душах.

Утром, натягивая джинсы, он обнаружил в кармане смятую бумажку. «Мусор какой-то!» решил он, отбрасывая ее на пол. Целый день бумажка провалялась. Уже к вечеру, возвратившись после тренировки и небольшой стычки с Ником, который постоянно считал себя круче и задирал по любому поводу, он решил слегка убраться. Подобрал сброшенную одежду, собрал грязные носки...

Рука сама наткнулась на серый газетный комок. Он, чисто машинально развернул, расправила ладонями. Мало ли чего внутри завалось? Едва он разглядел размытое фото и прочитал первые строчки, из его горла раздался сдавленный крик:

— Светка! Мать, твою!

Он дочитал до конца, врываясь изнутри. Громко завыл. Ведь до сей поры, он рассчитывал, что когда-нибудь обязательно отыщет ее, осыплет поцелуями и никуда больше от себя не отпустит. Он любил эту чертову девку со всеми ее недостатками и достоинствами. С ее именем он засыпал каждую ночь и возвращался к жизни по утрам.

Бумажка вывалилась из безвольной руки. Он еще раз взглянул на лицо, когда-то прекрасное, а теперь обезображенное. На память о белокурой красавице осталось только это отвратительное фото. Его плечи затряслись от всхлипов, а на лице застыло такое выражение отчаяния и муки, что оно исказилось до неузнаваемости. Он сжал кулак и ударил в стену, выбивая костяшки до крови.

Ром по секундам воспроизвел тот проклятый день, когда Светка, шепча и улыбаясь, манила его за собой. Он как тогда видел ее пшеничные волосы, сияющие в лучах солнца, пробивавшегося в окна, яркие отблески света в лукавых глазах, губы, распухшие от его поцелуев.

— Светка, — вновь позвал он, — как же это, малышка моя!?

Он просыпался ночью, мечтая о ее нежном, гибком теле. Только с ней он научился летать и чувствовать себя желанным и единственным. Никогда не задавая ей вопросов о ее

прошлом, он мечтал создать с ней, нечто большее, чем случайный секс. Она сразила его раз и навсегда, заставляя задуматься о смысле жизни и о прочих нормальных вещах, которые никогда бы сами не зародились в его отбитой голове. Испытывая кайф от ее голоса, он замирал и испытывал настоящее блаженство. «Котик» — ворковала она, а он таял и плавился от удовольствия. Они заводились с пол оборота, стоило им оказаться вдвоем. Каждое касание пробивало тысячей разрядов молнии, а сердце грозило выпрыгнуть из груди. Они не выбирали места для проявления своей страсти, все происходило спонтанно, поскольку не поддавалось контролю.

Без Светки его мир рухнул, перестал существовать в обычном понимании слова. Он не хотел другую женщину, пусть даже ему бы встретилась похожая, или в сто раз лучшая.

Он напрасно пытался отогнать противные мысли, считая все ложью. Мало ли чего в газетах пишут! Когда он увидел дату выхода статьи, его сомнения ушли прочь. Это не просто совпадение — неопровержимое доказательство. И он уже определил преступников, надругавшихся над его чувствами...

«Даже опознать было некому!» — с грустью подумал он. На обратной стороне газетного обрывка он заметил красные буквы и оробел: «Убийцы! Мрази!». «Ждите. Мне терять больше нечего...» — послал он мысленную угрозу.

Карина с недавнего времени пребывала в состоянии абсолютного счастья, засыпая в объятиях любимого человека. Казалось, что она парит над облаками в воздушно-ванильном небе. Ничто не нарушало ее прежних мечтаний о принце их волшебной сказки, ведь, на самом деле, они почти сбылись, за малым исключением, про которое и забыть не грех. Пусть и иллюзия, зато вполне осязаемая и явная. Она, смотрясь в зеркало, видела себя не просто красивой, а какой-то одухотворенной и живой. Глаза сияли и переливались сотней пламенных бликов, выдавая ее внутреннее состояние.

Она сладко потянулась, расправляя шелковую сорочку. Такая неженка. Опустила ноги на пол в меховые тапочки-зайчики, купленные ей в подарок. Раздернула вуали штор, впуская утреннее солнце в комнату. Уже яркое восходящее солнце длинным рыжим лучом разрезало комнату, разделяя ее на темные и светлые квадраты.

Кирилл не спешил выбираться из постели. Капризный лучик прошелся по его лицу, заставляя зажмуриться еще крепче.

— Соня, пора вставать! — шуточно шепчет Карина, ползя к нему обратно в постель.

Он лишь притворился спящим, на самом деле он ждет удобного случая, когда она приблизится на нужное расстояние. Тут же набрасывается на нее и переворачивает под себя.

— Попалась!

Он накрывает ее губы головокружительным поцелуем, заставляющим позабыть обо всем на свете.

— Сегодня едем за город, — нараспев тянет он.

— Ура! — завизжала Карина, соскучившаяся по свободе.

Всю неделю она просидела почти взаперти. Кирилл строго запретил без него покидать квартиру. В скуке она прочитала все книги, облазила интернет, читая новости и светскую хронику.

— На два дня, — хитро прищурившись, — продолжил он, окончательно осчастливив ее.

В предвкушении поездки, выпив по чашечке кофе, собрали изрядный запас вещей и корзинку с продуктами.

После комфортно устроились в автомобиле и двинулись в дорогу. Погода стояла прекрасная, солнце грело все сильнее, но под работающий кондиционер жара казалась восхитительной. Карина наслаждалась моментом, тихонечко мурлыкая под нос песенку, звучащую из радио.

— Умничка моя, — похвалил Кирилл, — оделась, что надо!

Она удивленно поморщила нос:

— Да, я такая!

Кирилл провел ладонью по ее ноге, и вовсе задирая короткое платьице. Она тут же догадалась, куда он клонит. Она уже настроилась на его игру, передвигая руку чуть выше.

— Так мы точно до места не доедем, — категорично заявил он.

— Ты первый начал! — с ухмылкой откликнулась она.

Они к этому времени уже выехали за город, сверили направление по навигатору:

— Далеко еще?

— Около сотни километров. У меня сводный брат, большой любитель соснового озона,

приобрел что-то наподобие охотничьего домика. Я пока там не был ни разу, только слышал его восторженные охи: глухомань, речка, тишина и покой.

— Так у тебя есть брат? Ты ничего не рассказывал!

— Разве?

Карина поправила непослушную прядь волос, выбившуюся из прически.

— Не помню, — призналась она, — я все время в облаках витаю.

— Или летаю. А я вместе с тобой.

Между ними постоянно вспыхивала искра, заставляя их возвращаться все к той же теме.

Кирилл все время оглядывался на милое личико, жмурившееся от солнца. Предмет его обожания, обладая природным магнетизмом, заставлял его думать другим местом.

Карина посмотрела в зеркало заднего вида и заметила автомобиль, следующий за ними по пятам. Еще на выезде, возле вывески «Доброго пути!», она обратила внимание на черный седан с затонированными задними стеклами. Неприятный холодок опустился по спине.

— Та машина...

— Ты тоже заметила? — взволновано отозвался Кирилл.

Она часто-часто заморгала.

— Сейчас, оторвемся. Держись!

Он ударил по газам, пускаясь в опасную гонку. Он ловко маневрировал между встречными автомобилями, сигналившими и едва успевавшими отвернуть в сторону.

Она закрыла ладонями глаза, всеми силами вжимаясь в сидение.

— Не бойся, отстали, — удовлетворенно выговорил Кирилл, нежно сжимая ее пальцы.

— Может, показалось?

— Как знать...

Она-то знала, что ничего случайного не бывает. По сути, не являясь любительницей экстрима, она предпочла бы, чтобы все оставили их в покое, навсегда позабыв об их существовании.

— Кирюш!

— М-м?

— Если я тебя попрошу, ты сделаешь?

— Все, что угодно. Только за поцелуй.

— Брось, пожалуйста, затею со своей программой безопасности иначе она станет системой опасности!

— Не могу! Это все равно, что перечеркнуть все, чего я стою!

— Они же не отстанут.

— Наверное, ты права. И дело не в деньгах, или цифрах рейтинга во всевозможных статусах. Скорее — это дело принципа. Это все равно, что отрезать от себя половину.

— Ты упертый! Или камикадзе?

— Да, и тяну тебя за собой. Вот, кстати и наш поворот, — перевел он тему, круто выворачивая руль.

Карина ловила пальчиком солнечный зайчик, затесавшийся к ним попутчики.

— Не дуйся! — попросил он, — В конце концов, все будет хорошо!

Минут через тридцать проехали стелу, повествующую, что город закончился, и началась область. Съезжая все дальше от центрального шоссе, они оказывались на отрезке дороги, где встречных автомобилей не было, населенные пункты и вовсе растворились среди бескрайних

полей. Однотонно-монотонный пейзаж лесных массивов и кустарников, мелькающих за окном, все же был куда приятнее надоевших пыльных городских улиц.

— Ты свернул не туда, — предупредила Карина, видя перед собой узкую колею, ведущую вглубь леса.

— Привал, — загадочно ответил он.

Они выбрались наружу.

— Здесь так спокойно, — замечает она, прислушиваясь к шороху листьев на деревьях.

День обещал быть не только солнечным, но и просто чудесно волшебным при отсутствии ветра и дождя. В этот час стояла необычайная, просто звенящая тишина. Просто потрясающе тихо: не слышны трели соловья, обычно распевającego свои песни и поощрявшего поцелуи влюблённых, прекратили громкий стрёкот надоедливые кузнечики. Мир вокруг завис в хрупком равновесии природной идиллии.

Кирилл игриво улыбается, всем видом показывая, то задумал шалость. Карина уже изучила этот взгляд. На их первой встрече он смотрел на нее точно так же. Казало, вот-вот и он откусит от нее кусочек, или вовсе проглотит целиком.

Он наклоняет Карину на капот, прижимаясь всем телом. Его губы уже нашли чувствительную мочку уха. Его горячее дыхание обожгло шею. Путаясь пальцами в длинных волосах, он притягивается к ее губам и с силой впивается в губы. Сладко-манящий запах ее кожи с нотками цветов и ягод, лишает рассудка. Она завораживает свежестью теплого ветра, летним приключением и еще чем-то совсем легкомысленным. Не приходя в сознание от такого букета, он дрожащими пальцами принялся стаскивать с нее сарафанчик.

— Не могу удержаться, — шепчет он, — ты такая вкусная!

— Вдруг, нас кто-то заметит? — чуть отстраняется она, оглядываясь вокруг.

Карина переминается, и мнет край сарафанчика в нерешительности. На ее щеках выступает предательский румянец.

Ее пышная грудь двумя ровными упругими округлостями соблазнительно растянула легкую ткань летнего платья. Наклоняясь к ждущей ласки Карине, он запустил нос в ложбинку между ее грудей и глубоко вдохнул пьянящий аромат.

— Ну, и черт с ним, — тяжело дыша, отвечает он, забираясь рукой под подол ее платья.

Да, точно! В последнее время она все время совращает или провоцирует его.

Кириллу занятно наблюдать за ее поведением. Она такая влекущая и сексуальная. Хочется схватить ее в охапку и задушить в своих объятиях. Иногда, он сам пугался своего напора, с которым он набрасывается на нее.

Он почти всю дорогу изнемогал от желания, едва увидел ее голые коленки и открытые плечи. Тут же он впивается в ее губы страстным поцелуем, от которого у Карины подкашиваются ноги. Она запускает руку под его одежду, вытаскивает футболку, расстегивает ремень и уже через брюки ощущает его возбуждение. Ее щеки моментально вспыхивают огнем: все-таки плохо еще научилась скрывать смущение. Кирилл тихо шепчет ее имя, нежно с особым вкусом и страстью. Запускает свою руку в ее волосы, слегка грубовато оттягивает голову назад и впивается губами в шею, волна наслаждения прокатывается по ее телу.

Ее нежные пальчики вспорхнули по его торсу, словно крылья бабочки, так легко, но слишком чувствительно для его разгоряченной кожи...

Романов Пашка, именуемый себя с недавнего времени Ромом, не смог объяснить привередливой Алевтине с холодными подозрительным взглядом, почему его кулаки покрыты свежими ссадинами и коростами. Буркнул: «Тренировался» и отошел в сторону. В его разбитом вдребезги сердце скопилось столько боли, что он смог бы залить ею весь мир.

Наставница надменно сжала губы, выкрашенные как всегда яркой красной помадой, и многозначительно вздохнула. Ее с недавнего времени начал раздражать Ром, непокорно строивший из себя пофигиста. Она не понимала, что творится в его голове и от этого сердилась еще больше. Читать его, как открытую книгу не получалось, несмотря на все старания. Она считала себя врачевателем душ, всегда следовала наставлениям великих психологов, написавших толстые тома о том, как понять природу человека, но в этом случае, постоянно натыкалась на противостояние — жесткое и, по ее мнению, порой агрессивное, усложняющее власть над ним. Будучи непримиримой сторонницей идеи женского превосходства, она постоянно акцентировала внимание к своей персоне, как строгой повелительнице. Еще в институте, когда она получила диплом с отличием, защитив его по теме «Психология влияния», она навсегда определилась с целями в жизни и основной философией мировоззрения. В запасе у нее для этого неандертальца была заготовлена новая, более интересная стратегия, основанная на методе пряника со сладкой отравленной начинкой.

Ром едва сдерживал клокочущую внутри боль, все время пытающуюся вырваться наружу в обрывках фраз. Он все чаще игнорировал наставления Алевтины, считая их пустым трепом сумасшедшей бабы, съехавшей с катушек от недотраха. Порой он представлял в самых жутких фантазиях, как сбивает с ног эту женщину, валит на пол и вбивает свои тяжеленные кулаки в ее лицо, испытывая огромное блаженство от вида разбрызгивающейся крови. Он слышит, как ломаются кости ее черепа, как останавливается дыхание и бьется в судорогах холеное тело. Он видел ее змеей, гадкой, шипящей, которую обязательно следует придушить.

— Скверно выглядишь, — тем временем сделала она замечание Рому.

— Спал плохо! — в том же тоне огрызнулся он.

Она посмотрела в упор в его пустые посеревшие глаза и нахмурилась:

— Что-то ты совсем скис? Где тот задира и оболтус, поразивший меня своим необузданным темпераментом.

— Растворился...

— Жаль! А у меня как раз для тебя подарочек.

— За какие такие заслуги?

— Ну, как это? — взвилась она, — В обеих операциях ты блестяще выполнил задачу.

— Морду хмырю набил, да чужую хату разворошил. Всего-то и делов! Раньше я в неделю раз кулаками махал без расписания и команды, а теперь... Скука смертная!

— Подожди! Скоро Каринка выведет нас к финалу и все получают заслуженное вознаграждение.

— Бабки?

— С шестью нулями.

— Я бы хотел другое.

— Все, что пожелаешь, — пропела подлая Алевтина, предполагая наперед, что услышит в ответ очередную колкость.

— Светку мне верни!

— Я дам тебе ее адрес, — солгала она, не моргнув глазом, — потом. А пока вернемся к подарку. Сегодня вы с Ником получаете приглашительные в новый клуб, где по слухам девочки танцуют классный стриптиз.

— Опять задание?

— Отдохнете, выпустите пар.

Ник успел вперед, занял переднее водительское сиденье, показно вертя ключами на пальце.

— Все потому что ты медленный и неповоротливый, — снова попытался сцепиться он с Ромом.

Но тот в спокойствии истинного арийца, сел сзади и откинулся на спинку:

— Я шеф, а ты водила! Давай, рули, пока не уволил!

— Как прикажете, — подхватил игру Ник.

Он выбрал направление к эстакаде вдоль берега реки, откуда открывался замечательный вид на ночной город, искрящийся и перевивающийся сотнями неоновых огней. Как раз вдоль набережной сосредоточились ночные заведения премиум класса, имеющие солидных клиентов и имеющие дурную славу.

— Как она сказала, клуб называется? — поинтересовался Ник, читая все вывески подряд.

— «Вирджиния», — отозвался Ром, так же скользящий взглядом по фасадам зданий.

— Кажется, здесь.

Ром пожал плечами, без доли эмоций на лице. Все-таки он нечастый гость подобных мест, где девчонки за деньги показывают сиськи. Впрочем, любопытно!.. Он же настоящий мужик!

Ник начал громко материться, отыскивая место для парковки. С трудом он втиснул машину, едва не задев соседскую бампером.

Вошли внутрь, тут же оказавшись в полутьме. Впереди ярко освещенная сцена с традиционным шестом, на котором извивалась стриптизерша в нижнем белье.

Ник похлопал Рома по плечу:

— Мы там, где нужно, браток! Какие телочки!

Ром окинул глазами небольшой зал, спускающийся амфитеатром к круглому подиуму.

— Обычный притон, — сквозь зубы процедил он, плюхаясь на свободный стул.

— А мне нравится!

Клуб заполнен темными силуэтами, сидевшими за круглыми столиками, среди которых, выделяясь, светились изящные обнаженные женские тела. Некоторые сидели на коленях мужчин, другие ходили между рядов, прочие извивались в танце возле близких особей противоположного пола.

Они сидели на верхней площадке, далее полукругом ступеньками шли следующие платформы со столиками. Выше, над проходом, разместился бутафорский балкончик с тонкими колоннами, на котором, перегнувшись через перила, полуобнаженные девушки, рыскали глазами в поиске богатого клиента.

— Ммм! Конфетка! — не унимался слишком возбужденный зрелищем Ник.

Он с нескрываемым удовольствием устался на сцену, где, сменяя друг друга, сбрасывали одежду в танце ладно скроенные девушки.

— Сейчас бы парочку таких, да, на коленочки, — с горящими глазами продолжил он.

— Что-то закажете? — обратилась к ним эффектная брюнетка в передничке, одетым почти на голое тело.

— Пожалуй, пивка, — за двоих ответил Ник.

Девушка, виляя бедрами, удалилась выполнять заказ. Быстро вернулась, принесла меню и две кружки с пенящимся напитком.

— Здесь наши расценки, — по-деловому, предложила она, подавая прайсы.

Ром присвистнул:

— У них здесь все задницы из золота что ли?

— У нас серьезное заведение, — соблазнительно улыбаясь, заявила девушка, надеясь на щедрые чаевые.

По сведениям клубной карты в красном исполнении, чтобы просто смотреть на выступление стриптизерш, достаточно заказать дорогое пиво или виски. Три тысячи стоил сеанс контактного одностороннего стриптиза в зале, пять — контактный стриптиз в кабинке.

Ром обратил внимание на соседний столик, где великолепная блондинка с длинными роскошными волосами длительное время обслуживала клиента: садилась к нему на колени, вставала, вертелась вокруг, вихляя задом, цепляясь прелестями. Тот, заводясь, хватал ее за интимные места, она со смехом шлепала его по рукам, напоминая об установленном порядке.

В кошачьих плавных движениях он уловил заметное сходство с той, которая прежде грелась в его ладонях. Чудесный взмах золотистых кудрей, поворот, и вот, он не может оторвать напряженный взгляд. Еще чуть-чуть и он готов сорваться с места...

Однако его беспокойное состояние, оборвалось активным нашествием полуобнаженных девиц, бабочками спархивающих с балкончика и яростно атакуя, назойливо предлагая свои услуги.

— Котик, не желаешь развлечься, — нараспев протянула не слишком молодая дева с пышными формами и в боевой раскраске.

— Может позже, — отводя ее руками, отнекивается Ром.

— Зря отказался, — с иронией заметил Ник, уже схвативший в свои лапы длинную и тощую красавицу, елозящую на его коленях.

Одной ему оказалось мало, и он ухватил за тонкое запястье совсем юную невысокую миленькую малышку с узкой талией, с небольшой грудью и великолепными бедрами.

— Какая куколка! — пуская слюни, выдал он.

Ром с каменным лицом наблюдал за развлечением компаньона.

— Ты чего? Сдурел? Пользуйся случаем!

Рука Ника оглаживала аппетитную попку красивой стриптизерши.

— Я ее хочу! — указал Ром на блондинку, ублажающую клиента за соседним столом.

— Одобряю, — внезапно согласился Ник, — у тебя хороший вкус! Сейчас устроим!

Он пальцем поманил распорядительницу, стоящую поблизости:

— Нам вот эту, — указал он пальцем.

— К сожалению, Вероника обслуживает постоянного и очень важного клиента.

— За двойную плату!

— Деньги вперед, — мило улыбаясь, согласилась работница клуба.

Ник достал внушительную пачку купюр. Пара минут и сменившая одежду, блондинка приблизилась к Рому, соблазнительно играя глазами. Томный взгляд из-под опущенных ресниц цвета воронова крыла, приоткрытый ротик, обнажающий белоснежные зубы. Красавица заправила длинный локон за ушко, и нежно проворковала:

— Вероника!

Она закусила сочную губку и наклонилась к его лицу.

— Ром, — со сбивчивым дыханием вымолвил он.

Он внезапно заполнился внутренней дрожью, завладевшей сознанием. Сердце бешено забилось в груди, а руки самопроизвольно потянулись к вожделенному телу.

Улыбчивая, красивая девушка с изящной шей, узкими плечиками, едва прикрытыми тоненькой тканью полушариями груди, хорошо развитыми бедрами в крошечных трусиках и точеными ножками, села к нему на колени и тесно прижалась.

Ром уткнулся носом в то самое место за ушком, от которого у него сносило крышу.

— Светка, — прошептал он, улавливая запах знакомых духов.

— Да, любимый!

— Я так скучал!

— Я тоже! — выговаривали губы фальшивой Светки.

У Рома и вовсе башню снесло. Повинуясь внезапному внутреннему порыву, он впивался в чужое, продажное тело руками и стонал от счастья.

— Ты больше не уйдешь?

— Ни за что!

Подобие Светки усердно отработывало потраченные на ее внимание деньги: с нее слетел лифчик. Ее ноги летали перед лицом Рома, зависшего в загнипнотизированном состоянии. Она крутилась на его коленях, упираясь упругими ягодицами в грудь.

— Продлевать будете? — прозвучало, как гром среди ясного неба, возвращая Рома в действительность.

— Нет! — жестко рявкнул он.

Никогда еще он не был настолько преисполнен праведного гнева. Фальшивая продажная шкура, вертящая с голым бюстом и выставяющая себя напоказ за пару шуршащих тысячных, не шла ни в какое сравнение с его Светкой. Отвратительная иллюзия, смешанная с грязью и похотью. Стоило сомкнуть веки, как по волшебству перед ним возникал любимый образ и то, как маленькие пальчики выводили причудливые круги на его обнаженной груди в момент абсолютного счастья. Самое страшное, что богатое воображение рисовало и вовсе отвратительные картины, когда она, беспомощная, хрупкая, летела с моста, сломленная чьей-то рукой, а он в это время... Не защитил, не оказался рядом, когда она кричала и звала на помощь. Вот, ее идеальное тело все глубже погружается в пучину мутной воды, опускается на илистое дно, и шелковые золотистые кудри перепутываются с колючими водорослями, становясь их частью.

Рыча, он громко ударяет по столу, резко срывается с места, под неодобрительный взгляд Ника:

— Эй! Стой! Куда? Мать твою! — сыпал вслед Ник, бросая возбужденных его руками красоток.

Ему ничего другого не оставалось, как встать и следовать за ним.

— Хочу напиться! — глядя в упор, сообщил Ром.

— Так я ж не против.

— Пойло здесь отвратительное.

— Найдем лучше, — одобрительно похлопав по плечу, успокоил Ник, не понимая причины его бешенства.

— Эта шлюха...

— Вероника?

— Так похожа на Светку.

— Не заметил.

В дешевой забегаловке, они изрядно заправили баки сорокаградусной. После двух поллитровок у Рома развязался язык:

— Знаешь, друг...

Ник приосанился, впервые его нарекли несвойственным именем.

— Говори, я — могила!

— Светки больше нет.

— Шутишь? Она дома, а ты любитель преувеличивать. Представляю, что ты накрутил в своей чумной башке.

— Гляди...

Он протянул изрядно помятый газетный обрывок.

Ник, разгладил изрядно потрепанную бумажку с мелкими буквами, поводит пальцем по строчкам, вгляделся в фото.

— Может это не она? Кажись, не похожа!

— А кто еще? На дату смотри! К тому же у Светки на запястье шрам от ножа остался. Да, и татуировка. Все сходится.

— Что делать будешь? На твоём месте я бы забыл и жил дальше.

— Убивать без суда и следствия.

Ник перешел на шепот:

— Кого?

— А ты еще не понял? Из этой заварушки один путь — деревянный макинтош. Думаешь, что ты выкрутишься, когда операция закончится?

— Так и будет.

— Светка, по их словам, отдыхает дома, а на самом деле...

— Может она сама? Женщины непредсказуемые существа. Знал я одну, которая по пьяни с окна пятого этажа выскочила, с громким криком: «Жизнь — говно!»

— Ее точно бросили на корм рыбам. Она так любила жизнь, что ни за что не решилась бы свести с нею счеты.

— Тебя на ней переключило? Вокруг девчонок, сколько хочешь, только пальцем щелкни, ноги раздвинут, обслужат по высшему разряду.

— Такой как она нет, — сухо ответил Ром, вновь вбивая кулак в твердую поверхность стола.

— Да, ты втюрился!

— Что толку! Ее уже не вернуть.

— А ты, я понимаю — мститель.

— Да, я не могу больше так жить! Глаза закрываю, она — улыбается, сверлит меня своими глазенками. Живая, веселая. Каждое слово ее в ушах эхом отдается.

Ром обхватил голову руками и заскрипел зубами.

— Стоп! До добра это точно не доведет, — попытался предупредить Ник.

— Хрен, с ним! Главное, что я не предаю ее, понимаешь?

— Что ты задумал?

— Объединимся и взорвем к чертовой бабушке эту организацию вместе с ее тайнами.

— Моя выгода?

— Ну, хоть в одном я не просчитался, — удовлетворенно отозвался Ром, — без пользы, ты чихать не станешь.

— Жизнь — штука сложная! Меня она, например, столько раз по морде била, пальцев не хватит сосчитать!

— Тот же случай! Не хотелось бы завтра в новостях читать, как тебя от машины соскабливали или по частям из-под поезда доставали.

Ник выдержал паузу, будто в его уме шел трудный мыслительный процесс.

— По рукам!

Он протянул «другу» свою открытую ладонь.

На его лице отразилась довольная улыбка. Он выполнил следующее задание с блеском.

Тоска смертная сидеть в засаде, к тому же мучаясь после вчерашней попойки. Ром продолжал ворчать, будто старый дед, проживший сто лет. Ник же слушая его в пол уха, все время пытался прокрутить на максимальный звук магнитолау в поисках «нормальной» темы. В его понимании романтизации эпохи девяностых, сейчас не хватало песен о крутых парнях, не продающих честь за пятак.

— Башка трещит! — первым не выдерживает Ром.

— Ага! Третья бутылка была лишней!

— Не знаю, зачем мы полирнули все шампанским?

— Повод был. Ты, что забыл?

— Вообще ничего не помню!

— За дружбу, за братство... — начал возвращать Ник к событиям вечера.

— А-а-а-а!.. Точно...

Ром потер виски и простонал:

— Больше не пью!

— И меньше тоже!

Ник развеселился, но тут же застыл на полуслове, обнаруживая объект разработки на горизонте:

— Работаем!

Ром лениво приподнялся, протирая сонные опухшие глаза.

— Смотри, а Каринка наша — та еще шгучка! Вцепилась во фраера всеми клешнями.

— Меня не вставляет, — отозвался Ник, — обычно у таких в том самом месте зубы, как у акулы.

— Скажешь, тоже! — отмахнулся Ром, девчонка что надо. Разве что резкая и диковатая.

— И кусачая...

И надо было им в этот прекрасный для влюбленной парочки, но в то же время злосчастный, оказаться в подворотне рядом с домом Серебрянникова.

Командир, посылая их на слежку, заранее предвидел у сыщиков отсутствие рационального мышления и способности трезво оценивать обстановку, поэтому его рекомендации, точнее приказы, имели чисто прямолинейный характер: «Наблюдение, фиксация, доклад».

Ник, считающий себя асом в водительском мастерстве, осторожно вырулил следом за иномаркой объекта разработки. Он ни на метр не отставал, определив для себя место через два автомобиля. Так, на всякий случай, если преследуемым вздумается оглядываться назад. Каринка не зря же проходила то же самое обучение. Вопрос только в том, насколько она снюхалась с любовничком и на чьей стороне находится.

Ром нетерпеливо ерзал на сидении:

— Отстал! Добавь газу!

— Раз такой умный, садился бы за руль! — огрызнулся Ник, жалея, что не может вмазать по наглой роже напарника. По какой-то неведомой причине не мог смириться с его присутствием рядом.

Минутная слабость. Только этот тугодум с тяжелым взглядом и глубокой складкой

между бровями, был прав: машина Серебрянникова, жестко вилля между встречными, далеко ушла вперед.

Опасный маневр — обход длинной фуры, грузовика, еще какой-то таратайки-черепахи, но только поздно. Тесный поток навсегда оторвал их от объекта.

Ник матюгнулся, ударяя руками по рулю.

Однако, Ром вместо осуждения, равнодушно произнес:

— Да, и хрен с ним! Пусть сваливают!

— Провал! Чего в донесении объяснять будем?

— Расплачься! Гляди, только у меня платочка носового с собой нет, слезы тебе утирать.

— Ты не понимаешь!

— Отчего же. Думаешь, я не вижу, что ты слишком усердно выслуживаешься. До меня слухи дошли, что ты занять место Михаила стараешься.

— Если и так!

— Ты стукачок. Можешь не отрицать.

— Что же ты тогда душу- то мне свою наизнанку вывернул?

— На то и расчет был. Ночью ты больше часа клеветал на меня, закрывшись с Алевтиной наедине.

— Ты же в отключке был!

— Трезв, как стеклышко! Напугал водой водолаза!

Ник чуть не прострелил его взглядом. В автомобиле повисла настолько напряженная обстановка, что можно было запускать петарды.

Ром давно ожидал момента, когда увидит в лице соперника абсолютную ярость. По правде сказать, его кулаки давно чесались показать не только свое превосходство, но и навсегда поставить точку в их вечном споре.

— Может, выйдем, поговорим?

— Не будем откладывать! — зло, сжимая желваки, откликнулся Ник.

Сворачивая с дороги в сторону кукурузного поля, он оглянулся, на предмет случайных свидетелей.

В детстве Пашка Романов, нескладный, но верткий дрался часто и вовсе не потому, что слыл задирой, вовсе нет. В его тогда юной бурлящей крови каждый раз просыпалось необъяснимо дурманящее состояние, и сравнимое ни с каким прочим удовольствием. По этой причине спровоцировать его на кулачный бой было достаточно просто. За легкий толчок в спину, подножку или дразнилку — не раздумывая бил кулаком в лицо не только одноклассников, но и ребят постарше, выше его на голову, а то и вовсе превосходящим по силе. Благодаря своей упертости и странному отсутствию болевого эффекта, он побеждал в большинстве драк, из прочих он выбирался побитым, но не сломленным, поскольку находил способ поквитаться и всегда доводил свою миссию до логического конца.

Кроме того памятного случая, когда банда отморозков подкараулила его на пустыре за школой. Четверо против одного! Началось с пустячной зацепки, переросшей вначале в словесную перепалку, а после в откровенный мордобой. Ром начал первым, самонадеянно полагая, что сможет дать отпор, но это его и подвело. Он падал и вставал, пропуская удар за ударом, потому что кулаки сыпались со всех сторон. Глаза заплыли, нос хлюпал от обилия крови, губа кровоточила и саднила, но свернув кулаки с новой силой, он пер вперед, пока снова не оказывался на земле. Тут его и настигли ноги соперников в ботинках с толстыми подошвами... Глаза он открыл уже в больнице, куда его доставили случайные свидетели.

— Ты чего замер? Испугался что ли? — сквозь зубы процедил Ник, толкая его в плечо.

— Лапы убери, а то втащу, — огрызнулся Ром, едва сдерживаясь.

Они отошли от машины и свернули в сторону поля. Со стороны это выглядело вполне мирно, как будто два туриста ищут место для справления естественной нужды.

По силе противники были почти равны, что разве Ром чуть шире в плечах и выше на пару сантиметров. По предыдущим спаррингам с Ником в форме уроков, он почти выучил все выпады, броски и атаки и знал к чему готовиться. Ник любил заигрывать, совершая много лишних движений, прыжков, сопровождаемых активной мимикой и обидными словами.

Вот, и сейчас, он то и дело подначивал и без того злого, как черт Рома, делая ударение на его умственной отсталости.

— У тебя и так башка отбита. Не боишься совсем дураком остаться?

— Барышни вперед, — прошипел Ром, останавливаясь. Не было причин тащиться дальше, метром больше, метром меньше.

Несколько опасных мгновений они стояли напротив, глядя друг другу в глаза: два огромных, агрессивных хищника, готовые рвать свою жертву до последней капли крови.

Первым не выдержал Ник, высоко поднимая кулак, он нанес удар в правую щеку противника.

Ром даже не пошатнулся, но в его голове и вправду заклокотало и зашумело. Он пропустил удар, оставив его без ответа.

— Я тебе никогда не говорил, что я амбидекстер? — поинтересовался Ник, потирая костяшки левой руки.

— Хрен ты моржовый! — отозвался Ром, сплевывая на землю кровавую слюну. Он не понял, чего талдычит этот чудик, у которого глаза, будто у сумасшедшего или накуренного.

— У меня обе руки одинаково развиты, не то, что у тебя — правая ведущая!

— Зато какая! — вскрикнул Ром, опуская свою правую в центр лица Ника.

Окончательно озверев от ярости хрипло рыча и выкрикивая ругательства, противники бросались друг на друга, нанося беспорядочные удары. Лица превратились в кровавое месиво, кулаки сбиты до ссадин, из перекошенных злобой ртов вместе со сгустками крови и слюны, вылетали обломки выбитых зубов.

Пропустив очередной удар в переносицу, Ник потерял равновесие и свалился на землю, но тут же особым усилием воли он вскочил на ноги и ударил Рома в межреберье, отчего тот охнул и присел. Видя пусть малое, но превосходство он взревел и нацелил ногу в низ живота.

Ром увернулся, подставляя под удар руку. Каменным блоком он захватил Ника сзади за шею и начал душить. Тот уже зашелся в хрипе, предупреждающем, что вот-вот, задохнется от недостатка кислорода. Он вцепился зубами в удерживающую руку и смог разжать «объятия». Ром отпрянул, потирая прокушенную кожу.

— Дерешься, как баба: то кусаешься, то по яйцам пинаешь. Может за волосы меня оттаскаешь?

Ник дрожал от ярости, совершенно забывая, в этот момент, кто он такой и для чего вообще это мочилово, а главное — чем для них это закончится. Он ударил левой, затем правой в твердую, будто стальную грудь Рома, получая в ответ на этот раз в уже подбитый глаз.

Потом все смешалось — мелькание рук, ног, звериный рев и тупые звуки метких ударов, каждый раз достигающих нужной цели.

Обтерев лицо ладонью от крови, Ром сделал мастерскую подсечку и швырнул взбесившегося Ника на землю, а сам сел сверху, нанося массированные удары. Он колотил по горячему дышавшему рту, еще больше распляясь, всякий раз, когда делал новый замах. Он не мог остановиться даже тогда, когда лицо под кулаком сделалось скользким и безвольным.

Уже теряя остатки сознания, Ник вынул из кармана пистолет и выстрелил в висок Рома. Пуля пробила череп, обдавая брызгами горячей алой крови.

— Я — победил, тупой ублюдок! — заорал он, отталкивая безжизненное тело. Он выполнил следующий пункт задания, как и подобает профессионалу.

В субботнем выпуске газеты криминальных новостей появилась маленькая заметка, подобная той, которую Ром всегда носил в кармане. Каково было удивление следователей, когда они извлекли ее из кармана неизвестного трупа. Еще один «глухарь» на их головы!

«Как сообщает УМВД России, обнаружен труп неустановленного мужчины с огнестрельным ранением в голову. Приметы: на вид тридцать лет, крепкого телосложения, рост сто восемьдесят пять сантиметров, короткая стрижка, на спине татуировка в форме буквы «Р». Был одет: в рубашку черного цвета, черные джинсы. Региональная полиция устанавливает личность мужчины и просит, располагает какой — либо информацией, сообщать по телефонам дежурной части отдела полиции».

...Ром тем временем стоял в удивительно приятном месте, наполненном светом и тишиной. Вокруг в безоблачно-синем небе порхали искорки-пылинки, сияющие и переливающиеся в лучах яркого солнца. Чудесные цветы, склонившие головки, благоухали медом, а деревья приветливо шелестели листвой. Легкий теплый ветерок приятно ласкал кожу.

Неожиданно маленькие ладошки закрыли глаза:

— Угадай кто?

У Рома перехватило дух:

— Светка!

Он подхватил ее на руки, крепко прижимая к себе.

— Ты долго! — пожурила она, нежно целуя в губы.

— Спешил, как мог!

— Теперь мы никогда больше не расстанемся, — восторженно твердит прекрасными губками Светка, перебирая тоненькими пальчиками ворот его рубашки.

Ром чуть не задохнулся от радости, зарываясь носом в золотые кудри любимой и единственной, покоровшей его жестокое сердце. Если бы он знал заранее, не стал бы медлить.

— Ты простишь меня?

— Уже простила. Впереди у нас тысячи дней и ночей вместе. Давай начнем прямо сейчас, — игриво прищуриваясь, предложила она.

Его не нужно было уговаривать: Светкины намеки он умел расшифровывать с их первой встречи. Он потянулся за ее желанным поцелуем и зажмурил глаза от счастья.

Поворот за поворотом автомобиль Кирилла преодолевал полосу пустынной проселочной дороги. Бурые солнечные лучики теплыми бликами уже возвещали о приближении вечера. Пряный коктейль из запахов трав, обилия зелени и ароматного хвойного леса витал в салоне, ворвавшись через открытое окно.

Кирилл, вдыхая полной грудью чарующие ароматы, все больше радовался, что оставил позади дышащий выхлопными газами и пропахший пылью город. Пусть и на два дня имелся шанс насладиться единением с природой. Да, и он почти позабыл, когда последний раз выбирался за город.

Стараниями чудака-брата, грезившего домиком в деревне, появился счастливый случай побывать, по его, опять же словам, на волшебном островке, затерянном среди сосен-великанов. Кирилл, с его богатым воображением, часто представлял картинку из детства, когда гостил у родственников в маленьком селе возле чистого озера, поросшего колючими кустами и камышом. Он с деревенскими мальчишками-сорванцами часами сидел на старом полуразрушенном мостике, наблюдая за поплавком, качающемся на перекатах, а после в дядиных резиновых сапогах не по размеру бродил среди валежника по лесной чаще, выискивая грибы. Снова вернувшись в то радужное и по-настоящему беззаботное время, Кирилл ощутил тепло в средоточии сердца.

— Карин, обещаю: тебе понравится...

Хотел сказать он, но осекся: она уже задремала, укачиваемая плавным движением автомобиля.

— Мы на месте, — тихонечко прошептал Кирилл, целуя ее.

— Уже?

Она, вытягиваясь, словно кошечка, мигом оценила обстановку, наблюдая вокруг деревья, своими кронами застилающие небо.

Кирилл был прав, описывая это чудесное место с пронзительной тишиной и удивительно пьянящим воздухом, раздирающим легкие.

— Красота! — только и смогла она выразить свои эмоции.

— Я же говорил!

— Чудесное место!

— А вот, как я понимаю, и наш терем из сказки! — указал он на двухэтажный бревенчатый дом из золотистых бревен с высоким крыльцом и открытой террасой.

— У твоего брата отличный вкус.

— Если честно, я представлял другое, — пожимая плечами, ответил он.

— Ты разочарован?

— Наоборот, в восторге! Брат утверждал, что купил охотничий скромный домик, а тут — дворец!

Они осмотрели внутреннее убранство, поражаясь столь тщательно проработанным интерьером, выполненным в мягких нежных тонах. Все гармонично сливалось в общую картину уюта, уединения в настоящем русском доме с белоснежными скатертями, шторами в милый цветочек.

— Надеюсь, здесь есть спальня с крепкой кроватью, — шутливо произнес Кирилл.

Карина шлепнула его по мягкому месту ниже спины:

— Опять?

— Я уже соскучился!

— А как же природа? Прогулки и все то, что ты мне обещал?

— Ладно, сдаюсь! Пошли осматривать барские владения, — почти с досадой согласился он, беря ее за руку.

Только она высвободила пальцы:

— Чур, ты — вода!

— Хочешь поиграть? Тогда держись! — завелся Кирилл.

Карина дразнила его и старалась убежать, а он бросался вдогонку, а когда ловил, заключал в объятия и осыпал поцелуями. Они носились как дети, совершенно позабыв о времени и проблемах. Кирилл остановился, невольно залюбовавшись на любимую женщину, с покрасневшими от бега щеками: глаза горят, волосы растрепались, жадно ловя воздух губами, она рвалась снова играть в догонялки. Ей в помощь стволы сосен, вокруг которых она ловко маневрировала, пряталась, кружилась, выскользывая из его рук пока они не оказались на берегу живописного озера. Огромное светящее зеркало спокойной и прозрачной воды манило к себе.

Карина озорно посмотрела, скидывая платье через голову.

— Ты что задумала? — испугался Кирилл, подразумевая, что вода слишком холодная.

Она уже освободилась от нижнего белья и ступила на кромку берега.

— Идем со мной! — поманила она пальчиком.

Поймав мурашки от предвкушения ледяного купания, она помотал головой.

— Простудишься!

— Не-а! Любовь греет!

Озорная девчонка, бесстрашно ступила вперед, широко размахивая руками и взвизгивая при каждом шаге.

Кирилл сбросил рубашку, брюки и бросился следом, в чем мать родила. Прохладная вода приятно охладила его разгоряченное тело, стоило окунуться полностью.

Они барахтались возле берега, постоянно окатывая друг друга полчищами брызг. Карина сумела подобраться поближе и обхватить руками его шею. Чувствуя ее горячее дыхание, Кирилл прижался теснее, чувствуя нарастающее возбуждение.

— Сама напросилась! — прорычал он, впиваясь в ее губы.

Он еще раз убедился, что эта женщина полна сюрпризов и по-прежнему провоцирует его на безрассудные поступки. Сто раз бы подумал, прежде чем купаться в подобном месте.

От его прикосновений ее тело вдруг стало податливым будто воск. Горячий язычок Карины, уже основательно изучив его губы, теперь нежно касался шеи, затем плеча, распространяя вокруг волны желания. Подчинившись своему влечению, она крепко обхватила его ногами.

Хрипло делая вдох, Кирилл принял условия игры, проникая в ее лоно. Он слизывал капли воды с ее губ, а она, приподняв попку, ритмично двигалась в такт его движениям. Яркая молния наслаждения поразила их одновременно.

— Ты сводишь меня с ума! — прокричал на весь свет Кирилл.

— А ты — опять водишь! — подхватив свои вещи, взвизгнула она, ускоряясь в направлении дома.

— Вот, ведь лиса! — усмехнулся он, чувствуя себя Тарзаном.

Уже в доме, стуча зубами от холода и заворачиваясь в плед, она умоляла о том, чтобы он растопил камин.

— Я никогда прежде этого не делал.

— Учись!

Она сложила в топке стопку дров и подожгла скрученную бересту. Пламя миглом разгорелась, потрескивая и отражаясь во всех поверхностях. В носу защекотало от чуть заметного запаха дыма.

Хозяин выстроил убежище, в котором можно отгородиться от окружающего мира.

— Надо же, все предусмотрел! — восхитился Кирилл, обнаруживая в баре бутылку французского шампанского.

Влюбленная парочка сидела на полу, подстелив ворсистую шкур неизвестного животного. Короткая летняя ночь вступила в свои права, но они не чувствовали сырого туманного дуновения, потому что согревались в объятиях друг друга.

Перебирая изящные пальчики любимой, Кирилл ощущал то самое счастье, о котором видел сотню снов. В его понимании, свершилось даже больше, чем он заслуживал или молил в часы одиночества и отчаяния. Может быть, правду говорят гороскопы и прорицания об идеальных парах, влияниях планет и прочих астрономических стечениях и слияниях неведомых звезд, в конце концов, приводящих в отправную точку. Да, и черт с ними! Он одного не мог понять, как там наверху было написано, чтобы его девочка, в тот самый день появилась перед ним. Кто запрограммировал ее судьбу?

В беспокойном сердечке Карины, тем временем и вовсе разразилась буря. Обзывая себя последними словами, она проклинала день, когда подписалась в договоре. Была даже попытка признаться в заговоре, но боязнь быть отвергнутой в тот же момент, закрыла ей рот. Одно она знала наверняка, если любимый отправится в пекло, она пойдет следом. Повязнув в трясине обмана, сражаясь с внутренней борьбой, она вновь проявляла слабость.

«Есть только здесь, и сейчас!» — подумала она, склоняя голову на его плечо.

— Устала, милая?

— Нисколечко, — нежно проворковала она.

В ее глазах отражались тысячей бликов огоньки тлеющих в камине поленьев. Волшебство этой загадочной ночи нарушить никому было не в силах.

Повернувшись к его лицу, она прошептала:

— Обещай!

— Все, что пожелаешь!

— Верь мне, что бы ни случилось!

— Еще один сюрприз, — воодушевился он.

— Я умру за тебя, — призналась Карина.

В его лице отразилось недоумение:

— Есть повод бояться? Ты нужна мне живая и здоровая!

— Поверь, я знаю, о чем прошу...

Удивительная и слишком загадочная женщина, по сути, о которой он знал слишком мало, но вполне достаточно, чтобы сносило крышу.

— Я спасу тебя, — многообещающе пообещал он, подтверждая это страстным поцелуем.

Она чуть успокоилась, полагаясь на его благоразумие в случае критической ситуации.

— А ну, иди сюда! — раскрыл он объятия.

Подобный изнуренному охотой животному, он возлегал на чудесном ковре. Его тело утопало в пушистом ворсе, который нежно ласкал спину, вызывая мелкую и приятную щекотку.

— Зачем это? — оживилась Карина.

— Буду внушать тебе доверие.

— Придется постараться. Я такая непонятливая...

Но на самом деле все было не так. Когда он жадно впился в ее пышные, молочные груди, что вздымались при каждом вздохе, и стремительно опускались при каждом движении, она почти растаяла. При малейшем прикосновении его пальцев она закатывала глаза, как будто теряя сознание. Движения ее становились более интимными и страстными. Ее волосы, растрепались и небрежно разметались на спине и лице. Она время от времени облизывала пересохшие губы, вишневый цвет которых был свидетельством предшествующих пылких поцелуев.

— Я хочу тебя! — прорычал Кирилл, теряя остатки самообладания.

Он требовательно сжимал ее кожу, проводя горячей рукой по изгибам спины, попы, груди, вновь возвращаясь к самым чувствительным местам, от воздействия на которые Карина выгибалась будто кошечка, разве, что не мурлыкала. Каждое касание волновало ее и разливалось по телу лихорадочным потоком неземного блаженства.

— Мой, — прошептала она, едва сдерживаясь от стога.

Он немного отстранился, заглядывая ей в глаза. Сегодня его любимая малышка была такой горячей и одновременно сентиментальной.

— Твой, — откликнулся он, — и не только на сегодня.

Ее взгляд из-под длинных черных густых ресниц затуманился, дыхание сбилось. Еще один жаркий поцелуй был медленным и нежным, но постепенно перерос в бешеную страсть. Их разум растворился, погружая в сладостную эйфорию, где существовало только два человека, чьи сердца бились в такт.

Карина нуждалась в этом мужчине, как в воздухе и желала его каждой клеточкой тела. Выгибая изящную спину, следуя велению его рук, она с наслаждением принимала все ласки. Из ее уст раздался сладострастный стон. Ощувив в себе его мужское естество, она уже не могла сдерживаться, полностью отдаваясь ощущениям. Сначала его движения были неторопливыми, но потом становились все более сильными и даже чуточку грубыми. Она почти потеряла сознание, когда волна удовольствия захватила ее полностью.

Еще один вечер прожит. Ее душа плавилась, как свеча и маялась, раздираемая отвратительным предчувствием, ведь до конца месяца осталось всего ничего — два дня. Она, конечно же питала робкую надежду, что все страхи можно оставить позади: никто из тайного сообщества не давал о себе знать ни намеком, ни скрытым посланием. А может быть, она, совсем одичав от свалившегося счастья, старалась их не замечать. Позабыв о предосторожностях, она наслаждалась каждым прожитым часом, каждым мгновением и благодарила высшие силы за этот потрясающий шанс.

Высвободившись из крепких объятий Кирилла, она выскользнула на улицу, чтобы привести мысли в порядок. Ежась от ночной прохлады, она плотнее закуталась в мягкий плед.

Почему то она знала, что ее завтра обязательно наступит.

Ей перестали сниться те жуткие кошмары, которые заставляли просыпаться в холодном поту. Напротив, теперь все сновидения поражали ярким и теплым светом. Даже просыпаться не хотелось!

Она открыла глаза, не обнаруживая Кирилла рядом. Где-то наверху слышался грохот роняемых вещей, тяжелая мужская поступь по деревянным половицам.

— Кирюш, ты где? — позвала она.

Облачившись в его майку, она взбежала по лестнице на второй этаж.

— Ах, вот, ты где! — обрадовалась она, обнаруживая его в комнате, напоминающей спальню маленькой девочки, — Попался!

Повсюду, куда ни бросишь взгляд, мягкие игрушки, куклы. Обои в розовых цветочках дополняет мебель для маленькой принцессы. Или двух? Или трех? Только сейчас она заметила, что в комнате две кровати, застеленные пушистыми покрывалами плюс раскладное кресло. Удивительное ощущение благополучной семьи, где детям дается самое лучшее, а главное — любовь и забота.

Рука невольно потянулась к огромному плюшевому мишке, напомнившему ей того самого... и единственного в ее жизни.

— Чей? — спросила она, прижимая его к себе.

— Думаю, Машкин. Она — большая любительница медведей и прочих из животного царства, правда, со стеклянными глазками и без когтей.

— Это ее комната?

— Ее, — кивнул Кирилл, — да, еще двух ее сестренок. Не знаю, как они здесь все вместе уживаются, ведь они такие разные, ссорятся постоянно? Брат редко берет их сюда: единственный шанс побыть в тишине и покое.

Карина вздохнула, расставаясь с мишкой.

— Я тоже большая любительница...

Кирилл усмехнулся:

— Девочки в любом возрасте не расстаются с игрушками. Хочешь, возьми его себе. У Машки: одним больше, одним меньше, пропажи не заметит. Отец ее заваливает подарками, мороженым и прочими сладостями без меры. Девчонки жутко избалованные особы, стоит покапризничать, папочка тут же мчится в торговый центр за покупками.

— Правда?

Она подпрыгнула от радости.

— Спасибо! Это самый дорогой подарок для меня! Именно сейчас! Это хороший знак!

Неожиданно для себя, и для него, конечно же, она расплакалась. Вновь ухватившись за пушистые бока мишки, она кинулась к Кириллу с поцелуями.

— Не ожидал, что это вызовет у тебя такую бурю эмоций, но все равно приятно! — удивился он.

— Ты самый лучший!

— Надеюсь, это слезы счастья, — серьезным тоном выговорил он, вытирая ее мокрые от слез щеки.

— Еще какого!

Карине хотелось петь и танцевать. Только бы не сглазить! Невозможно быть такой счастливой, но разве она не заслужила хотя бы маленькую толику?

Кирилл явно был занят важным делом. Он осматривал шкафы, заглядывал под кровати, перебирал игрушки, перекладывая их с места на место. Кружился по комнате, замирал в раздумье, а затем принимался опять производить что-то наподобие обыска. Из шкафа на пол посыпались детские кофточки, маечки.

— Потом обратно сложу, — откомментировал он свои действия.

— Ага! — согласилась Карина, стоя у него за спиной и наблюдая, в общем-то, не совсем приятную для себя картину.

В детдоме за такое бы по рукам надавали или «темную» сделали. Воришек никто не любил, их чмарили и постоянно дразнили. Закон и вовсе гласил: «Нашел крысу — дави!» Она поморщилась, понимая, что отпечаток прошлого, никак не позволяет ей расслабиться и воспринимать все в ином цвете, нежели она привыкла. Суровые условия ничего хорошего не принесли, кроме осторожности и недоверия. Но, сейчас, не тот случай, Кирилл искал нужную для него вещь в доме брата и это нормально! Наверное...

— Да, где же он? — не выдержав, произнес он.

Руками он уже залез в волосы, и нервно теребил их.

— Ты что-то потерял? — поинтересовалась Карина, — давай, помогу!

— Брат сказал, что она в розовой лошади, а я никак не могу ее найти.

— Кто?

— Не важно! Лучше посмотри, не видишь ли ты чего-то по внешнему виду похожее на коня?

— Повтори дословно, что брат сказал!

— Вроде, ищи розового коня с рогом. Ерунда какая-то!

— Не ерунда, а модная сейчас игрушка. Единорог называется. Все девочки мечтают о таком. Кстати, жутко дорогая.

— Пусть так, — согласился Кирилл, — она в тысячу раз дороже...

Он запнулся, опасаясь выдать истинную причину обыска.

— Так, вот он! — указала Карина, протягивая ему игрушку, все это время стоящую на виду.

— Какая же это лошадь? — удивился Кирилл.

Он повертел игрушку в руках:

— Не замечаю никакого сходства.

— По-твоему кто? — не выдержала Карина.

— Собака. Может быть, большая мышь. И где, спрашивается, у нее рога?

Карина указала на мягкий гребешок сверху головы невиданного зверя.

- Брат, у меня словит! Так бы и сказал: «Хватай все, что розового цвета!»

Тут же повернул игрушку и рванул ее в разные стороны.

— Стой! Ты чего делаешь? — испугалась Карина такого вандализма.

— Так надо!

Он еще раз рванул, разрывая розовое брюшко из которого посыпался белый воздушный наполнитель.

— Испортил, — огорчилась Карина.

— Невинная жертва, — согласился Кирилл, — ее потом можно будет оживить, если найти иголку и нитки.

Он выпотрошил бедного коня полностью, обнаруживая в ворохе флешку.

Довольно улыбнувшись успешному исходу дела, он попытался запихнуть в рваный живот белые клочки, валяющиеся по всему полу. Он так спешил, что не удосужился сложить все в кучу.

— Думаю, единорог пал смертью храбрых. Нужно найти веник и совок, а после отправить его в последний путь в камин.

— А ты — жестокий человек, оказывается! — надула губы Карина, наблюдая, как Кирилл прячет флешку в кармане брюк.

— Без твоей помощи никак!

Карина внутренне усмехнулась: знал бы он, что перед ним дипломированная швея, пусть и потерявшая диплом, но все же... Сделать пару швов — не проблема!

— Ищи иголку и нитки!

— Так это во взрослую спальню надо. Наверняка, сноха там шкатулку с принадлежностями держит. Она такая хозяйственная, жуть! — почему-то с сарказмом проговорил Кирилл. (Видимо, эта черта характера его родственницы не являлась положительной в его понимании).

— Пусть мишка пока побудет в одиночестве, — предложил он, с силой вырывая плюшевое чудо из ее рук и усаживая обратно на кресло.

С неохотой Карина согласилась.

— Я вернусь за ним.

— Обязательно!

Взявши за руку, он повел ее за собой. Открывая дверь в соседнюю комнату, пропустил вперед.

— Заходи, не стесняйся!

Карина вошла, и, тут же, застыла на месте. Ее глаза уперлись в огромную фотографию на стене.

— Что с тобой? Ты будто привидение увидела? — поинтересовался Кирилл.

— Тебе показалось, — пыталась увильнуть она от ответа.

— Ты побледнела.

— Вот, еще! — возмутилась она, изображая спокойствие.

Но это было вовсе не так. Со снимка на нее смотрела счастливая семья: папа, мама с тремя милыми дочками. Сияющие лица, улыбки, нежные объятия, вроде ничего такого, что могло бы вызвать испуг или хотя бы малейшее волнение. Идиллия.

Она перевела дыхание, успокаивая трепещущее сердце. Сомнений не было: все взаимосвязано и цепочка начинает раскручиваться. Ничего случайного, лишь четкая стратегия, сценарий, по которому она движется в неизвестном направлении, задание, которое нужно выполнить.

С широкой, почти во все лицо улыбкой, на нее взирал Гоша. Тот самый, который угощал ее мороженым на скамейке в парке. Тогда, она не поняла сути операции: неясно, зачем серьезной шпионской организации скромный владелец рюмочной, предприниматель средней руки. Сейчас, все становилось на свои места и от этого становилось страшно.

Сделав вид, что рассматривает фотографию чисто из любопытства, она сделала вполне обоснованный вывод, который напрашивался сам по себе:

— Он не может быть твоим братом.

Кирилл обнял ее сзади, уткнулся носом в макушку.

— Еще как может!

— Но вы же совсем не похожи друг на друга!

— Все об этом твердят. Поверь, ты не первый человек, который так думает. Еще больше сомнений возникает, едва мы оказываемся рядом. Гоша — шутник, балагур, болтающий без умолка, а я...

— Я не об этом, — перебила Карина, — внешнее различие бросается в глаза.

— В этом нет ничего удивительного: мама у нас одна, а вот отцы — разные. Для меня старший брат всегда был примером во всем, да, и сейчас продолжается им оставаться. Знала бы ты, с каким оптимизмом смотрит он на жизненные неурядицы. Проблемы решает с хладнокровием, и всегда надеется на лучшее, а главное не ноет по пустякам, как некоторые. Я не видел его ни разу с опущенными руками или в состоянии депрессии.

— Получается, его воспитывал отчим?

— Мой отец, — поправил Кирилл, — заменил ему биологического родителя, смывшегося на Крайний север за длинным рублем, но позабывшего вернуться обратно. Воспитывал нас без различия на «своих и чужих», за что Гоша ему безмерно благодарен. Иногда мне кажется, что между ними сложились более теплые отношения, чем со мной. Мама, в свое время, сделала правильный выбор.

— Ты говоришь о брате с такой любовью.

— Он всегда защищал меня от драчунов, ведь, что греха таить, в начальных классах школы мне крепко доставалось от старшеклассников. Он легко разруливал конфликты, давал отпор любому, кто косо смотрел в мою сторону. Естественно, все знали: в случае чего, у меня надежный тыл.

— Повезло!..

Карину вновь душила зависть, и она ничего не могла с собой поделать. Ей, почему-то захотелось вдруг сорваться и выдать свои обиды наружу. Она с детства не ведала ни любви, ни заботы от близких людей, озабоченных ее пребыванием в этом мире, полном боли.

Она сдержалась, меняя тему:

— Расскажешь о нем?

— У него бизнес, пусть маленький, но позволяющий безбедно содержать семью, возить своих девчонок к морю — пара кафешек: одна в старом городе, а вторая ближе к центру. Как-нибудь я тебя свожу туда и познакомлю с ним. Я уверен, вы понравитесь друг другу!

«Только не это!» — пробежало в ее голове. Она боялась представить, какой сюрприз ожидает ее недавнего знакомого. Картина маслом, называется: «Приплыли!»

— Он, как я уже догадалась, женат, в отличие от тебя?

— Ему повезло больше. Хотя в отношении его жены у меня имеется свое мнение.

— Она тебе не нравится?

— Напротив, даже слишком. Посмотри на фото: красавица с ногами от ушей, с внешностью модели и ростом на голову выше...

— Можешь не продолжать. Ты сомневаешься в искренности ее чувств к твоему брату.

— Честно сказать, в первое время я пытался вразумить Гошу, что она ему не пара, да, только напрасно тратил время. Он не слушался, оказавшись во власти ее обаяния. Гоша, как это помягче сказать, всегда отличался излишним весом. В его пользу — абсолютное отсутствие комплексов и иной взгляд на отношения между мужчиной и женщиной.

— Любят не за красоту.

— А за что?

— Не за что, а вопреки. Вот, твой брат правильно поступил, не слушая советов, в том числе и твоих.

— Я хотел как лучше. Взгляд со стороны еще никому не повредил. Я страдал, когда он с широкой улыбкой надевал обручальное кольцо ей на палец, целовал ее при криках «Горько!». При всем моем уважении к брату, я давал их браку определенный срок, надеясь упрекнуть его в случае чего. Ждал, ждал, но так и не дождался! Видимо, ошибался!

— Он кажется счастливым, — мечтательно сказала Карина, еще раз любуясь семейным фото.

— У него самые замечательные дочки. Я всегда умиляюсь их ангельским личикам, голосочкам, звенящим будто колокольчики. Гоша растит настоящих принцесс: нежных, светлых, у которых розовые мечты и беззаботное детство со всеми вытекающими прелестями. Правда, иногда он смывается от них сюда, чтобы в тишине набраться сил и восстановить душевное равновесие.

— Тогда, сразу вопрос, — не выдержала Карина, возвращаясь к теме с единорогом.

— Я даже догадываюсь какой, — моментально отреагировал Кирилл, — ты еще стойко держалась, я бы и пары минут не выдержал.

Карина чмокнула его в кончик носа.

— Приятно, что ты понимаешь меня с полуслова.

— Мы сюда приехали не случайно, — начал он рассказ, — Я доверил Гоше хранение важной для меня вещи, а он не нашел ничего лучше, как всунуть ее в пузо розового зверя.

— Лучшего места не найти, — подтвердила Карина, напоминая, как долго он не мог обнаружить «сокровище».

Она и словом не обмолвилась, что сожалеет, что не стала причиной для путешествия за город. Поначалу, именно эта мысль грела ей душу.

— Флешка? Что там? — спросила она.

— Одна из многих. Резервная копия, сделанная на всякий случай.

Он загадочно подмигнул Карине.

— Рассуждаешь, будто герой детектива, — предположила она, — борьба за мир, остановка конца света, «миссия невыполнима». Шпионы, тайные агенты и огромная коалиция, охотящаяся за эфемерным артефактом, способным изменить реальность.

— Не ерничай!

— Ты первый начал, — надула она губки.

— Все просто: я попытался сохранить самое дорогое, не в моральном, а в материальном ключе. Это мое будущее. Своеобразный запас в цифровом выражении. Моего таланта программиста хватило на создание этого продукта, в скором — прогрессивного, отрицаемого многими коллегами по цеху. О бесполезности изобретения тома можно писать. Но это только на первый взгляд. На самом деле — огромные деньги, просто космические!

— Попахивает фанатизмом.

— Не стану отрицать, что неоднократно слышал эти слова. Сколько нелестных слов я слышал по поводу отсутствия предпринимательской жилки. Куда проще заливать онлайн игры, с максимальным рейтингом, снимать сливки. Денежки капают и ладно: на жизнь хватает! Только амбиции куда девать?

— Я не совсем понимаю.

— Представь, что-то конечное, идеальное, не требующее дополнений и вкладов.

— С трудом. Возможно, я слишком далека от этого.

— Мне удалось воплотить идею совершенной, эффективной безопасности банковского сегмента. Пусть теперь завистники кусают локти. Я дошел до самой сути, проработал миллионы позиций, разработал проекты целевых показателей, определил риски и в конечном итоге получил продукт, четко выполняющий сложные задачи. Конечный результат обещает огромные выгоды для всех заинтересованных сторон.

— Доход одних означает разорение других, — изрекла Карина умную фразу.

— Ты попала в точку! Никто не захочет терять деньги, поэтому я могу полатиться не только работой, но и жизнью.

— Еще один повод остановиться и подумать.

— Приятно, что ты беспокоишься за меня, но я обещаю быть осторожнее.

— Сколько у тебя этих копий?

Кирилл нахмурился:

— Много. К чему твой интерес? Раньше ты никогда не задавала подобных вопросов.

— К слову. Ты слишком подозрительный.

— Не обижайся! На пути к успеху я встречал страшных «акул». Ловко маневрируя между ними, я выстоял, вырос, а потом перестал замечать опасности.

— Напрасно! — сделала она вывод, многозначительно взглядываясь в его лицо.

— Ты права, но назад пути нет.

— Сделай, хотя бы паузу!

— Этим мы сейчас и займемся, — прошептал он, накрывая ее губы поцелуем.

Останки розового единорога благополучно истлели в жарком камине, так и не дождавшись ремонта.

К вечеру следующего дня «сладкая парочка» вернулась в городскую квартиру.

— Наконец-то дома! — с удовольствием произнес Кирилл, сбрасывая в прихожей обувь.

— Дом, милый дом! — эхом отозвалась Карина, пристраивая медвежонка на диван.

— Ты решила с ним не расставаться? Не думал, что у тебя имеются странные пристрастия к особям мужского пола, в плюшевом исполнении. Смотри, я уже ревную!

— Ну, он же такой милый, — медленно протянула она, морща носик.

Как только Кирилл уснул, Карина вернулась в прихожую. Ей как можно скорее хотелось отыскать флешку и тут же испортить ее, таким образом, спасаясь от преследования конкурентов из «Банкиса». Она-то знала, что иным способом исправить обстановку не получится.

Безрезультатно обыскав вещи Кирилла, она расстроилась: «Спрятал, значит! Предусмотрительный!»

Она так неосторожна. Всего один громкий звук, и она будет обнаружена за скверным поступком, объяснить который вряд ли удастся. Ничего другого не оставалось, как вернуться в постель.

Тут ее взгляд упал на бумажник, лежащий на полке. Оглянувшись и прислушавшись к ровному сопению, идущему из спальни, она протянула руку и быстро схватила кошелек. Быстро расстегнув молнию, издавшую шипящий звук, она вздрогнула, замерла. Затем сунула внутрь пальцы и обрадованно выдохнула, доставая оттуда флешку.

«Завтра же выброшу ее на ближайшей помойке!» — решила она, успокоившись и забираясь под одеяло. Флешку она пока что припрятала в самом укромном месте, где Кирилл бы ее ни за что не обнаружил — воткнула в комнатный цветок, стоящий на окне.

Продолжая нахваливать себя за находчивость, она погрузилась в приятный легкий сон.

Утренний телефонный звонок заставил всполошиться и вскочить с постели, в которой так уютно спалось.

— Который час? — поинтересовалась Карина, протирая заспанные глаза.

— Кажется половина пятого.

Действительно, за окном едва брезжил рассвет, а город был тих и безлюден.

— Кто же это в такую рань?

Кирилл взглянул на светящийся экран и тут же его лицо исказила тревожная гримаса:

— Я должен ответить!

Прежде она старалась уловить смысл всех его телефонных переговоров. Что не успевала понять, домысливала, и, по ее мнению, была в курсе происходящего. К своему стыду, она шпионила за ним, подсматривала за каждым жестом, подслушивала все звуки, иногда пыталась читать по губам. В ней в это время боролись два человека, стоящие по разные стороны баррикад. С таким внутренним раздраем было сложно трезво оценивать происходящее вокруг, от этого голова шла кругом.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросила она.

— Старинный друг, — отмахнулся Кирилл, — наверняка опять попал в переделку, иначе бы не вспомнил. Он всегда объявляется, когда запахло жареным и нужно бежать к нему на выручку.

Вставив ноги в тапочки, Кирилл поплелся на кухню, выпил стакан воды и только тогда перезвонил.

Карине представилось, что он готовился к сложному и неприятному разговору. Тем более, она должна услышать все, что не предназначалось для ее ушей.

— Кость!

Дальше ни звука. Он лишь слушал, а абонент по ту сторону грузил по-полной.

— Говори адрес, я приеду, как смогу, — пообещал Кирилл своему другу.

Эх, и раздосадовалась Карина, ловя себя на мысли, что еще чуть-чуть и лопнет от любопытства. Задавать неудобные вопросы глупо, Кирилл и так в последнее время стал слишком подозрительным. Только в этот раз он сам будто угадал ее мысли и начал объяснения:

— Представь!

— М-м-м? — промурлыкала она.

— Творится что-то страшное. Чувствую, как вокруг сгущаются тучи, но никак не могу разобраться, в чем дело. Только вот предчувствие не обманешь!

— Не выспался, только и всего! — возразила она, — вот и чудятся всякие кошмары.

Кирилл будто не слышал ее, поглощенный внутренними переживаниями.

— Когда-то с Костей мы вместе начинали. Друзья со студенческой скамьи, не разлей вода! Он, в отличие от меня, постоянно сомневался в себе, находился в поиске не только острых, но и вовсе экстремальных ощущений. Ему не просто не сиделось на месте, он жаждал приключений ежедневно без перерывов на обед и сон. Но совершать свои выходы он мог только при наличии зрителей, ценивших его «мастерство». На этой почве наши дорожки разошлись в разные стороны, но мы продолжали иногда пересекаться, чтобы перебраться парой слов.

— Значит, тебе не все равно?

— Я люблю этого балбеса, несмотря на все его причуды. Его легкомыслие, на грани риска и абсолютного отсутствия рамок, однажды стало причиной гибели однокурсника.

— Ничего себе! — воскликнула Карина.

— Так бывает, когда переоцениваешь свои возможности. Так и произошло в тот раз. Слышала о паркуре?

— Немного.

— Зато я изучил этот вопрос как следует. Где-то на втором курсе все будто с цепи сорвались: устраивали турниры, отрабатывали опасные объекты, заброшенные стройки. Только и здесь Костик обошел всех. Он преодолевал различные препятствия с ловкостью кошки, отдавая предпочтение высотным зданиям, на крышах которых снимал эффектные ролики. Самый драйв — незнакомые, заранее не обследованные местности: полуразрушенные стены, столбы, статуи. На одной из крыш наш общий однокурсник, возомнивший себя трейсером, выполнил прыжок вслепую, не видя точки приземления. Он погиб, свалившись с высоты.

- Костя был инициатором? — догадалась Карина.

— Больше того, он почти вынудил всех забраться на ту злополучную крышу.

— Я бы тоже держалась от такого друга подальше, — заметила Карина, — меня пугает, что ты собрался встречаться с ним.

— В этот раз он попал в беду. Я по голосу догадался, что случилось что-то страшное. Он едва мог собрать мысли воедино и попросить о помощи.

— Не удивительно при его образе жизни.

— Не могу же я его оставить в беде!

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Лучше дождись меня здесь, а после я расскажу тебе все в подробностях. Боюсь, что при постороннем человеке, ему будет сложно откровенничать.

— Согласна! Только обещай...

— Не беспокойся, я взрослый мальчик, давно уже вырос и не поддаюсь на авантюры. Самое большее, что я могу оказать ему — финансовая поддержка. По последним сведениям, Костя на мели. Он исколесил все бары и клубы в округе и за пределами. С того случая, он подсел на крепкий алкоголь, и не особо озадачивался трудоустройством: случайные подработки, куча долгов, беспорядочные связи с незнакомыми женщинами. Как-то раз он оговорился, что даже имен подружек не запоминает, не то, что лиц.

— Про таких говорят, что они встали на скользкую дорожку, — зачем-то заметила Карина.

— Для меня он навсегда останется прежним — умным, веселым, умеющим радоваться каждому дню. Сколько раз я пытался остановить его, протянуть руку помощи, но он уклонялся от подобных разговоров. Однажды и вовсе обиделся на меня.

— За что?

— Гордый очень. А ведь когда-то он куда лучше меня учился на курсе, подавал большие надежды и, наверняка бы, смог достичь поразительных успехов.

Карина догадалась, что еще одна копия программы могла храниться у этого сумасшедшего дружка. Все складывалось как нельзя лучше, нужно было только выгадать еще один удачный момент и избавиться от всех копий.

— Будь осторожнее и позвони мне, когда выяснишь, что случилось.

— Жди звонка, — на ходу бросил Кирилл, уже стоя одетым у выхода, — не скучай! Я скоро!

Время близилось к обеду, а новостей от Кирилла все не было. Карина пощелкала пальцем по кнопкам пульта от телевизора, так и не настроившись ни на одну программу. Первой сделать звонок не решилась: она же послушная девочка, раз сказали ждать, нужно набраться терпения.

Внезапно в дверь позвонили.

«Наверное, ключи забыл», — решила она, вскакивая с места. Глупая ошибка — забыла даже посмотреть в глазок, как учил Кирилл.

— Привет, Кара! — услышала она, открывая дверь.

Сложно описать ее состояние ужаса в этот момент. На пороге возникли члены тайной группы в количестве двух человек: Ник и Динка.

— Ну, как отдыхается! — с издевкой вымолвила Динка, отталкивая Карину и заходя внутрь квартиры.

— Глянь, на нее: довольная, счастливая, а хоромы!.. — присвистнул Ник, оскаливаясь.

Карина вздрогнула, наблюдая, как тот забирается с ногами на светлый диван. Сегодня с утра она, чтоб скоротать время убрала всю квартиру, намыла полы, вытерла пыль.

— Везет некоторым, — продолжила Динка, — а хавчик здесь есть? Давай, подруга, угощай! Не забудь в чайк коньячку плеснуть для настроения.

— У нас нет коньяка, — ответила Карина.

— О! У вас? Дин, смотри, она, кажется, не догоняет, что ее романчик всего лишь

театральная постановка.

— Да, она втюрилась! — в голос рассмеялась Динка.

— Не ваше дело! — огрызнулась Карина, подстраиваясь под их манеру общения.

— Ладно, пошутили и хватит! Мы не за этим пришли. Собирайся. У тебя пять минут, — скомандовал Ник.

— Куда?

— Домой! На этом твои приключения закончились.

— А если я не хочу!

— Засунь свои желания себе куда поглубже. Добром не пойдешь, силой потащим. Да, и еще кое-что...

— Только попробуй! — вскрикнула Карина, становясь в оборонительную позу.

— Не горячись, — почти ласково пропела Динка, — он хотел сказать, что в случае неповиновения, твоего любовника ждет страшная, почти смертельная кара. Ты же не дуручка. Выбирай!

— Я пойду, — смирилась Карина, — только пообещайте, что ни один волос не упадет с его головы!

— Она точно втюрилась! Никто тебе ничего обещать не будет! Ты договор подписала, на условия согласилась. К чему теперь эти розовые сопли? Очнись: любви нет, жизнь бардак, миром правят деньги и связи!

— Я помню! — согласилась Карина.

— Твой, так сказать, почти жених, не раздумывая вышвырнет тебя отсюда, если узнает, с какой целью ты его тут ублажаешь.

— Он не узнает!

— Такой вариант вполне возможен. Нужно было сразу соображать, что раздвигаешь ноги в чисто профессиональном плане. Так и не больно, и не обидно! Он — клиент, ты — проститутка!

— Ты совсем офигела! — рассердилась Карина, — чего ты несешь? Проститутка деньги берет, а мне какая выгода?

— Правду-матку никто не любит, глаза режет! Еще, какая выгода! Есть товар, есть спрос, а цена у каждого своя. Ты вот, за ощущение нормальной жизни продалась!

— Да, иди ты!

— Поспеш, — перебил их спор Ник, — у тебя, я уже сказал, пять минут!

Потом обратился к Динке:

В другой раз не плохо бы было обнести эту хату, — по-хозяйски оглядываясь вокруг, рассудил он, — жаль, что времени маловато.

Наспех побросав вещи в сумку, Карина, вытерла слезы и поплелась к выходу.

— Подождите, — вспомнила она, — телефон забыла!

— Оставь! — прорычал Ник, теряя терпение. Он и так едва сдерживался, чтобы не отвесить пару оплеух этой наглой девчонке, которой никогда не симпатизировал.

— Вдруг, Кирилл позвонит!

— Обязательно позвонит, только ему никто не ответит. На это и расчет! Ты должна исчезнуть из его жизни раз и навсегда!

Вытирая набежавшую слезинку, Карина мысленно простилась с прежней уютной, счастливой жизнью. Она проклинала тот день и час, когда ввязалась в эту авантюру, познакомившую ее с самым главным человеком на свете, и тут же разъединившую

несправедливо. С другой стороны — эта встреча могла никогда не случиться.

— Давай, — сказал Ник, вырывая у нее из рук сумку.

У подъезда их компания загрузилась в знакомую черную машину, за рулем которой сидел Михаил.

— Привет, малышка! — поздоровался он с Кариной, — рад тебя снова видеть!

— А я, напротив, не рада! — отмахнулась она, — думала, что больше не придется выслушивать твои глупые команды.

Михаил бросил на нее такой многозначительный взгляд, что она вжалась в сидение.

Через автомобильное стекло она увидела, как к дому подъезжает автомобиль Кирилла.

Больших усилий стоило сдержаться и не закричать о помощи, ведь в противном случае, Ник и Михаил могли нанести вред ее любимому человеку. О тяжести их ударов, она знала не понаслышке.

— Поехали! Кого ждем? — пробасил Ник.

У Кирилла было скверное настроение, а всему причина Костик, на этот раз, попавший в окончательно безнадежное положение.

— Кость, ты где? — проговорил он в телефон, заводя мотор автомобиля и выезжая на шоссе.

— В пятой инфекционной.

— Больница? — поморщился Кирилл, от неприятного воспоминания.

Он до чертиков ненавидел лечебные учреждения. Особенно после того, как месяц пролежал на неудобной кровати с иглой капельницы в вене. А причиной — воспаление легких: двухстороннее с высокой температурой и удушающим кашлем. Б-р-р!

— Загораешь, значит? Слышал, что в инфекционное посетителей не пускают...

— Не бойсь я не заразный, по крайней мере, для тебя.

Костик неприятно хохотнул, выражая крайнюю степень своего равнодушия. Таким образом, он всегда обозначал: «Ерунда! Прорвемся!» Однако Кирилл услышал скрытую подоплеку и мысленно содрогнулся: в голосе друга сквозила безнадега.

— Уф! Успокоил! Скоро буду, — пообещал он, выворачивая руль в поворот.

Припарковав авто возле запертых ворот, он прошел через проходную, ища глазами на фасаде здания нужную вывеску.

— Кость, я прибыл. Куда дальше?

— Обойди здание, там с бока будет вход с высокой лестницей. Я уже жду!

Кирилл взобрался по лестнице, открыл входную дверь и оказался в узком коридоре, ведущем в квадратный тамбур со скамейкой и вешалкой для верхней одежды. В нос ударил резкий запах хлорки, используемый для дезинфекции помещений.

Спиной к нему стоял щедушный человечек в больничной полинявшей полосатой пижаме, ссутуленный и жалкий. Кирилл обратил внимание на огромные шлепанцы на его худеньких ногах.

— Извините, — обратился Кирилл, — не могли бы вы мне помочь?

Человечек обернулся:

— Привет, друг! — протянул он навстречу открытую ладонь.

Кирилл чуть не вскрикнул от ужаса:

— Костя?

Его рука мелко-мелко задрожала, в горле пересохло и стало невероятно душно.

— Я! Кто ж еще?

От прежнего парня с широкими плечами, внушительными бицепсами и сияющей улыбкой не осталось почти ничего, кроме голоса.

— Черт, возьми!

— Не узнал, да?

— Честно говоря, нет. Сколько мы не виделись?

— Почти год, — ответил Костя, пряча глаза, — не нравлюсь?

— Я в шоке!

— Понимаю. На твоём месте я бы вообще в обморок упал.

— Объясни толком, что случилось?

— Попал я. Круто попал, понимаешь?

— Вижу! Но я здесь, чтобы вытащить тебя и вместе мы справимся. Шанс есть всегда. Помнишь, как ты мне говорил, когда я сдавался или начинал ныть?

— Конечно, помню! С памятью у меня, слава богу, в порядке, а вот с остальным...

Костя отвернулся к стене, будто собираясь с духом. Он едва сдерживался, пребывая в отчаянном состоянии. Дыхание перехватывало, не хватало духу, чтобы произнести те страшные слова, которые вот уже полгода стали не просто диагнозом, а приговором.

— Не томи! У тебя никогда не было от меня секретов. Скажи, что нужно — я горы сверну. Если дело в деньгах, не стесняйся! Они приходят и уходят, а твое здоровье — это самое главное на данный момент!

— Слишком поздно, — тяжело вздохнув, почти обреченно, вымолвил Костя пересохшими губами.

Он опустил на скамью, его плечи едва заметно затряслись в беззвучном плаче.

— Конец! — сбивчиво начал он.

— Давай без паники!

— У меня СПИД.

Друзья молчали.

Затянувшуюся паузу первым прервал Кирилл:

— Откуда? Ты же, вроде остепенился? По последним сведениям, у тебя даже девушка постоянная появилась.

— Вика, — назвал он проклятое имя.

— Чем же она тебя зацепила? Я же думал, что твой имидж сердцеда будет преследовать тебя до самой старости.

— Влюбился без памяти. Жить, дышать без нее не мог. Она топтала меня своими длинными каблучками, а я млею от счастья. Вся такая неземная, воздушная, будто из сказки. Не видел никого, не слышал, оказавшись на ее коротком поводке. Приручила, подчинила, лишая возможности рассуждать здраво, а главное, предохраняться. Наши первые два контакта прошли, как и положено с презервативом. Ты же знаешь, насколько я щепетилен в этом вопросе. А потом, расслабившись, я полностью поддался страсти. С нею в постели можно было сойти с ума: ни рамок, не границ, ни запретов. Впервые я почувствовал, как женщина может отдаваться без остатка и стыда.

— И где же она сейчас?

— Исчезла. Самое интересное, она внезапно появилась, так же внезапно испарилась, будто ее и не было. Только у нее дела, я думаю, гораздо хуже, чем у меня. Телефон не отвечает, по прежнему адресу не появлялась.

— Надеюсь, она корчится в муках, — зло бросил Кирилл.

- Не говори так. Я до сих пор люблю ее и скучаю.

— Но она стала причиной твоей болезни.

— Она пришла, чтобы наградить меня, и чтобы уничтожить за мои грехи.

— Не говори глупостей! Ее нужно найти и привлечь к ответственности, а еще лучше...

— Кирюш, — прервал Костя гневные тирады.

— Что?

— У меня никого нет кроме тебя.

— Не начинай! Ты что прощаешься?

— Думаю, пора. Врачи прогнозов не дают, но по их намекам и собственным

ощущениям, я чувствую, что немного осталось: может, месяц-два.

Кирилл схватился за голову:

— Кость, я не знаю, что сказать. Я мчался сюда, чтобы увидеться, помочь. Поверь, я готов на все, чтобы ты не попросил. Не представляю, что нужно говорить в таких случаях.

— Ты просто послушай. Мне сейчас не нужна жалость, понимание и все те сентиментальные сериальные шутки. Прими мои грехи, выслушай исповедь. Не могу без покаяния на тот свет отправляться.

— Почему я? — удивился Кирилл.

— Я виноват перед тобой.

Костя и вовсе поник головой.

— Не понимаю, — удивился Кирилл, пытаюсь вспомнить, чем же Костя мог ему навредить.

— Я украл твою программу. Ту самую с «сырыми кодами».

— Она ничего не стоила. Наброски. Впоследствии я полностью все переписал. А первые разработки, так и остались утопией.

— Я думал, что смогу доработать, внести коррективы и заработать на ее продаже. Желание обогатиться затмило все остальное. Я «забил» на нашу дружбу, перешагнул через понятия и опустился до банального воровства.

— Я не сержусь. Если бы ты попросил, я бы сам отдал тебе все, что захочешь.

— Я это знал, но моя гордыня и лень сыграли со мной злую шутку. Я все мечтал, как завоюю мир, прославлю свое имя, а сам не прилагал никаких усилий, считая себя гением, достойным большего, чем убогая серость.

— Ты на самом деле достоин большего. Для меня ты всегда был примером. Я завидовал, а, иногда, и вовсе хотел хоть чуточку быть похожим на тебя.

— Правда? — чуть не прослезился Костя.

— Я никогда не врал тебе.

— Тогда я правильно сделал, что выбрал тебя.

— Для чего?

— Ты получишь мое наследство. Завещание уже заверено нотариусом. Но я позвал тебя совсем для другого.

— Если будешь просить устроить твои похороны, я сотру тебя в порошок! — почти прокричал Кирилл.

— Честно, мне пофиг, кто будет бросать горсти мокрой земли на крышку моего гроба. Пусть я не был слишком хорошим другом, где-то даже невыносимым, но ты всегда был в особом списке.

— Каком? — не понял Кирилл.

— Особенном, я же сказал. Я должен был присматривать за тобой, а вместо этого, прожигал жизнь на полную катушку, без оглядки.

— Ты не мог иначе. Ты же из другого теста: всегда на пике, душа компании, ловелас и авантюрист.

— Мог, но не хотел. Только речь не о том. Вика перед уходом поведала мне массу интересных вещей, в которых твое имя стоит в главных ролях.

— Подстава, — догадался Кирилл.

— Да. Через меня она должна была подобраться к тебе. С ее слов, она была нанята на службу в конкурирующую организацию, чтобы убрать меня с поля боя. Главная задача —

уничтожить всех, кто тебе дорог, чтобы запугать.

— Для чего?

— Чтобы ты отказался от внедрения системы безопасности. В конце концов, ты останешься в одиночестве, и у тебя не останется другого выхода.

— То есть я виноват, что ты болен, — догадался Кирилл.

— Вика так сказала. У нее не было мотива лгать. На самом деле, она жестокая и бессердечная тварь. Я был не нужен ей, чтобы еще раз сделать тебе больно. Так, сказать, показательная казнь самым изощренным способом.

— Ей это удалось.

Кирилл сжал кулаки.

— Прости, друг. Почему сразу не сообщил? Чего ждал?

— Не хотел делать ей приятно. Думал, что уйду тихо, по-английски. Ты, может быть, спустя время, узнал бы о том, что меня не стало, помянул рюмкой водки, цветочки на могилку принес и продолжил жить дальше. Ругнул бы меня между делом или слезу пустил.

— Ты бы так не поступил!

— Правильно! Я должен был предупредить тебя, чтобы в первую очередь защитить. Если у тебя есть слабое место, опасайся удара именно туда. Оборви все связи, затаись на время, а лучше сделай вид, что отступил.

— Но мои принципы...

— Они уничтожат тебя. Не перед чем не остановятся, пока не получат желаемое. Все, кто тебе дорог, умрут страшной смертью, а ты, наконец, отступишь и сдашься. Послушай меня...

— Знаю, что ты заботишься обо мне, но, как и прежде я рассчитываю на внутреннее чутье. А оно говорит, что если сверну сейчас, всю оставшуюся жизнь буду заурядным программистом, каких тысячи по стране, без перспектив и определенных целей. Пустое место!

— Если не свернешь, потеряешь куда больше. Исполни мою последнюю волю.

— Обещаю, — сдался Кирилл, сжимая в объятиях своего лучшего друга.

Почему-то он чувствовал, что это их последняя встреча.

— Карина!

Как же он глупо поступил, оставив ее одну. Вот его слабое место! Безопасность любимой женщины, не шла, ни в какое сравнение с его амбициями и стремлением к славе. В самых страшных видениях невозможно представить, как она станет жертвой его высокомерия, замешанного на иллюзиях, пусть даже несущих огромную пользу человечеству.

Как назло ее телефон отвечал длинными бесконечными гудками. По спине холодком опустилось отвратительное ощущение надвигающейся беды.

— Возьми трубку, — твердил он, снова и снова набирая ее номер.

За считанные минуты он домчался до дома, и со скоростью света поднялся на свой этаж, повернул ключ в замке.

— Карина! — громко позвал прямо с порога.

В ответ тишина. Резкой болью кольнуло в груди и отозвалось тысячей гулких ударов: «Неужели опоздал?»

Внезапно из комнаты раздался звонок ее телефона. Увидев незнакомый номер, не записанный в памяти, он забеспокоился еще больше. С одной стороны некрасиво лезть на личную территорию, пусть и близкого человека, с другой — что-то подсказывало, что нужно обязательно ответить. К тому же абонент назойливо продолжал досаждать звонком.

— Але! Слушаю!

— Кирилл Юрьевич? — пробасил мужской голос по ту сторону.

— Да. Кто это?

— Мое имя ни о чем вам не скажет. Мы незнакомы, но выслушать меня придется.

— Откуда у вас этот номер?

— Ревнивца не включай, — грубо оборвал мужчину, — твоя Карина у нас. Пока в целостности и сохранности, а уж дальше, как пойдет! Если хочешь, мы ее тебе по частям возвращать будем. Сначала один пальчик, потом другой. А как насчет ушек? Пока ты там будешь медлить, она будет расплачиваться.

— Что вы хотите?

— Денег бы побольше, но не в этот раз, — продолжал странный диалог похититель.

— Если потребуется, я готов собрать любую сумму, какую потребуете.

— Так уж и любую? А пятьдесят лямов найдешь? — хихикнул незнакомец.

— Потребуется время. Я не так богат, но если продать квартиру, машину, бизнес, за неделю, думаю, соберу.

Кирилл начал соображать, как побыстрее приступить к сбору денег.

— Расслабься, грабить тебя никто не собирается. Живи себе спаконенько, мучай клавиатуру в своем углу, — продолжил разговор неприятный тип.

— Объясните толком, чего вы хотите. Я согласен на любые ваши требования, — поникшим голосом промолвил Кирилл.

— Так-то лучше! Слушай сюда: завтра, в районе одиннадцати утра заглянешь в зоопарк. Там на входе увидишь фигуру деревянного медведя, мимо не пройдешь, оставишь флешку с программой «Серебро» между его лап и благополучно вернешься домой.

— Тогда вы отпустите Карину?

— Конечно, — убедительно проговорил незнакомец, — зачем нам она? Визгливая пигалица со скверным характером, да, еще такая глупая.

— Прошу вас, не мучайте ее! Можно мне поговорить с ней?

— Мы так не договаривались.

— Пока не услышу, не поверю! Вдруг, вы просто разводите меня.

По ту сторону замешкались. Кириллу показалось, что прошла целая вечность, покуда он не услышал:

— Кирюш, это я. Со мной все нормально, не беспокойся. Выполни их требования и скоро мы снова будем вместе.

— Карина, любимая! Они тебя не били? Скажи, с тобой все в порядке?

— Не били. Даже не пытались.

Тон ее голоса звучал ровно и чересчур спокойно.

— Не провоцируй их, слышишь? Умница, хорошо держишься. Я сделаю, все, что они прикажут.

— Не буду.

— Все, голубки! — в телефоне вновь появился грубый мужской бас. — Будете паиньками, и злой дяденька никого не обидит!

— Стой, еще минуту! — обратился Кирилл к похитителю.

— Конец связи! И, да, помни, как заканчиваются истории с заложниками, когда обращаются за помощью в полицию! Начнем, пожалуй, с мизинца на правой руке. Отправим заказным письмом по твоему адресу. Один шаг в сторону и механизм запустится сам по себе, без шанса на возврат.

— Вы ничего не получите, если с ней что-нибудь случится!

— Все зависит от твоего поведения, господин Серебрянников!

— Я же уже сказал, что готов на все! Только с вашей стороны тоже должны быть выставлены обязательства.

— Само собой! — вновь захихикал похититель.

— Когда Карина сможет вернуться обратно?

— Флешка наша — девка ваша! Вернем в тот же миг, если не обманешь, и если...

— Что еще?

— Если твоя красавица сама захочет!

— Не понял?

— Через два дня твоя любовница будет у дверей твоей квартиры.

Далее последовали короткие гудки, а у Кирилла наступили минуты самого страшного испытания в жизни. Он то и дело прокручивал в голове жуткие фразы, доводящие до дрожи в коленках. Богатое воображение рисовало отвратительные картины, как его Карина подвергается пыткам и унижениям. Жуткое зрелище, воссоздаваемое по мотивам триллеров. Эти кровожадные монстры, способные на похищение людей, наверняка, обладали желанием приносить боль. И уж они точно не упустят возможности поразвлечься с безобидной девушкой, оказавшейся в их гнусных лапах.

На ум сразу пришло, что заражение Кости — дело рук этих же проходимцев. Последние сомнения развеял и факт исчезновения компаньона где-то на южных берегах со странной внезапной любовью. Под угрозой брат с семьей, которые никоим образом не заслуживают перспективы стать мишенями. Его противостояние, оборона, выдерживаемая со стойкостью

каменной стены, разваливалась кирпичик за кирпичиком.

А все его гордость и стремление достать до звезды. К Черту! Теперь уже точно он откажется от такой вожденной цели. «Обложили со всех сторон» — сделал он окончательный вывод. Костя был прав: пришло время остановиться и сделать выбор, каким бы сложным он не был.

Телефон Карины в нежно-розовом чехле с розочками все еще был в его руках. Нажав на кнопку, он прочитал: для разблокировки проведите пальцем по экрану, а далее — введите PIN-код. (Джон, пользуясь феноменальными способностями, лично устанавливал программы защиты на все телефоны. Кроме отпечатка пальца владельца, требовался цифровой код. Все папки, помеченные звездочками, в том числе и контакты, содержали дополнительный пароль. Он в издевку или по приколу пользовался игрой слов: кодировал фразы, содержащие нецензурную лексику. После потешался от души, наслаждаясь содеянной пакостью).

Кирилл ругнулся вслух, не ожидая подобной засады. Его программисты за пару часов вскроют пароль телефона без проблем, но тогда придется объясняться. Не вариант. К тому же, каждая минута на счету, а у него в голове вертелся наскоро скроенный план. Немного поразмыслив, он решил, что в одиночку действовать слишком опасно. На этот случай имелся запасной вариант. И если в фильмах, обращаются к частным детективам, то в этом случае, следовало идти от обратного. Не зря же он с детства водил дружбу с хулиганьем с района. Он никогда не обрывал эти сомнительные связи, зная, что когда-нибудь, обязательно пригодятся. По этой причине не задирал нос, приветствуя их, как лучших приятелей, не забывая напоминать о себе по праздникам, и так, время от времени мог запросто набрать номер из внушительного списка и запросто спросить: «Привет, Толян, как жизнь? Давно не виделись!» У Толяна все серьезно: сервис, автомойка. Законный бизнес, связи, жизнь бьет ключом. Только недавно остепенился, осел от кочевой жизни, обзавелся домиком, дорогой машиной. Хотя в возрасте прыщавой юности он заставил поволноваться всю округу своими выходками. Вспомнить есть чего: угнанный автомобиль отечественного производства, битые витрины магазинов, сбыт металлолома и много всего, что не укладывается в рамки закона.

— Толян, есть тема, — вместо приветствия сказал он старинному другу.

— Я весь во внимании.

— Не по телефону. Давай через полчаса в парке, на нашем месте. Сможешь?

— Без проблем!

Толян обладал четким и здравым умом, однако отличался полным отсутствием в речи лишних слов. Его любимая поговорка: «Мужик сказал — мужик сделал!» Все кратко и по делу. Зато он всегда держал слово и не терпел кидалова. Вот, за это мог прописать без жалости, по понятиям. Кирилл, зная это его свойство характера, мог рассчитывать на его поддержку в любой трудной ситуации. Проверено не раз, еще по малолетке. У Толяна богатое прошлое со всеми вытекающими из этого последствиями. В особых кругах он — авторитет, к мнению которого прислушиваются.

— Брат! — протянул руку Толян, поднимаясь с колченогой лавочки. — Звал?

— Засада! — пожаловался Кирилл, переходя на простой и понятный им обоим язык.

— Иначе бы не объявился. Валяй, выкладывай!

— Наехали. Кажись, конкретно.

— Кто?

— Отморозки какие-то. Я тут с девушкой замутил, серьезно. Ну, ты понимаешь? Любовь

у нас.

— Ага!

Толян понимающе кивнул головой: он всегда считал Кирилла серьезным парнем, достойным уважения. В его глазах он никогда не был зарвавшимся заучкой, читающим книжки и чахнувшим по институтам. Скорее — мужик с целями, умеющий зарабатывать головой, а не руками.

— Украли ее, выкуп требуют.

— Да, ты че! Девяностые что ли вернулись? — возмутился Толян, оглаживая лысую голову ладонью.

— Беспредельщики. Обещали мне ее по частям высылать, — добавил описания Кирилл.

— Сколько бабок просят? Если что, я могу миллиона два-три подогнуть. Я сейчас не на мели.

— Спасибо, брат. Не нужны им деньги, они уничтожить меня хотят. Я дорожку боссам крутым перешел, всю «малину» им испортил. Сейчас солью им свою последнюю разработку, а дальше по миру пойду без гроша в кармане. Только ты не думай, я не ною, мне бы Карину вернуть живой и здоровой.

— Вон оно как! А я думал, что у вас тишина, бизнес спокойный, без камней подводных. Сидите, в мониторы глядите, в игрушки играете: ни тебе грязищи, ни пылищи, тяжести таскать не надо.

— Технологии сейчас в цене, — возразил Кирилл, — деньги большие и риск велик. Мне помощь твоя нужна.

— Догадался уже.

— Подстрахуешь? Завтра я в старом зоопарке у медведя деревянного в лапе должен буду флешку оставить и свалить. Помнишь такого? Почти у самого входа стоит, пасть разинув.

— Конечно, помню.

— Так вот, нужно проследить, кто явится за флешкой и куда, потом смоеся.

— По рукам! — Толян протянул руку, — До завтра.

— В одиннадцать утра, — обозначил время Кирилл.

— За час подъеду, атмосферу разведу. Ты не возражаешь, если двое моих ребят со мной будут? Посетителями прикинутся, фотографии сделают. Кстати, нужно проверить: нет ли камер на входе, — уже включился в дело Толян.

— Так еще лучше, — обрадовался Кирилл.

Ни за что на свете, не упустит шанса поквитаться с преступниками.

Кирилл, слушая свои собственные мысли, никак не мог отделаться от чувства, что его, если не сглазили, то наслали порчу. Еще вчера, не веря своему успеху, он горел идеей перевернуть мир с ног на голову, а уже сегодня он молился, чтобы хотя бы раз прижать свою милую девочку к груди. Великие планы быстро перешли на второй план и перестали иметь важное значение.

Сотню раз, повторив ее имя, он стиснул голову руками. Беспрестанная боль, появившаяся в висках, который день мучила до изнеможения. Вокруг все катилось кувыркком, оставляя после себя сплошное выжженное поле. Лишь теряя, а, не приобретая можно сойти с ума.

Представляя жуткие сцены издевательств, он никак не мог заглушить чувство вины. Почему должны расплачиваться самые близкие люди, а не он сам? Геройство, конечно, не его конек, но по правде говоря, он никогда не был слабаком, прячущимся за чужими спинами. Были случаи, когда приходилось отстаивать свое место под солнцем кулаками, но он никогда не бравировал этими достижениями.

— Гош! — обратился он по телефону к брату.

— Привет, братишка. Ты чего в такую рань, мои малышки еще спят и видят пятый сон?

— Извини, дело не терпит. Будь добр, выслушай без возражений.

— Что-то случилось? — встревоженно спросил Гоша.

— Собирай девчонок и уезжай как можно дальше. И, пожалуйста, никому не рассказывай о нашем разговоре. Поверь, я знаю, о чем прошу. На меня объявили охоту...

— Черт, Кирюха! Куда ты вляпался на этот раз? — зарычал в трубку брат.

— Слишком поздно сожалеть, все уже свершилось. Выход один — затаиться. Не прощу себе, если с вами что-то случится.

— Нет, это я тебе не прощу! — продолжал возмущаться Гоша.

Тут издали послышался нежный женский голосок:

— Буди девочек, я соберу вещи. Через час выезжаем.

На этот раз Кирилл, как никогда был благодарен судьбе, что брату в жены досталась замечательная женщина.

— Спасибо Гош, поцелуй от меня Лизу. Тебе круто повезло с женой!

До положенного времени оставалась уйма времени. Кирилл несколько раз измерил шагами комнату, пытаясь привести себя в более-менее спокойное состояние. От волнения нервы натянулись, как канат.

Знать бы «откуда ветер дует». Рассуждая о противниках, нажитых за недолгую деятельность «Серебра» он никак не мог взять в толк, у кого хватило бы храбрости на подобные преступные выходки. Реклама системы безопасности в социальных сетях и на федеральном канале могла дать шанс мошенникам поверить в баснословную прибыль и подтолкнуть к требованию выкупа. Он так глупо и самонадеянно оплатил ту рекламу, не подозревая о последствиях.

Пройдя в прихожую, Кирилл взял бумажник, лежащий на тумбочке, открыл застежку-молнию.

— Ничего не понимаю, — проговорил он вслух, — она же тут лежала?

Высыпав все содержимое, он убедился, что флешки там нет. Побежал исследовать карманы, обыскивать самые непредвиденные места в квартире. Ведь случалось порой, что он терял вещи, как говорится, положил на видное место и забыл куда. Массу времени тратил на поиски, а потом находил и поражался своей рассеянности.

Уставший и злой, он опустился на диван. Когда-то, в целях сохранности своего изобретения, Кирилл изготовил три копии. Одну отдал брату, вторую — лучшему другу Митьке Котову, третья лежала в сейфе в офисе. Имелась еще запароленная папка на главном компьютере. Он же не простак какой-нибудь, чтобы налево и направо демонстрировать плоды многолетних трудов. Одному богу известно, сколько бессонных ночей он провел возле светящегося монитора, сколько чашек горького кофе выпил, чтобы заглушить единственное на тот момент желание выпасться. Минутный перерыв на перекус в виде пиццы или бутерброда, и он снова в ссутуленной позе битые сутки. Столько трудов вложено, моральных и физических сил, что и не сосчитать. Если что-то не получалось Кирилл выпадал из жизни на недели, а то и месяцы, пребывая в жесточайшей депрессии.

Тратить время на пустое занятие, отнимающее массу времени, нет смысла. Взяв ключи от сейфа, он оправился в «Серебро», чтобы забрать оттуда резервную копию. Ради «не такой как все» ничего не жалко. В самый решающий момент он был готов снять с себя последнюю рубашку, отдать всю кровь без остатка.

— Эту не потеряю, — сжимая в руке флешку, пообещал он самому себе. Оставив автомобиль поодаль на стоянке, он подошел к месту назначения на час раньше.

Краем глаза заметил, как верный друг Толян зафиксировался возле симпатичной девушки, громко хохочуей на каждую его фразу. Вот ведь ловелас, не упустил шанса склеить очередную телочку. Все же стало чуточку спокойнее, при его виде. Не подвел, уже хороший знак!

Огромная фигура медведя, вырезанная умельцем-дровосеком, гордо и почти устрашающе возвышалась на постаменте, как раз у главного входа. От погодных влияний: снега, дождя, порывистого ветра, древесина состарилась, потрескалась, местами обнаруживая истинную природу разрушения. Сошел лоск, остатки лака, когда-то покрывающие мощные лапы и голову.

Кирилл огляделся вокруг, ища глазами хоть какое-то движение. Ничего подозрительного. В это время суток в столь популярное место отдыха заглядывали только молодые мамочки-декретницы с малолетними отпрысками.

Еще раз, повертев в руке флешку, будто прощаясь, он сунул ее в небольшой зазор между скрещенными лапами. Отошел на метр, еще один, затем резко повернулся на пятках и четкой ровной поступью пошел прочь. Мысленно он посылал условные сигналы Толяну, стоящему в засаде — тысяча рекомендаций: не упусти, для меня это вопрос жизни и смерти, будь внимательней, запомни все до мельчайших подробностей.

Какая жалость, что он не может вернуться и взять все под свой контроль. Как назло прошел уже час, а Толян не давал никаких вестей. Следуя договору, он не звонил первым.

Кирилл вздрогнул, когда ожил его телефон. Знакомая прежде мелодия звонка напугала его.

— Брат! — услышал он голос друга.

— Толян!?

— Не по телефону. На нашем месте.

В трубке раздались короткие гудки.

Мгновение и Кирилл на месте.

— Ну! — почти прокричал он, наступая на старинного товарища.

— Тише, людей распугаешь, — с улыбкой отозвался тот, — показывая рукой на прогуливающих по аллеям пенсионеров.

— Извини, у меня уже совсем «кукуха» поехала.

— Заметно! Ладно, не парься, давай по порядку. Я сам смотрел, ребята и девушка моя.

— Та, что смеялась?

— Ага! Смотрели во все глаза, рады были сорваться с места в любую минуту. Как, вдруг появилась девушка-ангелочек: кудряшки, платице, сандалики, все на месте. Шасть к статуе, шустро так!

Кирилл затаил дыхание. Сталось невероятно душно. Толян слишком затягивал с повествованием, добавляя интриги. В этом весь он — любитель романтического детектива с элементами любовных романов. Удивительно, как он до сих пор не стал писателем.

Никогда бы не подумал, что похитители так выглядят, — продолжил Толян, — сам посмотри!

Толян достал увесистую мобилу, и открыл галерею, в которой было несколько снимков с различных ракурсов.

— Любуйся! Мы близко смогли подойти, чтобы доказательства были. Посмотри, я справа снимал, моя Катька слева, парни на выходе щелкнули. Кстати, она на машине была. Вышла, на заднее села и по газам. Я номер, на всякий случай записал. У меня подвязки в ДПС имеются, по номерам владельца пробьем, адресок, фамилию, имя, отчество без проблем!

Кирилл весь во внимании уставился на фотографии, напрягая зрение.

— Нет, не может быть! — прокричал он, запуская пальцы в волосы.

Со снимков на него смотрела его Карина собственной персоной.

— Тебе плохо? — поинтересовался Толян, наблюдая побледневшее лицо друга.

— Это она!

— Кто?

— Моя Карина! Как она могла?!

— С ними заодно, — догадался Толян, нахмуривая брови, — типа враг в тылу. Втерлась в доверие, проникла в душу, а после нагадила там.

— Скажи, я похож на лоха? Она появилась так кстати, будто случайно. Очаровала своими карими глазами, постель мою согрела.

— Прекрати! Не в твоих правилах заниматься оскорблениями самого себя. Тут, по-другому надо!

— Может, подскажешь? Мне-то уже теперь не на что надеяться. Осталось волосы на голове рвать, да, сожалеть о собственной глупости.

— Решать тебе, но я бы хорошенько подумал, и у тебя есть два выхода.

— Боюсь спросить, какие?

— Первый — забудь и живи спокойно. Уйди в запой, загуляй с девочками, боль уйдет, забудется, а вместе с ней обида и все сопутствующие. Когда-нибудь вспомнишь, расстроишься, а после сделаешь вид, что «проехали».

— А второй?

— Возьми себя в руки и покажи, что ты способен на поступки. Отомсти. Верни то, что у тебя украли, а главное — укажи всем их место на нашей грешной Земле. Кирилл

Серебрянников не тот человек, о которого можно ноги вытирать! Все, кто встали на пути или попытались навредить должны пасть смертью храбрых. Хочешь, я пойду с тобой?

— Хочу!

Кирилл, преисполненный яростью, не ведал, что может сотворить в следующую минуту. Первый порыв — поквитаться. Человек — странное существо, движущее порывами и внезапными перепадами настроения. Чувство на грани любви и ненависти может сотворить непоправимое. Карина больше не вернется: ни через два дня, ни через неделю, вообще. Она не просто предала его, а уничтожила и морально и физически.

— Мужской разговор! Вижу, что ты сделал правильный выбор! — приободрил Толян.

В душе у него пела величественная ода «Движуха». Он давно мечтал о приключении, в котором в масштабах вселенной происходят таинственные шпионские дела. Как-то не пацански, когда они проходят стороной. Жизнь быстротечна, а в ней совсем не осталось места для подвига. Каждый день, просыпаясь по утрам в ожидании чего-то сверхъестественного, он просил, умолял, чтобы на него снизошла благодать. Даже малая капля адреналина смогла бы придать смысла его размеренной жизни, с недавнего времени слишком скучной и однообразной.

— У меня возник план! — объявил он, взирая на друга.

— Выкладывай!

Кирилл, полностью раздавленный, поддался под его влияние.

— Если позволишь, начнем с номеров машины?

— Поступай, как считаешь нужным.

— Доверься мне! Вот, увидишь, уже завтра я преподнесу твою коварную преступницу на блюдечке с голубой каемочкой.

— Я убью ее! Придушу собственными руками.

— Еще чего? Из-за какой-то дешевки в тюрьму! У меня имеется иное предложение: в скором времени сама окажется за решеткой.

— Как после этого верить людям? — начал жалобную тираду Кирилл, — я думал, что встретил ту единственную, на которой готов жениться сию секунду. Рядом с нею хотел век прожить, состариться, детей завести.

— Сочувствую, — поддержал разговор Толян, — только ты не раскисай, на жизнь на этом не заканчивается. Сосредоточься, соберем все детали в кучу. Карина твоя, наверняка, тебе лапши на уши навешала, пока ты на нее влюбленными глазами смотрел.

— Она студентка, кажется...

— Почему-то не сомневался, что будет именно так! Фамилию ее хотя-бы помнишь?

— Ульянова Карина Сергеевна.

— Фамилия может быть и ненастоящей, — почесывая затылок, сделал вывод Толян.

— Я ее паспорт видел, студенческий билет.

— Сейчас любую поделку можно за пару часов сделать. Начнем шагать из угла. Пока что я ее по базам прогоню, с номерочком машины поработаю, а там посмотрим! Я тебе не рассказывал?

— Нет, — отмахнулся Кирилл, погружаясь в состояние внутренней борьбы с самим собой.

— Витька с «заводской» сейчас в полиции работает. У него должок передо мной имеется, как раз пришло время напомнить.

Карина, выполняя заключительный этап операции, передвигалась, будто во сне. Еще с вечера, она, не желая видеть никого из оперативной команды за номером шесть, заперлась в комнате, чтобы привести голову в порядок.

С момента ее возвращения, она оказалась в вакууме недоверия. Еще бы, ее длительное отсутствие всеми расценивалось, как своего рода предательство. Будучи рядом с объектом разработки, она могла проболтаться, выдать себя и поставить собственные интересы превыше всего.

И только Тинка встретила ее с улыбкой на все лицо.

— Привет, я соскучилась, — раскрыла она объятия подруге.

От взгляда Карины не скрылось, что та похорошела, чуть поправилась, а в глазах, до этого равнодушных, появился необъяснимый блеск.

— Ты изменилась, — сделала замечание Карина.

— У меня куча новостей, — прошептала Тина, прикладывая палец к губам.

Карина, догадалась, что подруге не терпится поделиться, но вместе с тем, сведения настолько сногсшибательны, что нужно найти укромное местечко.

— Т-с-с! — шипела Тинка, увлекая к себе в комнату.

Теперь она жила отдельно, а для Карины выделили комнату задиры Рома, куда были уже перенесены все вещи. О наличии там прежнего жильца не осталось и следа, даже запах выветрился.

Тинка высунула голову в коридор, выждала несколько минут, а после закрыла дверь на внутренний замок.

Ее речь, тихая и осторожная, была на удивление странной.

— Даже не знаю с чего начать...

Еще на тон тише.

— Начни с самого главного, — понимающе предложила Карина.

— Я надеюсь, что наша клятва все еще в силе?

— Ты же моя единственная подруга! Мне ты можешь доверять!

— В последнее время здесь творится бардак. Алевтина все свое время проводит в обществе Ника. Он, кстати, возомнил себя супергероем, после того, как Ром погиб. Крылья расправил, а все, потому что по любому поводу Алевтина к нему обращается. Они часами чего-то обсуждают за закрытыми дверями.

У Карины рот открылся от удивления:

— Что с Ромом случилось?

— Получил пулю в свою буйную голову, а все потому, что привык, как танк на амбразуру. Знаешь, моя вина в его гибели тоже имеется. Первое время я плакала, никак не могла смириться с его смертью. Чуть с ума не сошла.

Тинка достала из-под матраса смятую копию статьи из газеты, расправила руками.

— Читай! Только в обморок не падай!

Карина быстро пробежала глазами по листу. От внезапного головокружения, строчки размылись и потеряли резкие очертания. Набрав в грудь побольше воздуха, она ухватила Тинку за руку.

— Светка! Так глупо! Она же даже ничего плохого не успела сделать. Честно говоря, я с трудом помню ее лицо. Она так быстро исчезла и ни с кем кроме Рома не успела подружиться.

— Она мешала великим планам. Ром — сильный игрок, а она путалась под ногами или просто-напросто не соответствовала заданным параметрам. Как ты не понимаешь: ее место под тем мостом было выбрано не случайно! От нее избавились, как от мусора. Неопознанный труп в канаве — показатель ценности членов группы. Ты или я могли быть на ее месте за любую оплошность или неверный шаг.

Тинка для убедительности раскрыла широко глаза, протягивая еще одну газетную вырезку, на этот раз о неизвестном трупе мужчины, обнаруженном посреди кукурузного поля.

— Ром! — догадалась Карина.

— Я навела его на мысль о причастности к убийству Светки, подбросив копию статьи. Он на время затаился, а потом выдал все Алевтине. Оказывается, он надеялся, когда закончится вся эпопея с заданием, отыскать Светку, чтобы быть вместе. Она для него не просто девушка для приключений, влюбился он без памяти. Естественно, он был в бешенстве, и был готов разорвать любого, кто надругался над его возлюбленной.

— У тебя есть догадки, кто мог убить его?

— Ник. Больше не кому.

— А Михаил? У него в таких делах опыта куда больше. Ром по силе превосходил даже его! Ник, пусть и хитрый и беспринципный, но у него кишка тонка.

— Он не мог. Мы теперь вместе. Он мой мужчина — единственный на всю жизнь! У нас секретов друг от друга нет.

Карина улыбнулась:

— Я так рада за тебя!

— Ник — подлый. Только в его стиле выстрелить противнику в голову, без всяких заморочек, — продолжила Тина.

Карина все еще раздумывала поделиться ли с подругой теми новостями, свидетелями которых стала за последнее время.

— Тин, у меня есть подозрения, что я знаю, куда исчезли Вика с Виктором.

— Для меня это не секрет, — тут же откликнулась Тинка, — Виктор по слухам где-то на Карибах с любовником загорает, а Вика...

— Заразила по заказу друга Кирилла, — добавила реплику Карина.

— И не только. Ты в курсе, что ее в живых нет?

— Не может быть!

- Еще как может. Банальная история: шла по тротуару, споткнулась, а тут автомобиль из-за поворота неожиданно...

Карина побледнела.

— Остались: Ник, Динка, Джон и мы с тобой.

— Да уж, ряды поредели. К тому же за такой короткий срок. Кстати, Джон умом тронулся: разговаривает сам с собой, несет абсолютный бред, дополненный умными словечками. Иногда его фантастические идеи, озвученные для всех, доводят Алевтину до бешенства. Она даже пару раз угрожала ему, что упечет его в сумасшедший дом, если он не одумается.

— Мне казалось, что он с самого начала не от мира сего. В его вымышленном мире все

по особым законам, далеким от человеческих.

— Он уже неделю под замком, а ему хоть бы хны. Алевтина его компьютера лишила на время, так с ним еще хуже сделалось. В его памяти слишком много картинок и всякого ненужного хлама, избавиться от которого он не в силах.

— Помнишь, в первый день ты спросила, куда делись предыдущие группы и какой ответ получила? — внезапно изрекла Карина.

— Помню. Самоликвидировались.

— Тебе не кажется, что, в конце концов, никого не должно остаться и наша очередь на выбывание вот-вот подойдет?

— Ну, уж нет! Это мы еще посмотрим! У нас на этот счет с Мишей свои взгляды имеются, тем более сейчас...

Тинка осеклась, чувствуя, что сболтнула лишнего.

— Договаривай! — подтолкнула ее к откровениям Карина.

— Я ребеночка жду! Нашего, понимаешь?

Тинка погладила рукой живот, пока еще едва заметный.

Карине стали понятны причины блеска в глазах подруги, но она не знала: радоваться ей, или огорчаться.

— Не знаю, что следует в таких случаях говорить, — смущаясь, начала она, заключая подругу в объятия, — Поздравляю!

— Для меня теперь все в другом свете. Я готова за жизнь бороться всеми руками и ногами, к тому же теперь обо мне заботится самый сильный и надежный мужчина на свете! — с нежностью в голосе сказала Тина.

— К сожалению, не могу похвастаться тем же. Вряд ли мы с Кириллом сможем быть вместе! Если он поймет, что я предала его, у него возникнет вполне разумное желание прибить меня на месте. Своим диким поступком, я нарушила всю его жизнь, до этого успешную. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь получить его прощение. Тин, ведь все не так просто! Я люблю его больше всего на свете. Не представляю, как буду без него!

В карих глазах Карины выступили слезы.

— Все еще можно исправить. Присоединяйся к нам. Если все пойдет, как мы с Мишей задумали, мы выйдем из этой истории без последствий.

— Тогда я с вами, — пообещала Карина, хватаясь за маленький шанс на спасение.

Она не могла доверять кому-либо, руководствуясь законом самосохранения, но, к сожалению, другого выхода не оставалось. Да, и Тинка была, как никогда убедительна.

Алевтина, получая неземное наслаждение от созерцания человеческих мук, специально выбрала Карину для исполнения заключительной фазы операции. Знала наперед, что Кирилл найдет способ выяснить, кто объявится за флешкой. На то и был расчет, чтобы открыть глаза любовничку на его пассивность. Особый вкусный эпизод за последнее время, заставивший Алевтину улыбнуться. Она пробудилась в прекрасном настроении, нарядилась в лучшее платье, в предчувствии особенного торжественного момента. Чудесный повод украсить себя серьгами с бриллиантами, сияющими будто слеза. Тронув запястья капелькой элитных духов, она выбрала для губ помаду кровавого цвета. Зеркало, как и прежде, отразило прекрасную во всех отношениях женщину: дорогую, сияющую, недостижимую для простых смертных. Неописуемый восторг, почти оргазм.

Но что это? Алевтина приблизила лицо к зеркалу и нахмурила брови. Еще вчера упругая свежая кожа, будто у младенца, обзавелась неприятным приобретением. В самых уголках глаз появились мелкие, но уже заметные морщинки. Оттянув пальцами кожу, она скривилась от злости. К сожалению, со всеми ухищрениями, ей не удалось обмануть время. Ей давно уже не тридцать лет, и даже не сорок: лучшие годы остались позади, оставив лишь воспоминания.

Тяжело вздыхая, она потянулась за баночкой с дорожным кремом для лица. Если верить рекламе, то после его нанесения, морщины разглаживаются, а кожа молодеет на глазах. Но, видимо, это всего лишь уловка для наивных дурочек. Крема осталось почти на доньшке, а эффекта так и не наступало.

Алевтина, рассуждая о теории соответствия душевной и наружной красоты, всегда делала акцент, на внешней привлекательности, как основного женского достоинства. Дурнушки в ее понимании должны существовать для контраста для таких особей, как она. К сожалению, с каждым новым днем, она наблюдала, как ее красота увядает, меркнет, и наступает тот самый период, пережить который слишком сложно. Она наносила тонны косметики, посещала косметолога, делала инъекции в проблемные области, но все эти методы теряли свою эффективность.

Чтобы забыться и не впасть в депрессию, она полностью посвящала себя служению той цели, для которой двадцать лет назад она перешагнула порог этих замшелых стен. Ведь это именно она стояла у истоков создания сложной системы. С самого первого задания под грифом «Секретно», она верила в то, что может изменить мир, сделать его чуточку лучше. Вначале она остро переживала гибель добровольцев, вступивших в борьбу по ее распоряжению, но с каждой новой группой, стала принимать это как должное. Очерствев сердцем, она навсегда забыла, что такое слезы.

С недавнего времени, получив безграничную власть над темпераментным Ником, она расслабилась. Тотальный контроль — это все, что доставляло ей истинное удовольствие. Новобранец, будто специально созданный для реализации ее планов, понимал ее с полуслова, старался понравиться и никогда не противоречил.

— Ник! — стуча пальцами по столу, звала она.

— Моя госпожа!

Молодой мужчина ради нее готов Землю перевернуть. И дело вовсе не в том, что она

занимает главенствующее положение. В этой женщине он обнаружил источник для своего вдохновения. Сложно это восприятие считать влюбленностью, скорее поклонением. Она поработила его душу, сердце, полностью обволакивая невидимыми путами. Ник, кстати, не мечтал избавиться от такого влияния, наоборот, радовался любым знакам внимания с ее стороны. Стоило услышать ее голос, как сердце начинало биться чаще.

— Я же просила не называть меня госпожой! — с улыбкой на лице, мурлыкала Алевтина.

— Не могу иначе! Вы для меня — центр Вселенной!

— На что ты готов ради меня? — провоцировала она комплимент.

— Если нужно — убью, закопаю целую сотню!

В глазах Ника светились искры безумства.

— Это самые приятные слова, которые я слышала за всю жизнь, — убедительно отвечала Алевтина.

Своего рода игра. Ник сиял от счастья, все больше увязая в сладком болоте. Он фанател от каждого движения начальницы, каждого взмаха ее длинных ресниц.

Алевтина никогда не была поклонницей особой мужского пола, к женскому телу она так же была равнодушна. Ее не привлекали телесные радости от сексуальных утех. Ее плоть молчала, не требуя нежностей и прикосновений. Ничуть не стесняясь слова, которое некоторые женщины боялись даже произнести, считала фригидность избавлением от зова плоти, своего рода защитой от искушений. Она не разу не влюблялась, но и не испытывала горести от измены или неразделенных чувств. Зато она умело использовала мужские преимущества — силу, ум, способность логически оценивать окружающий мир, разделяя его на черное и белое, без полутонов. Под ее бдительным взором прошли самые лучшие самцы с атлетическими фигурами, красивыми лицами, но ни один из них не оставил в ее холодном сердце следа. Она раздражалась от вида их волосатых тел, крепкого запаха пота. С омерзением морщилась от их тупых шуток «ниже пояса». Никто не смел трогать ее своими влажными пальцами.

Обстоятельство личной жизни строгой руководительницы не было известно Нику, возомнившему себя ее фаворитом. В своих мечтах, он обладал этой женщиной всецело. Он все еще надеялся, что в один прекрасный момент исполнится его заветная мечта. Его наглухо отмороженный мозг будоражили сотни, а может даже и тысячи самых буйных фантазий. Страшно, но вместе с тем слишком волнительно. Его еще больше заводила неизвестность: какая она без одежды, что она предпочитает в сексе? Сердце Ника начало биться намного быстрее, когда воображение перебирало самые приятные моменты в обществе Алевтины.

Закрыв глаза, Ник представлял, как перед ним возникала «хозяйка его снов». Каждый раз одна и та же тема: он покорный раб, а она — строгая госпожа. На ней высокие лакированные сапоги, короткая кожаная юбка, соблазнительно обтягивающая шикарную попку, тугой бюстгальтер, поддерживающий роскошный бюст. Особого шарма придавала сочная красная помада на пухлых губах. В изящной руке «хозяйки» была зажата плетка из крученой кожи.

Ник ощущал, как его штаны в этот момент заметно напрягались. Он, будто наяву слышал неповторимый голос, который приказывал ему встать на колени.

— Да, моя госпожа, — шептал он, пребывая в мучительном томлении.

Падая ниц перед своей госпожой, он со всем пылом целовал ее сапоги, дабы услужить

ей.

Она толкала его с силой:

— Как ты смеешь!

Тут же следует хлесткий удар плеткой по ягодицам.

— Простите, госпожа, я исправлюсь! — жалобно умоляет Ник.

— Ты никто, и зовут тебя никак! Уясни это раз и навсегда!

Далее последовал второй удар еще сильнее первого.

— Заткнись! Тебе разрешено говорить только тогда, когда я разрешу!

— Слушаюсь, моя госпожа!

— Разденься! — командует Алевтина, с металлом в голосе.

Хотя он очень быстро избавлялся от одежды, она все время злилась и принуждала ускориться.

— Ты неповоротливый, ленивый раб, заслуживающий наказания...

— Как вам будет угодно, — покорно соглашается он, подставляя себя под удары плетки.

Обнаженный телом и душой он вновь опустился на колени. Вспыхивая от каждого прикосновения упругой плетки, он жаждал еще более острого чувства. Кожа горела огнем, покрываясь алыми полосами.

Алевтина приготовила еще один сюрприз для непокорного раба. Одевая ему на шею ошейник с шипами, она поволокла его за собой. Никогда Ник не испытывал подобного смешанного чувства возбуждения и унижения одновременно. Сверху накрыла волна нестерпимого удовольствия на грани безумия.

Алевтина, пользуясь превосходством, затащила его в спальню.

— Сложи руки за спину! — велела она.

Связав свою жертву по рукам и ногам, она приступила к следующему этапу наказания.

— Служи своей Госпоже, как подобает хорошему мальчику!

Ник же, опутанный кожаными ремнями, мог передвигаться только ползком, да, и то при невообразимых усилиях, доставляющих боль при каждом телодвижении.

Теря терпение, Алевтина зашипела ругательства. Прежде ей не доводилось видеть такого неповоротливого раба, плохо исполняющего ее распоряжения. Из алого рта, как из рога изобилия, посыпались крепкие словечки, унижающие корчившегося на полу мужчину.

Он, шевеля конечностями, пытался ослабить путы, чем еще больше сердил хозяйку. Опробовав на голенище лакового сапога плетку, Алевтина с силой опустила ее на обнаженную спину Ника: один раз, второй. Раб прорычал от острой боли, услаждая слух строгой госпожи.

— Ни звука! — выкрикнула она, — пока я не позволю!

Выбрав наиболее уязвимое место между лопаток, она поставила туда ногу, сильно надавив острым каблуком.

Ник непроизвольно застонал, ощущая удары плетки на коже ягодиц. Эта сладкая боль, вперемешку с небывалым чувством наслаждения, размывала все вокруг. Не в силах прекратить муки на грани, он жаждал еще. Его возбуждение становилось все сильнее, отзываясь тяжестью в паху.

Со словами: «Плохой мальчик!», Госпожа оттолкнула его ногой, сваливая на бок.

— Перевернись!

Ник снова заставил свою хозяйку злиться. Ему никак не удавалось принять ту позу, которую выбрала она. За каждую долю промедления его спина и пятая точка, все лучше

знакомилась с плеткой. Уже вся поверхность кожи покрылась ярко-розовыми полосами.

— Уже лучше, — наконец-то удовлетворенно сказала Госпожа, позволяя рабу приблизиться к себе.

Поманив изящным пальчиком за собой, она разместилась на постели. Ник тут же начал ползти к ней, повинувшись. Когда он подобрался близко, она выставила ноги вперед:

— Снимай сапоги!

Ник опешил, ведь руки были крепко связаны за спиной.

Дернув за поводок, прикрепленный к тугому ошейнику, на его шее, Алевтина побудила его ткнуться ртом в один из сапогов.

Ник, ухватив зубами за длинный каблук, потянул что есть силы. Сняв с трудом один, он таким же образом справился и со вторым, тратя слишком много времени.

— Неловкий! — она вновь взмахнула плеткой. На этот раз удар врезался в обнаженный бок.

Ник и на этот раз удержался от вскрика.

— Почему не кричишь?

— Вы запретили.

— А теперь разрешаю. Твои стоны — музыка для моих ушей. Когда мне надоест, я могу заткнуть твой рот кляпом.

В тайных мечтаниях Ник именно так представлял власть женщины над собой. Ему нужна была Госпожа, которая не будет жалеть, миловать, легонечко шлепать по мягкому месту. Он ждал того момента, когда будет молить о пощаде, ведь он скверный мальчишка, заслуживающий хорошей порки.

Алевтина как раз только-только стала входить во вкус. Она, чутко улавливая флюиды нестерпимого желания раба, заставила себя совершать удары еще более жестокими. Верткий кожаный хлыст разрезал воздух, падая на его спину. Простому смертному терпеть такую боль невыносимо. Однако Ник не из слабаков, держался долго.

— Ты у меня закричишь! — зло бросила Госпожа.

Ник откликнулся протяжным стоном на новый удар, задевший чувствительный участок. А после и вовсе закричал.

Госпожа прервала экзекуцию, устав.

— Моли о пощаде! — приказала она, выдыхая с шумом.

— Молю, о, Госпожа! — медленно протянул Ник.

— Не верю!

— Молю! — громко выкрикнул он.

— Целуй мою ногу! — смилостивилась она.

Ник бросился жадно лобызать. Наконец-то ему позволено коснуться госпожи. Так долго ожидая ее милости, он мог об этом лишь мечтать.

Она откинулась на подушки и протянула ему для поцелуя другую обнаженную ножку.

Ник не верил своему счастью. Для него это высочайшая награда. Млея и краснея, он вновь приник обсохшими губами к вожденной коже. Трепетное осознание действительности, почти невозможное от его нынешнего положения рядом с этой женщиной.

— Довольно! Думаю, в следующий раз ты получишь еще большую награду...

Окрыленный Ник на таких моментах возвращался в реальность. Внутри все пело, требуя продолжения. Он — самый настоящий раб, наконец-то встретивший на своем жизненном

пути ту самую Госпожу! И, пусть, она пока пребывает в неведении, он обязательно найдет шанс испытать сладкие мгновения от ее руки. В тайных мечтаниях он дошел уже до момента, когда ему будет дозволено не только касаться Госпожи, но и получать от нее ласки.

Карина чувствовала себя подлой предательницей. Всеми способами пытаясь отказаться от задания, она приводила массу доводов для бессердечной Алевтины. Она не могла и не хотела ехать за этой злополучной флешкой. Страшил даже малейший шанс столкнуться с Кириллом нос к носу, окончательно теряя его. Где-то в глубине души, она верила, что сможет вернуться к нему, чтобы больше никогда не расставаться. Изводя себя в страданиях, на никак не могла заполнить пустоту внутри себя. Без Кирилла она погибала, таяла. Грустно ставить крест на всей дальнейшей жизни, только-только начинающей обретать смысл. Сливаясь со своей тоской, она мысленно благодарила Кирилла за те кратковременные отношения, сделавшие ее самой счастливой, но и самой несчастной одновременно. Вот, такая вот дилемма!

— Алевтина Игоревна, я уже выполнила все, что вы хотели. Неужели меня нечем заменить? Пошлите Дину, она лучше справится.

— Не учи меня, — в своей надменной манере ответила наставница, — я уже все решила и точка!

— Я согласен с Кариной, — внезапно вмешался Михаил, — ей не стоит сейчас показываться в городе. Опасно!

Алевтина усмехнулась, чувствуя, что ее подручный давно уже выбивается из-под ее влияния.

— Занимайтесь своими прямыми обязанностями. Я не нуждаюсь в озвучивании вашего мнения.

Михаил стиснул зубы. Противная баба бесила его своим самодурством. Порой он предполагал, что у нее стерлись рамки добра и зла и в ее разуме произошли необратимые изменения, иначе он не видел логики в ее действиях. Слишком жестоко, порой бессмысленно выглядели все ее недавние дела. Большой пользы от этого никто не получал. Пытаясь возражать, он то и дело натывался на жесткий взгляд ее холодных глаз.

— Предлагаю это решить команде. Авось, доброволец найдется! — не сдался он в этот раз.

— А, давайте! — слишком легко сдалась она.

Комната для собраний заполнилась людьми по ее команде.

— Итак, — играя пальцами, обратилась она — на повестке дня одна-единственная тема: кто идет забирать флешку? Я предлагаю Карине завершить начатое.

— Не понял в чем проблема? — подобострастно откликнулся Ник, вставая у Алевтины за спиной.

— Так, она отказывается, — развела руками Алевтина — придется либо голосованием по-старинке решать, либо будем жребий тянуть.

— Пусть судьба решает, — согласилось большинство.

Алевтина, как никогда была готова к подобному исходу. Любимый трюк, испробованный не раз. В конечном итоге все равно получалось, так как она задумала.

Четыре спички, одна из них короткая. В лучших жанрах босоногого детства, когда таким способом решались многие проблемы, ломались судьбы, совершались безрассудные поступки.

— Становитесь вокруг, — скомандовала она, зажимая в руке спички, головками вверх, — условия прежние — чья короткая, тот и проиграл. Кто первый?

— Я, — пробасил Ник, выступая вперед.

Теперь он здесь единственный мужчина, способный на великие дела. Если бы ему выдалась возможность проявить себя, чтобы порадовать наставницу, бросился бы, не раздумывая. Но, видя ее сомнения, он догадался, что нужно подыграть ей.

— Тяни!

Ник выбрал первую слева — длинная. Следом Дина тоже вытянула длинную спичку.

— Тина, твоя очередь, — протягивая к ней руку, обратилась Алевтина.

— Черт! — выругалась Тинка, вынимая длинную спичку.

Она была готова заменить подругу в этом задании. Понимала ведь, что добром не кончится.

— Думаю, дальше смысла нет, — проворковала Алевтина, — судьба распорядилась так, что идти Карине. Осталась короткая, можно не проверять!

— Пошлите меня, — выдвинулась вперед Тинка.

— Доброволец! — оживилась Алевтина, бросая взгляд на Михаила.

Приятное чувство превосходства, пусть и в такой мелочи. Ей жутко хотелось побесить зарвавшегося солдафона. Спала и видела, чтобы кольнуть побольнее. Такой вариант развития событий ее тоже устраивал. В идеале: Тинка засветится на камерах видеонаблюдения, ее будут разыскивать сотни полицейских, развезят ориентировки, а уж она позаботится, как предоставить им ее холодный труп. Дело закроют, и забудут, а Михаил получит еще один урок, как она и предупреждала. Будет растоптан, убит горем, окончательно уничтожен, а она получит сатисфакцию, к своему великому удовольствию. Никто не смеет противоречить ей!

— Не нужно, — попуская голову, ответила Карина, не желающая подставлять подругу под удар. Мало ли, что может случиться, — я согласна!

Обводя глазами всю компанию, ища поддержку, она наткнулась на глаза Михаила. Тот в ответ кивнул, выражая свою благодарность. Что ни говори, эта дерзкая девчонка не раз удивляла ее своим неординарным поведением, но в этот раз она сделала все правильно.

— Спасибо, — прошептал он, проходя мимо нее.

Карина в его глазах поднялась, как минимум на два пункта, не позволяя Тинке натворить глупостей, тем более в ее интересном положении.

В половине одиннадцатого Михаил доставил ее к зоопарку, где прежде она не бывала ни разу. По наставлениям, она приблизительно представляла, куда следует двигаться. Все время озираясь, она миновала ворота, замечая впереди внушительную фигуру деревянного истукана.

Восстановив дыхание, она заставила сердце успокоиться. Двигаясь, будто на казнь, она, казалось, шла слишком медленно, собирая на себе взгляды всех присутствующих там посетителей.

Проговаривая про себя, словно молитву, слова из любимого стихотворения, она заставила себя сосредоточиться лишь на четком выполнении задачи, без оглядки на внешние обстоятельства. И зря! Стоило бы ей лишь обернуться, она бы заметила пристальное наблюдение и осторожные телодвижения людей с телефонами в руках, явно делающих фотоснимки.

Еще один маленький шажок, и вожденная флешка в ее руке. Разворот и такой же

длинный, по ее мнению, путь обратно. Успокоиться она смогла лишь, оказавшись за захлопнувшейся дверью автомобиля.

Михаил быстро повернул ключ в зажигании и завел мотор. Скоро их машина скрылась с места.

— Забрала? — поинтересовался Михаил, не меньше переживающий за благополучный исход дела.

У Карины хватило сил лишь кивнуть. Раскрыв ладонь, она предоставила его взору маленькую черную штучку.

— Все кончено! — удовлетворенно выдохнул Михаил.

Это последнее дело, вымотало ему остатки нервов. В общих чертах зная о финале «Марлезонского балета», сочиненного чудиком Джоном, оставалось представить заказчику результат работы и успокоиться, ожидая вердикта.

— Не дрейфь, — толкнул он Карину в плечо.

— Я устала, — призналась она, обхватывая голову руками.

Совсем недавно ее стали мучить странные головные боли, и как назло становилось то жарко, то холодно. Тяжело приходилось именно по утрам, когда к этим неприятным ощущениям добавлялось головокружение и шум в ушах.

— Плохо выглядишь, — продолжил Михаил, — синяки под глазами, щеки осунулись. Ты когда последний раз нормально спала?

— Не помню, — отозвалась Карина.

Внезапно к ее горлу подступила тошнота. Этого только не хватало!

— Миш, меня сейчас вырвет!

Командир опешил:

— Ты... это... подруга! Терпи! Мы сейчас не можем останавливаться, вдруг за нами хвост!

Похожие симптомы он наблюдал не так давно у своей Тинки, мучившейся токсикозом. Первый месяц особенно было туго: перемены настроения, полное отрицание нормальной еды, а главное — частое посещение туалета, чтобы очистить желудок.

— Ты случайно не того?..

— Чего того? — почти прошипела Карина, не понимая его намеков.

— Залетела...

Карина замотала головой.

— Еще чего придумал! Фантазия у тебя что надо!

Регулярные месячные должны вот-вот начаться и Карина не подозревала ничего в таком роде. Подумаешь, задержка каких-то пять дней!

Пребывая в раздумьях, Алевтина мерила шагами комнату. Она сама в делах современной компьютерной техники имела общие понятия: документ напечатать, фильм посмотреть. В прочие тонкости она не вдавалась, полностью доверившись профи. Такая скука целый день смотреть в монитор, клацая по клавиатуре! Она с удивлением разглядывала скрюченную фигурку тощего Джона, часами увлеченно занимающегося непонятными манипуляциями. Этот горе-фанатик полностью выпадал из реальности, даже его речь, сплошь состоявшая из терминов, звучала как особый иностранный язык.

Последняя выходка Джона полностью убедила в его ненормальности. Он поплыл в неведомые страны, на таком же неведанном транспорте. Заговариваясь чепухой, почти лишенной смысла, он ждал понимания. Никто не связывался чудиком, просто из-за осторожности. Руководство ценило его ум, сотканный из математических формул. В его случае, как никогда уместно: «Гений и безумство». От перегрузок его мозг не просто расплавился, он превратился в кровавую кашу, все еще выдающую одну идею за другой.

— Я думаю, что рокировка сил должна поменяться, — однажды заявил он Алевтине.

Та, ничего не поняв, переспросила:

— Ты уверен? План уже утвержден, операция идет к завершению.

— Я ошибался! Мировое господство совсем близко от нас, нужно только протянуть руку и взять его!

— Хотелось бы подробностей, — включилась в игру Алевтина. Еще один способ развлечься.

— Новая, более мощная организация. Центр цивилизации, глобализация!

— С тобой во главе, как я догадываюсь!

— Именно! Много-много послушных солдат, по нажатию кнопки выполняющих команды. Армия будущего!

Далее следовал целый ряд абсурдных фраз, скорее относящихся к фантазиям или генерации сюжетов онлайн-игр.

— Пирамидальный уровень власти, более совершенное оружие, блокировка защиты и обороны...

Джона изолировали на две недели, на всякий случай, чтобы остыл и пришел в нормальное состояние.

Завладев вождественной программой, Алевтина решила все же рискнуть:

— Джон! — позвала она, открывая двери карцера.

— Почему так долго? — сухо ответил он, вставая с деревянного настила, служившего ему кроватью.

Алевтина выдохнула с облегчением. Перед ней предстал абсолютно адекватный индивидум с вполне осмысленным взглядом.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась она.

— Злой, как черт!

— Понимаю, не злись! Я пыталась помочь тебе. Ты помнишь, почему оказался здесь?

— Кажется, я перетрудился, — признался Джон, выбираясь из темного помещения.

— Точнее не скажешь! Только теперь все будет по-другому. Я просто-напросто не

позволю доводить тебя до безумия. Поровну труда и отдыха, прогулки на свежем воздухе, вкусная еда.

— Ты же не просто так пришла? — сразу «с места в карьер» понесся он.

— Как всегда проницателен. У меня есть флешка, посмотришь?

— Сделать копии?

— Снова в точку, молодец, схватываешь на лету!

Джон радостно вскрикнул, включая компьютер. Он сиял от счастья, будто встретил лучшего друга после долгой разлуки.

— Так, посмотрим, — втыкая в разъем флешку, бормотал он сам себе.

Алевтина заметила, как руки бойца команды шесть трясутся от возбуждения.

— Стой! — не выдержала она.

— Вы, дамочка, такая нервная! — обернувшись на нее, ответил, как ни в чем, ни бывало Джон.

— Не подведи, иначе я сотру тебя в порошок!

— Успокойся, все идет, как надо, — заверил он, щелкая два раза мышкой.

— Что там?

— Кривая программа, примитивная — уровень пятого класса. Дилетант делал, — сообщил он.

— Не может быть!

— Так, это здесь лишнее, — продолжил Джон, нажимая Del.

Он выделил еще пару блоков, повторяя действие.

— Вот, так куда лучше! Поздравляю!

— С чем?

— Ошибки исправлены, можно сказать, внесены коррективы, улучшающие общую картину. Узкий функционал подобных разработок, не позволяет достигать тех результатов, которые на них возложены.

— Выражайся яснее!

— Проще выбросить, чем всякую муру показывать на всемирную арену.

— То есть, господин Серебрянников обманул нас и подсунул фальшивку?

— Нет, это оригинал, но фигня полная — ни величины разума, ни космических масштабов.

— Что же тогда не так?

— Да, все не так! Этот гений, думал, что сможет облапошить меня. Меня?!

Джон зашелся в зловещем смехе.

— Зря они охотятся за мной!

— Кто?

— Идиоты, забравшиеся в мою голову. Своими голосами, они заставляют меня творить черные дела. У меня нет другой дороги, как идти в пекло, в ту самую бездну, откуда смотрят демоны.

Тут до Алевтины дошло, что она вновь стала жертвой его безумия. Компьютерный гений, в медицинской карте которого стояла отметка желтым цветом, и находящийся на учете у психиатра, сам по себе являлся оружием массовой разрушительной силы. Дебил — диагноз и приговор одновременно. А ведь она наперед знала, что с подобными типами лучше не иметь дело. Когда рассматривалась его кандидатура, она категорически возражала. Еще один минус в копилку зарвавшегося Михаила. Порой она считала, что он занимается

откровенным вредительством. Джон — его кандидат, выбранный из доброго десятка.

— Ник!

— Что, моя госпожа?

Верный раб всегда на страже.

— Запри Джона в карцере!

— Сию минуту, — пробасил Ник, хватая тщедушного компьютерщика за шиворот.

У него даже и мысли не возникло возразить или поинтересоваться, за что этот чудик так ее разгневал. Раз приказано, нужно выполнить и все!

— Что-то еще? — вернувшись, спросил он у метающей молнии глазами Госпожи.

— Избавься от него! — кусая ярко-красные губы, приказала она.

— Предпочтения? Утопить, задушить, пристрелить?

— Ты большой фантазер! — восхитилась она его рвением, — Сделай по-тихому, без криков и истерик. Чтобы я больше не слышала об этом придурке, так, чтобы этот бедолага не мучился.

— А награда?

— Впервые Ник осмелился заговорить подобным образом.

Алевтина вскинула бровь в недоумении. Еще одно открытие на сегодняшний день. До этого момента, считая верную «собачку» чем-то вроде деревянного солдата, она не считалась с его интересами. Амбициозный, жестокий мужчина, кажется, испытывал удовольствие от убийств. Так, по крайней мере, она считала до сих пор. Каждый раз, посылая его на совершение преступления, она будто угадывала его животный инстинкт прирожденного убийцы. О наградах никогда речь не заходила.

— Что же ты хочешь?

— Тебя! — осторожно выдавил он из себя давно вертящееся на языке слово.

Алевтина вздрогнула, пылая лицом. Подобное обращение к своей персоне она никогда не позволяла.

— Я не ослышалась? — попыталась она вернуть назад сказанное.

— Ничуть.

В глазах Ника решимость и почти зверская одержимость. Как же она, со всеми своими уловками великолепного психолога упустила, когда тоненькая грань уничтожилась в сознании этого мужчины.

Ник еще раз дерзко взглянул в ее лицо. Он намерен получить то самое, о котором грезил столько дней.

— У всего есть цена, — пожимая плечами, нарушил он молчание.

Алевтина, обхватив себя руками, качалась из стороны в сторону. Ругая себя за отсутствие бдительности, за глупость и за прочие промахи, она складывала в уме различные варианты выхода из сложившейся неприятной для нее ситуации.

— Хорошо, — наконец согласилась она, — мне нужно подумать!

— Так я получу свою награду? — продолжил Ник.

— Не раньше, чем доказательства лягут на мой стол.

— Когда приступать? Одно слово и я...

— Знаю. Подожди немного. Придет нужное время, сообщу.

Загнанная в угол, она все еще надеялась выпутаться. Тут, как нельзя, кстати, потребовалась бы поддержка давнего соратника. О расправах можно и забыть на время.

— Миш, мне нужна твоя помощь!

— Неожиданно, — равнодушно ответил он, — ты же отстранила меня от всех важных сведений. Отчего же вдруг?

— Неужели откажешь? Вспомни, сколько нам пришлось пережить за эти годы!

— Я-то не забыл, а вот ты...

— Старалась для общего блага, — поправила она ход его мыслей.

— Продолжай дальше, я тут не причем!

— У меня предложение, скорее — сделка.

— Согласен, только я буду диктовать условия.

— Будь, по-твоему, — сдалась она.

— Тогда, я весь во внимании.

— Ник, выдвигает требования, идущие в разрез с моими пониманиями о личных взаимоотношениях между мужчиной и женщиной.

Михаил рассмеялся.

— Зачем ты усложняешь. Скажи просто, без этих условностей: «Он пристаёт ко мне».

— У него имеются для этого все основания. Это как обмен, понимаешь?

— Опять? Я же велел, объясняй проще.

— Я попросила о небольшой услуге, а он выдвинул встречное требование. У меня не остается иного выхода...

— Если ты просишь, чтобы я убрал его с дороги, то только намекни. Мне этот «оловянный солдатик» уже поперек горла. Дерзит постоянно, косится, будто я у него занял и не возвращаю. Бьюсь об заклад, что, в конце концов, он не выдержит и бросится на меня с кулаками, или еще хуже — перестреляет здесь всех ради забавы. Это не просто боец, это человек со звериным нутром, и неясно, когда оно выпрыгнет наружу. Он опасен для всех, не только для тебя. Хотя есть и другой путь...

— Не смей мне даже предлагать подобное! — зашипела Алевтина, заламывая пальцы.

— Ну, это как посмотреть. Приблизь его, приласкай, как он того желает, и получи взамен ручную зверушку, встающую на задние лапки. Скажешь «Фас» и он порвет любого, почешешь брюшко — он выполнит самую грязную работу, глазом не моргнув. Замечательный тандем!

— Только не это! — завизжала Алевтина, — мерзкий ублюдок возомнил себя альфа-самцом. Меня в дрожь бросает от одной мысли, что он дотронется до меня своими грязными лапами.

— Не кипятись! Я уже догадался, что ты все для себя решила.

— То есть, ты готов поддержать меня?

— Пара пустяков! Повторю, можешь на меня рассчитывать!

Алевтине не терпелось сообщить руководству о завершении еще одного дела, вовсе не сложного, как оказалось, даже порой примитивного. Все герои, созданной схемы, не вписывались в рамки остросюжетного блокбастера с массовыми перестрелками, риском, будоражившим самое изощренное воображение. А вот были времена!..

На Алевтину нахлынули воспоминания тех далеких лет, когда ей самой приходилось браться за оружие и вершить справедливость. Жаль, что все безвозвратно закончилось, уступая место бесконтактным войнам. Все чаще приходилось пользоваться шантажом, угрозами, не имеющими под собой ничего серьезного.

Находясь на хорошем счету у постоянных заказчиков, она ничуть не сомневалась, что получит самые лестные отзывы, скорее всего отразившиеся солидной суммой поощрения на ее личном счете. Крохи, в процентном отношении лягут на кошельки остальных оставшихся в живых участников группы за номером шесть, да, и Михаил, порадует своей долей. Приятный бонус плюсом к внушительному послужному списку.

Кстати, она пока не решила, как сложится дальнейшая судьба бойцов невидимого фронта. Об этом, она как раз хотела заодно поинтересоваться в случае очередной связи с «верхами». Заранее готовясь к разговору, она уже придумала, сколько изобличительных фактов озвучит о каждом из них. Не то, чтобы они разочаровали ее. Вовсе нет. Вся эта группа, создаваемая ради одной единственной операции, должна уйти в небытие, вместе со всеми тайнами, иначе утечка информации обеспечена. Она не настолько доверяла им, чтобы заверяться.

Вместо приветствия, исполняя условия договоренностей, всякий раз повторяла фразы, заученные наизусть. Первое время они смешили ее своей наивностью и глупостью. Набирая знакомый номер, она произнесла строгим голосом:

— Здравствуйте, Ваш сын получил двойку.

На том конце провода стояла тишина около минуты, а после мужской голос кратко отвечал:

— По какому предмету?

— По математике. Нужно принимать экстренные меры.

Снова тишина. Алевтина терпеливо ждет, кусая губы.

— Я готов встретиться, — наконец оживает телефонная трубка.

— В кабинете у директора во второй половине дня.

— Как скажете, — отвечает голос.

Дальше короткие гудки.

Руководительница почти учебного заведения никогда не принимала связного в этих стенах. Все встречи, организованные даже по ее инициативе, проходили в городе. Выражение: «Кабинет директора» означал не что иное, как конспиративную квартиру. Адреса менялись с частой регулярностью. О последнем месте встреч, она узнала совсем недавно.

Она отлично понимала, что никто из самой верхушки никогда лично не снизойдет до общения с ней. Те, как она их обзывала, курьеры доносили до ее ушей только обрывки информации. Ничего не решая, они руководствовались строгими инструкциями и не

открывали рот без лишней причины.

Алевтина хорошо ориентировалась в городе, хотя не так и часто бывала на его улицах. Рассматривая витрины магазинов через стекло автомобильного окна, она испытывала раздражение из-за долгих пробок.

— Миша, неплохо бы ускориться! — начала она пенять верному соратнику и заодно личному водителю.

— Алевтина Игоревна, город стоит.

— Вижу! Но я опаздываю!

— Мы не можем привлекать к себе внимание.

— Ты прав, — сдалась она, теребя в руках маленькую сумочку, — но не дай бог подведешь меня!

На мгновение ему показалось, что она просверлит в его лбу дырочку одним только взглядом. Вот, уж, правда: шипит, словно змея! Не ровен час, собственным ядом подавится!

Наконец нужный номер дома.

— Стой, не видишь что ли? — ее возмущению не было предела.

— Тут нельзя останавливаться, — указал он на запрещающий знак.

— Почему сегодня ты все делаешь мне на вред?

Михаил даже присвистнул:

— Даже и мыслей таких не допускал! Это вы сегодня, на редкость раздражительны.

— Жди меня, — приказала Алевтина, перед тем как хлопнуть дверью.

Михаил всегда отмечал, сколько злости она вкладывает во все телодвижения. «Снова не в духе!» — догадался он. Хотя за последнее время он редко видел ее в хорошем настроении. Но его работа — сопровождение и охрана. Проследив, как начальница скрылась во входе в подъезд, он минуту расслабился. Обычно подобные встречи длятся не более получаса. Так и на этот раз вышло.

Почти задремав, он вновь услышал противный голосок Алевтины:

— Чего застыл? Может мне подождать, пока ты выспишься?

Михаил никак не откликнулся на ее колкость, поворачивая в обратный путь.

У Алевтины на вечер было запланировано шикарное мероприятие: душистая ванна, ароматические свечи, любимая музыка и общество бутылочки красного сухого испанского вина. Она уже сейчас чувствовала на языке терпкий вкус, и ту приятную легкость во всем теле, дарованную парой бокалов. Потом она уединится в кресле-качалке, обернувшись в уютный плед, чтобы пролистать следующую страницу из современных французских новелл. В пошлый раз она оставила закладку на самом интересном месте, как бы сохраняя интригу на потом. Ей всегда импонировал неожиданный финал, острый, неожиданный, и в то же время вполне логичный.

«Завтра, наступит завтра! — думала она, настраиваясь на нужный лад, — Пусть весь мир подождет!»

Как же она ошибалась! Следующий день встретил ее неласково. Мало того, что Ник исчез вместе с Динкой и Джоном, так еще и связной отключил телефон. Без счета раз, набирая один и тот же номер, она слышала упорное: «Абонент не отвечает или временно недоступен, попробуйте позвонить позднее». Особенным, только ей знакомым чутьем, она кожей ощущала надвигающуюся грозу. Тут, уж никто не поможет, если она наделала косяков: шадить не будут, несмотря на все предыдущие заслуги. К своему стыду, она до сих пор не знала, кто же руководит ими на самом деле. С начала существования организации

минуло много лет, но никто, так и не показал своего истинного лица. Строгая секретность. Верхушка, или Центр, как она называла в присутствии остальных членов команды, ни разу ни снизошла до сырых и убогих, вроде нее. Придавая значимость собственной персоне в чужих глазах, Алевтина не стоила и гроша. Видимость во всем, фальшь надоели ей до глубины души, но она продолжала играть роль строгой начальницы.

Накануне, на встрече с незнакомым мужчиной, впервые появившемся в поле зрения, она только слушала. Не получилось даже вставить слово в его монолог. Всем своим видом он показывал свое превосходство, акцентируя внимание на ее посредственной роли в данном мероприятии. Смотрел сверху вниз, хмуря и без того суровое лицо.

— Входите! Принесли, — рыкнул он.

Без особых прелюдий вежливости и прочих проявлений этикета, связной, выдал четкие указания, забирая из ее рук флешку.

— Слушайте и не перебивайте! Я этого не терплю!

И дальше, как по прописанному, робот не иначе:

— Руководство благодарит вас за работу и надеется на дальнейшее сотрудничество! Передаю вам дальнейшие инструкции.

Мужчина достал из нагрудного кармана пиджака узкий конверт.

— Откроете позже, изучите, а после доложите об исполнении.

Алевтина понимающе моргала ресницами, боясь открыть рот. Колени предательски дрожали, и если ей бы сейчас предоставили слово для выступления, она проблеяла что-то невнятное.

— О следующей встрече договоримся завтра по тому же каналу связи, — продолжал мужчина, — можете быть свободны!

С огромным облегчением, Алевтина покинула конспиративную квартиру: еще паратройка подобных «свиданий», и ей нужно будет прикупить побольше успокоительного.

В конверте — краткое сообщение, по сути, не имеющее особенного значения: «Приступить к подготовке группы для исполнения запасного варианта».

Прочитав, Алевтина пожала плечами: «Что за чушь!» Никаких договоренностей с дополнительной работе ранее не оговаривалось. И, какая подготовка требовалась, тоже не ясно!

— Михаил! — обратилась она за советом.

Командир разминал обмякшие за время простоя мышцы в спортивном зале.

— Что случилось? — оторвался он от любимого занятия, улавливая тревогу в голосе начальницы.

— Прибыли инструкции, только я не понимаю, как их трактовать. Ерунда какая-то, типа: готовьтесь!

— К чему?

— Вот и я не догоняю. Речь идет о запасном варианте.

— А — а-а, все просто! Еще при подготовке, я понимал, что результат, в конечном счете, будет один.

— Зачистка? — наконец-то, догадалась Алевтина.

— Естественно! Господин Серебрянников теряет свою привлекательность, скорее, наоборот, его присутствие на грешной Земле, становится под вопросом. Так, что...

— Не озвучивай! — попросила Алевтина, закрывая ладонью глаза.

Все же, она жутко устала, смертельно!

В завершение дня телефон ожил, вводя Алевтину в паническое состояние. Она подскочила, нажимая зеленую кнопку «Принять вызов» на экране.

— Але! — с придыханием произнесла она.

— На прежнем месте! — откликнулся мужской голос, сразу же прерывая разговор.

Берясь за ручку подъездной двери, Алевтина, на всякий случай обернулась на припаркованный у обочины автомобиль, за рулем которого, кивая носом, сидел Михаил. Странная штука — предчувствие. И почему именно сегодня, эта несуразная особенность подсознания не дает ей покоя: впилась во все существо и мучительно изводит.

В сумеречной пустоте нежилой квартиры, на единственном стуле посередине, дожидался неожиданный гость.

— Входи, — приказал незнакомый, с хрипотцой голос.

Алевтина прибавила глаза от удивления: переднюю предстал сухонький старичок в старомодном пиджачке и очках в толстой оправе.

— Наконец-то я увидел тебя воочию, — продолжил старичок, оглаживая редкую седую бородку, — премного наслышан!

— Не могу ответить вам взаимностью, — зачем-то вставила реплику Алевтина.

Престарелый связной не вызывал в ней страха.

— Решил лично удостоиться чести вынести тебе вердикт, — как бы, между прочим, завязал беседу седовласый мужчина.

— Вердикт? — переспросила Алевтина, холодея внутри.

— Ну, а как ты хотела? Год работы коту под хвост. Мы со своей стороны обеспечиваем огромные финансовые вложения за твои, так сказать, скромные потуги. Вот, вчера...

Старичок громко высморкался, вынимая из кармана не первой свежести платочек.

— Я предоставила флешку с программой, — напомнила Алевтина.

— Испорченной программой, — перебил старичок.

— Не может этого быть!

— Кто-то удалил часть как раз накануне передачи ее нам. Наши разработчики определили точное время внесения исправлений. Тут же возникает вопрос: либо в ваших рядах появился перебежчик, либо вы специально своими действиями затягиваете завершение операции.

— Это Джон, — вздыхая, ответила Алевтина, — только он прикасался к флешке.

— Под твоим строгим наблюдением, — натолкнул на неприятную констатацию факта ее присутствия при этом.

— Вы правы. Я совершила глупость, доверившись съехавшему с катушек программисту. Клянусь, что в течение недели исправлю. У нас все еще есть метод воздействия на господина Серебрянникова.

— Боюсь исправлять уже поздно. Ты что газет не читаешь?

— Нет.

— Компания «Серебро» запустила пилотный проект при участии ведущего банка страны. Сначала они оборудуют один офис, сроком на год, а затем в перспективе — остальные, входящие в платежную систему.

Алевтина покрылась красными пятнами. Такого грандиозного провала никогда еще не случилось в ее жизни.

— Серебрянникову плевать на ваши меры воздействия. Та девчонка, которая под него легла — одна из многих, каких он может купить за свои деньги. Своим давлением на него, вы лишь ускорили его действия.

— Можем попробовать повторить схему...

— Не стоило посылать девчонку забирать флешку. Не стану напоминать, чья это была идея. Ее лицо, наверняка отразилось во всех камерах видео фиксации. В этот же день Кирилл Серебрянников получил доказательства ее причастности.

— Полностью полагаюсь на ваш суд, — сдалась Алевтина, все еще не теряя надежды.

— Ваша команда проявила себя с отрицательной стороны. Наверняка, сказывается твоя усталость. Сейчас, как никогда, встал вопрос в целом о существовании вашей организации. Планируется в будущем, если не полная ликвидация, то замена функционала.

Старичок прокашлялся, прочищая горло.

— Консилиум примет решение не в вашу пользу. Я в этом не сомневаюсь! Большие люди теряют космические деньги из-за оплошности, которую вы совершили.

Алевтина взяла себя в руки. Она не привыкла отступать при трудностях.

— Моя группа готова приступить к запасному варианту.

Она пошла «Ва-банк».

— Похвально, что не сдаешься, — внезапно переменял тон в голосе старичок, — я, как один из учредителей организации, могу посоветовать: не поддаваться эмоциям. Они наши наипервейшие враги. Если рассуждать с логической точки зрения, то можно заметить даже самые малейшие детали, до этого мешавшие и творящие препятствия. Сегодня я вызвался лично высказать свое мнение, но увидев твою решимость, передумал.

— Вы даете мне еще шанс?

— Последний.

— Я не подведу, — начала было Алевтина, потеряв всяческую гордость.

— Не спеши, выслушай сначала! На все-про-все неделя. Действуете всей командой четко, по расписанию. Не полагаясь на ваши скромные возможности, мы расписали все до мельчайших подробностей. В следующую пятницу, Серебрянников должен презентовать в клубе свою новую разработку. Соберется небольшая аудитория, не больше двух десятков заинтересованных лиц. После, как полагается банкет. Пойдете лично!

- Я должна его убить? — испуганно спросила Алевтина.

— Еще чего! Не вздумай его даже и пальцем тронуть! Выкрасть! Нам он нужен пока что живым и здоровым. По сведениям, он не большой любитель выпить, поэтому вариант с бессознательным телом не рассматривается.

— У меня есть двое крепких ребят. Оглушить, в случае чего могут без проблем!

— Голова не должна пострадать! Нужно будет заманить его самым хитроумным планом. Для этих целей используйте ту самую девицу, которая охмурила его.

— Карину.

— Да, мне хоть Малину! Накинете Серебрянникову мешок на голову и сразу же на базу. Наша машина подъедет и заберет его. Все понятно?

— Понятно, — тихонечко ответила Алевтина.

— Телефон для связи.

Старичок протянул ей древнюю кнопочную пикалку.

— Там записан единственный номер, который не смогут определить в случае чего — оформлен на пенсионера из глухой деревни. Звони всякий раз, как потребуется помощь! И на этот раз никакой самодеятельности!

Алевтина понимающе кивнула. Из рук этого старичка она бы приняла сейчас даже гремучую змею. Несмотря на всю простоту этого человечка, в нем чувствовалась огромная власть. Иногда, представляя себе, людей из Центра, она видела эталоны мужественности, с телами, сплошь состоящими из мускулов: бритые затылки, внушительные кулаки, двухметровый рост. Но никак не представителя старшего поколения с разбитыми артритом руками и седыми висками.

— Иди, девочка, работай! — дал напутствие он.

До пятницы оставалось два дня. Для измученной сомнениями и страхами Алевтины, они превратились в целую вечность. Накануне, ничего не утаив от остальных, она выложила полный расклад, и то, что ожидает всех в случае провала.

Не стоит утверждать, что все были довольны сказанным. Прежде всего, это отразилось на настроении «молодоженов»: Михаила и Тинки, уже мысленно обитающих на выселках, где-то в средней полосе необъятной Родины. По заверениям Михаила, раньше там, в малолюдной деревушке, стоял домик его прародителей. Райское место в окружении вечнозеленых деревьев-великанов, кристально чистого воздуха.

— Как же так? — пытаюсь прояснить ситуацию, возмутилась Тинка.

— Скажи спасибо своей драгоценной Кариночке, — тут же нашлась, что ответить Алевтина.

Ну, не могла она упустить шанс столкнуться лбами лучших подруг, но Тинка пропустила ее слова мимо ушей.

Карина все время молчала, терзаемая противоречиями. На кону не пешки: по одну сторону — Тинка с еще не родившимся ребенком, по другую — любимый человек. Попробуй, выбери и не мучайся потом всю оставшуюся жизнь!

— Карина снова выступит в роли приманки, — меж тем начала обсуждение операции Алевтина, — но в этот раз на задание выдвинемся все вместе, никто не будет отлынивать. Михаил за руль, Ник, Дина, Тина на захват заложника, ну, а я буду контролировать весь процесс от начала до конца.

Решение проблемы с провинившимся Джоном, превратившимся в обузу, она решила отложить на потом.

— Миш, собери у всех телефоны, — приказала она.

Услышав гул недовольства в ответ, она ничуть не расстроилась.

— Простая мера предосторожности. Сейчас не хватало только утечки информации. Да, еще одно — следите за Кариной.

— Зачем? — обиделась та.

— Ты у нас особенная. Я же вижу, что тебя так и манит на сторону. Только у тебя имеется шанс запороть все на корню одним только словом. Не смей предавать нас, иначе...

Ник, возникший за спиной начальницы, сделал упреждающий жест расправленной ладонью по горлу.

Оставшись в одиночестве, Алевтина упала в кресло. Ее душила злоба, жалость к самой себе и еще какое-то неопределенное чувство. Плеснув в бокал вина, она сделала большой глоток. Теплый поток устремился по венам, на краткое мгновение, сглаживая боль.

— Можно? — в полуоткрытую дверь просунулась голова верного помощника Ника.

— Не сейчас! И кто тебе разрешил входить без стука?

— Это важно!

— Только быстро.

На самом деле Ник раздражал ее одним своим существованием. Каждый раз, признавая это, она делала невероятное усилие, чтобы не послать его куда подальше. Ан, нет! Вместо этого натягивала на лицо маску равнодушно-строгой леди. Пока ей выгодно держать этого

монстра на коротком поводке.

— Моя госпожа, — с сумасшедшим блеском в глазах выпалил Ник, — вот мои доказательства!

Алевтина недоуменно повела бровью.

— Ничего не понимаю!

Победоносно Ник бросил на стол нечто похожее на черно-белые фото.

— Как вы и просили. Я не стал дожидаться, когда вы отдадите приказ и проявил самостоятельность. Динка мне в свидетели. Я не хотел ее брать с собой, но она сама навязалась.

Алевтина взяла в руки верхний снимок и вскрикнула от ужаса.

— Ты что натворил!?

— Разве вы не этого хотели? Заверяю, что Джон не мучился. Я свернул ему шею двумя пальцами, словно котенку. Мы с Динкой его в тот же день похоронили на сельском кладбище.

Закрыв глаза, Алевтина попробовала вернуть самообладание. Дикарь и самодур выбился из-под ее влияния, и этот факт больно ударил ее в самое уязвимое место.

Снова проявив хладнокровие, она решила действовать со всей осторожностью.

— Что ж, ничего уже не вернуть, — философски произнесла она, — только впредь без моего ведома не смей ничего делать. Договорились?

На самом деле, она понимала, что играет с огнем. Все уже вышло из-под контроля, как знать, вдруг в следующий раз Ник задумает избавиться от нее самой.

— Я жду! — подал голос Ник.

Повернувшись к нему спиной, Алевтина включила режим непонимания.

— Я выпишу тебе премию. Помнишь тот ночной клуб, куда вы с Ромом ездили, так вот...

— Мы не о том договаривались.

На щеке Алевтины появилось горячее дыхание. Ник приблизился к ней настолько тесно, что было слышно, как громко бьется его сердце.

— Поговорим об этом потом, когда все закончится, — придумала она на ходу.

Только Ник не услышал ее возражений. Он просто-напросто не мог больше сдерживать свое звериную натуру, всякий раз выскакивающую в самый неподходящий момент.

— Моя Госпожа! — сдавленным голосом прохрипел ей в лицо.

Крепко впиваясь в ее запястья он «прибил» ее к стене.

— Всего один поцелуй, — начал умолять он, шаря по ее телу.

Опустившись на колени, Ник стал осыпать поцелуями ноги хозяйки.

— Позволь служить тебе! — словно в бреду просил он.

Алевтина, стремясь отрезвить его, со всего маху задала ему звонкую пощечину.

— Ты сошел с ума! — прокричала она, отталкивая его.

— Да, накажи меня! Я плохой мальчик!

Ник вовсе пал ниц, оказываясь возле стоп хозяйки.

— Ударь меня! Я вел себя плохо и заслуживаю порки!

Ник привстал на колени, освобождаясь от футболки.

Взирая на обнаженный торс Ника, Алевтина перестала ощущать связь с реальностью. Она будто очутилась в кошмарном сне, со всеми теми ужасами, которые пугали ее больше всего на свете. Грязный мужлан лапает ее совершенное тело, пачкает его своими потными

пальцами.

— Ник, успокойся! Я не готова!

Напрасные усилия, не приведшие ни к чему. Одержимый демонами, Ник не намеревался останавливаться. Вынимая из джинсов ремень, он вложил его в руку Госпожи.

— Ударь меня!

— Зачем?

— Ты — моя Госпожа! Только тебе дозволено наказывать меня.

Алевтина легонько шлепнула по его обнаженной спине. При всей своей образованности она давно почуяла сексуальную подоплеку в поведении дурно воспитанного неандертальца. Рассматривая когда-то в исследовании по психологии аспект отклонений сексуального характера, она судила о подобных проявлениях с профессиональной точки зрения. В ее понимании, похоть, соединенная с извращением, объект для лечения, исправления личности. Как она ошибалась на счет Ника, а главное, как сразу не распознала в нем больного человека, ведь уже очень давно он называет ее Госпожой?

— Я о-о-о-очень плохой мальчик, — умоляюще протянул Ник.

Алевтина еще раз опустила руку на его спину. Ей даже понравилось, как выгнулась от удара спина «раба», но она не намеревалась поддерживать его забаву.

— Все, поиграли, и хватит! — повела она итог, отбрасывая ремень в сторону.

— Но, мы только начали, — разочарованно произнес Ник.

Не на такие приключения он рассчитывал. Ни в какое сравнение с его вымышленными картинками — глубокое разочарование.

Алевтина же, решила на этот раз спастись бегством. Только Ник, с его натренированными мускулами, был куда быстрее. В два счета настигнув ее уже у выхода, он придавил ее всем телом к стене.

— Не сбежишь, — прошипел он сквозь зубы.

— Пусти меня! Иначе закричу!

— Не закричишь, а то я всем расскажу кое-что интересное!

— Ник, дорогой! — сменила она тактику, — ты ведешь себя непозволительно.

— Я все равно добьюсь своего, — заверил Ник, — бросая ее на кровать.

Плотно прижимая ее своим телом, он впился губами в ее красивый рот.

— Моя Госпожа! — издал рычание он.

Алевтина, брыкаясь и фырча, дотянулась до фарфоровой статуэтки ангела, стоящего на прикроватной тумбочке и с силой опустила на голову Ника.

Тот, на мгновение замер, пребывая в состоянии шока.

— Это, как я понимаю, и есть моя награда, — пробурчал он, сцепляя руки на изящной шее Госпожи.

Ника конкретно переклинило, размылись все барьеры, даже те, которые хоть капельку значили для него. Усевшись сверху, подбирая под себя руки Госпожи, уступающей ему в силе, он со всей силы сжал ее горло.

Теряя сознание, последнее, что отразилось в безжизненных глазах Алевтины — горящее ненавистью, перекошенное лицо, покорного когда-то раба.

Когда Ник пришел в себя, он ужаснулся содеянному. Перед ним, распластавшись во всю длину шикарного ложа, возлежала женщина его мечты. Обнимая бесчувственное тело, он завыл в голос. Мир вокруг окрасился в серый цвет, потерялись запахи, звуки.

Наскоро расстегнув верхние пуговицы шелковой блузы Алевтины, Ник припал ухом к

левой половине, где располагалось сердце. Откуда-то из самой глубины он услышал едва заметное: «Тук, тук...»

— Жива! — вслух прокричал он, намереваясь произвести реанимацию.

Непрямой массаж сердца и искусственное дыхание — этим непреренным навыкам первой помощи пострадавшим обучала когда-то медсестра Клара. Кто бы мог подумать, что пригодится! «Одно вдувание воздуха в легкие через рот пострадавшего чередуется с пятнадцатью резкими нажатиями на грудную клетку» — вспомнил Ник.

Немного закинув голову Алевтины, он выдвинул вперед ее нижнюю челюсть. Набрал побольше воздуха в легкие, он вдохнул его в приоткрытый рот, после чего, положив одну ладонь на другую, с силой надавил на грудную клетку. «Один, два, три...» — вел он отсчет нажатиям. Еще вдох, еще серия непрямого массажа.

Лицо Алевтины, заметно побледнело, скулы сделались угловато — графичными, подчеркиваясь посиневшими губами. На шее проявились следы от вдавления — синяки от пальцев.

Ник продолжая восстанавливать ее к жизни, не подозревал, что серьезные внутренние повреждения: перелом гортани, подъязычной кости, множественные кровоизлияния в трахею, делали его старания напрасными.

Улавливая последний вздох любимой Госпожи, Ник остановился. Внезапное беспамятство мощной волной накрыло его и превратило в робота.

Еще раз, окинув взором, прекрасное и так и не доставшееся ему тело, он подошел к письменному столу, открыл верхний ящик. Там, под папкой с бумагами хранился пистолет. Однажды, он мельком видел, как Алевтина прячет его туда. Достал, взвесил в руке, следуя привычке, выработанной до автоматизма. Оружие — вторая страсть в его жизни. Та радость, которую испытывал от власти, им дающим, несравнимое ни с чем удовольствие, право казнить или миловать. Всегда возносясь до небес после меткого выстрела, Нику хотелось повторения.

Холодная сталь приятно щекотала кожу ладоней. Резким движением, Ник поднял руку к голове, направляя ее дулом пистолета в висок.

Здание казармы вздрогнуло, отозвалось звоном стекол в окнах, отражая от стен громкий звук выстрела.

В луже собственной крови, стремительно вытекающей из раны, закончил свою жизнь еще один боец команды за номером шесть.

— Карин, идем с нами!

— Тин, ты же знаешь, что я должна вернуться к Кириллу. Ну, или хотя бы попробовать...

Тут, вмешался, наблюдающий за их диалогом Михаил:

— Подожди, пока кипеж уляжется, потом вернешься обратно к своему гению. Сейчас бродить по городу — самоубийство. С годик проживем в деревне, куда вряд ли пожалуют незваные гости. Только представь: кругом ни души, свежий воздух без примесей. Хочешь по лесу гуляй, хочешь — в речке купайся. Огородик разобьем: морковка, капуста. Молоко козье с утра вместо завтрака. Сядем вечерочком у костерка, чайку со смородинкой заварим. М-м-м-! Сказка!

Михаил мечтательно закатил глаза.

— Я остаюсь, — кусая губы, решительно ответила Карина. Все же в упертости ей равных нет.

Тинка кинулась к ней с обнимашками.

— Ты хоть, понимаешь, что мы больше никогда не увидимся? Михаил предупредил, что до поры никаких сотовых. Это все равно, что носить маячок в кармане.

— Я отыщу вас, — пообещала Карина, — не смей никому уступать место крестной для твоей малышки.

— Пора, — подхватывая на руку внушительную сумку, торопил Михаил.

— Подожди, ты не заметил, когда Динка пропала? — на всякий случай поинтересовалась Карина.

— Сбежала сразу же, как увидела Ника и Алевтину без признаков жизни.

— Что ж, значит, я остаюсь совсем одна.

— Одна.

— А охрана? Я так и не поняла, куда все подевались. Где же те солдатики, которых Алевтина в случае чего эксплуатировала в качестве подручных?

— Так, это вахтовики. Они в стройбате поблизости служили по контракту, а заодно и всю территорию охраняли. Теперь они на новый объект переехали. По слухам за двести километров южнее отсюда.

— То есть, они даже не в курсе кого охраняли?

— Почему же? Для них своя легенда. Что-то вроде лагеря для трудных подростков, состоящих на учете в полиции. Алевтина — воспитатель, я физрук. Все, как и положено: учителя приходили, физподготовка, соревнования.

— А Клара?

— Скажем так: она здесь человек не постоянный.

— Сплошные загадки, чем дальше, тем интереснее.

— Ее из Центра присылали по особой надобности. Для контроля и порядка. Она исчезала и появлялась, когда ей заблагорассудится.

— Сколько у меня времени?

— До пятницы всего день, — напомнил Михаил, — а дальше, беги, как можно дальше. Перекрась волосы, смени внешность. Вот, на всякий случай.

Он протянул Карине новый паспорт.

— Кириллова Арина Викторовна.

— Издеваешься?

— Игра слов, чтобы развлечь тебя. Да, и так запомнить новое имя будет гораздо проще, привыкай! Прощайтесь, — кивком головы скомандовал он подружкам.

Проводив глазами машину, увозящую единственных друзей, Карина вернулась обратно в казарму.

Поражаясь абсолютной тишине, она зевнула. Сказывалась бессонная ночь. Вдвоем с Михаилом пришлось заворачивать тела в черные полиэтиленовые мешки, обвязывать веревками, в то время пока Тинка лезла с советами.

— Ты чума! — заорал он на Карину, — вся измазалась!

И то верно! Пальцы, густо выпачканные кровью, оставили отпечатки на ее светлом костюме.

— И на лице тоже, — указал он.

Некогда было озираться и соблюдать аккуратность. Виной длинная челка, все время выбивающаяся из прически.

— Умойся, переоденься. Поедешь, со мной, — приказал Михаил Карине.

Та согласно кивнула.

— А я? — не унималась беременная подружка.

— А ты остаешься здесь, приберешься. В медчасти найди перекись водорода, чем больше, тем лучше.

— Зачем?

— Смочи тряпку, и ототри все пятна крови. Потом возьми спирт и обработай все поверхности: дверные ручки, подлокотники кресел, ну и все, за что можно споткнуться.

— Отпечатки пальцев, — догадалась Тинка.

— Умница моя! На лету схватываешь!

— А с этим что делать?

Тинка двумя пальчиками брезгливо взяла пистолет.

— Выбросим в речку по дороге. Он свое уже отстрелял!

Завернув пистолет в шелковый шарф хозяйки, Михаил засунул его за пазуху. После подогнал фургон под самое крыльцо, куда надрываясь, что есть силы, закатили длинные свертки, бывшие когда-то Алевтиной и Ником.

— Надеюсь, на пути не встретится ни одна собака, — вместо напутствия пожелала Тинка.

— Ночью все собаки спят, — поддержал ее Михаил, прыгая за руль.

Отъехав от базы на приличное расстояние, они свернули на грунтовую дорогу и «поскакали» по незнакомой местности, пока не оказались в глухом безлюдном месте. Вдали виднелись полуразрушенные избенки заброшенной деревушки, заросшей ивняком и высокой травой.

- Что ты задумал? — со страхом в глазах произнесла Карина.

— Так, костерок соорудить. А ты что против?

— Не хотела бы я, чтобы меня хоронили подобным образом.

Отвернув крышку канистры с бензином, Михаил плеснул в самую гущу пламени.

— Обидно, конечно, что без почестей и красивых слов, но поверь, по этим двоим никто не станет слезы лить.

— Я не хочу на это смотреть!

Карина с омерзением отвернулась. Едкий дым, клубами закружившийся вокруг, попал в глаза, зашекотал в носу, выбивая слезу.

— Не замечал прежде у тебя сентиментальных наклонностей. У каждого своя судьба. Ник, например, нисколько не раздумывал, когда по указке Алевтины убирал одного за другим неугодных «бракованных» бойцов. На завтра на их месте могла быть ты, — убедительно сказал Михаил, выставляя вверх указательный палец.

Украдкой, чтобы Михаил не заметил, Карина рукавом вытерла горячую слезинку:

— Неправда. Ты специально на него наговариваешь. У вас с первого дня не сложились отношения.

— Ты права. Я нюхом учуял, как в его жилах кипит отравленная кровь. Знаешь, такой особенный запах, ни с чем не спутаешь: резкий, трупный. Про таких у меня особое мнение.

— Какое?

— Стервятник.

— Птица?

— Скорее — определение, разновидность личности. Действует исподтишка, не брезгует падалью. Главная страсть — пожирание чужой плоти. И в прямом, и в переносном смысле.

— Мерзость.

— Даже я опасался к нему приближаться. Он, видишь ли, метки свои на людях ставил, вроде клейма.

— Как ты думаешь, за что он Алевтину? Со стороны казалось, что у них близкие, приятельские чувства. Шептались, интриги против всех строили. Они, как никто другой стоили друг друга. Из них получилась бы прекрасная пара.

— Ага! В лучших традициях криминальных сводок, — буркнул Михаил, ковыряя палкой в разгоревшемся пламени.

— Ты увливаешь от ответа?

— Думай, как нравится, но я не из тех, кто чужие тайны на всеобщее обозрение выставляет. Пусть умрут вместе с владельцами. Не нам их судить.

— Им, значит можно, а нам...

— Не бурчи! Сходи лучше за ветками. Видишь, огонь еще пицци требует.

Карина огляделась вокруг, подняла голову в черное небо, в котором горели синие созвездия. Луна, похожая на блин, смотрела с высоты своего величия. Она своим белым сиянием, таинственным и тревожным, пугала Карину, шарящуюся в поисках хвороста. До дрожи в коленках. От скрипов высоких деревьев, шороха травы душа уходила в пятки.

Вернувшись обратно с большой охапкой, она залюбовалась сказочной картиной: отблески костра металась на листьях кустарника, сотни малых искр кружили в темноте, мерцали и тут же таяли, длинные тени, размытые, живые тянулись вокруг, дрожали. На секунду она позабыла, о причине приведшей сюда, достойной фильма ужасов, где она не в самой завидной роли.

— Ты долго, — заметил Михаил, — нужно до рассвета успеть. Не то дым заметят издали. Под утро опустится густой туман, прикроет наше мероприятие.

Пока Карина ползала по зарослям, он перенес свертки из машины и расположил их неподалеку.

— Ладно, — сжалился он, — разрешаю панихиду.

— Пожалуй, воздержусь, — равнодушно откликнулась она, вздрагивая не то от холода,

не то от страха, — закончим быстрее и смоемся.

— Так-то лучше. Ты за ноги, а я за голову.

Взяв с обеих сторон, сначала Алевтину, а потом то, что было когда-то Ником, они перенесли их к костру. С трудом, пыхтя и охая, им удалось водворить их поверх пламени.

— Теперь обложим их со всех сторон ветками, — продолжал приказывать Михаил, взяв на себя роль старшего.

— Кажется, достаточно, — уставшим голосом решила Карина.

Она опять вся выпачкалась, на этот раз сажей.

— Не все попадают в рай, — философски изрек Михаил, поливая костер остатками бензина.

С самого начала, когда команда только прибыла на базу, у Карины родился не совсем скромный интерес. В кабинете строгой Алевтины находился объект — мечта взломщика. Наверняка в сейфе, помимо денег, были скрыты вещи, имеющие ценность: бриллианты, золото, драгоценные камни. Будучи не чистой на руку, она и раньше похищала, все, что плохо лежит. Особой красоты придавал факт кражи из запертых комнат, застегнутых сумок, а уж сейф, запертый на ключ — верх блаженства. Оставшись в одиночестве, она первым делом, облачившись в простые хлопковые перчатки, принялась обыскивать комнату прежней начальницы.

Чутье воровки двигало ее разумом, когда она осмотрела самые выгодные места для схронов, в которых Алевтина могла хранить ключи от сейфа. Мигом обшарила полки бельевого шкафа, ящики стола. Ей в руки за это время попало немало пикантных вещичек, доставляющих радость прежней хозяйке и хранивших ее запах — сплошной раритет. Алевтине было свойственно привыкать к безделушкам, срастаться с ними кожей, мыслями, чтобы потом наслаждаться обладанием «несметных сокровищ».

Огромная связка ключей с брелком-розочкой из красного прозрачного стекла лежала прямо на столе в ворохе смятых листов. Карина не удержалась и развернула бумажный комок, почти автоматически. Интересно ведь, отчего всегда педантичная Алевтина испортила столько бумаги.

«Рапорт. В случае провала, прошу отставки. Готова понести заслуженное наказание. Прошу учесть мои прежние заслуги, прежде чем ...»

И так почти на каждом листе, за малыми корректировками, но с одним и тем же окончанием. Алевтина, явно была загнана в угол, искала выход и скорее всего бы нашла, если бы Ник разом не покончил с ее усилиями. Карина скривилась, потеряла шею, как бы примеряя на себя отвратительное рукоприкладство. Жуткие картины, преследующие ее, то и дело мелькали перед глазами. Наваждение какое-то! Она, конечно, подозревала, что Ник когда-нибудь «слетит с катушек». В интонации его голоса, высокомерном задранном подбородке всегда читалось безумие, замешанное на гордыне — одной из смертных грехов, описанных в древней книге. Теперь гадать о том, что произошло за закрытыми дверями этого кабинета глупо. У Карины было несколько версий, местами абсурдных, но вполне применимых к характеру члена группы, увлекающегося оружием, пытками и получающим удовольствие от созерцания страданий других людей.

Перебрав связку ключей, Карина определила, что к замку сейфа подойдет ключ с круглым большим ушком. Повернув рычаг и отворив металлическую дверку, Карина с замиранием сердца устремила взгляд внутрь. На верхней полочке, как и положено всем законам жанра, обнаружилась пачка купюр в банковской упаковке, шкатулка с драгоценностями. Полка ниже представляла собой что-то вроде архива.

«Личное дело. Краснов Евгений Юрьевич» — прочитала она глазами, забирая в руки верхнюю папку. Далее, там же, она отыскала досье на всех членов группы.

Сложив все содержимое сейфа в сумку, обнаруженную здесь же, она еще раз оглянулась, в попытке отыскать ценные вещи. Все же натуру не исправишь, но пожить в кабинете было нечем: гора косметики, куча поношенной одежды. В дамской сумочке Алевтины,

доверху забитой косметикой, нашелся кошелек с несколькими купюрами, банковские карты.

— Скряга, — выругалась Карина, забирая деньги, не пересчитывая и так видно, что на них можно прожить не больше месяца.

В ее рюкзаке за спиной смена белья, документы. Уходя, Михаил передал в пользование автомобиль, за рулем которого провел не один день.

— Пользуйся, только не особо рисуйся. Номера новые, права тоже.

— Она же твоя. Как же ты без нее?

— Мы с Тинкой на фургоне поедem. Он менее заметный, вопросов ни у кого не возникнет — семейная пара сельских жителей, перевозящих в кузове садово-огородные принадлежности, строительные материалы. Я там, на всякий случай хлама набросал, видимость создал.

Отыскав в боковом кармане ключи, Карина удобно расположилась на водительском сидении. Сбылось: «Она видела себя в образе крутой cool girl, рассекающей на авто премиум-класса». Усмехнулась. Теперь, все прежние, глупые чаяния, рассыпались, оставляя после себя только разочарование.

Зная наперед, что придется прятаться, может быть даже длительное время, она не рискнула вернуться на конспиративную квартиру. Поскитавшись в пригороде, она сняла домик, больше похожий на собачью конуру. За покосившимся двором нашлось и место для машины.

В избушке из удобств — холодная вода, газовое отопление. Туалет на улице. Зато кварплата — ниже некуда. Бабушка — божий одуванчик вопросов не задавала, даже именем не поинтересовалась, когда давала добро на заселение квартирантки, с виду приличной девушки.

Убедив саму себя, что это ненадолго, уже к вечеру того же дня, Карина обжила скромное жилище. Первым делом затарила старенький холодильник, приготовила нехитрый ужин.

После, разложив перед собой личные дела, она занялась изучением содержимого. Естественно, начала со своей персоны, и испытала разочарование. Общие факты: дата рождения, факты из протоколов комиссии по делам несовершеннолетних, характеристика из училища. Прочие экземпляры папок — более увлекательные. То, что ей открылось, достойно томов большой книги из серии «Криминальное чтение».

Самое толстое дело, к удивлению, было у Динки, в миру — Кудасовой Дины Ивановны. Помимо заслуг в преступных разборках, она отметилась в искусстве слежки. На лицевой стороне дела: «Цель — слежение», внутри — целая кипа донесений разного рода, написанных от руки. Имелись и просто обрывки с написанными наспех сообщениями в двух словах. С момента их появления на базе, Динка следила за каждым шагом всех и каждого и строчила доносы. Алевтина, строго относящаяся к документам, подшивала их по датам, следуя всем правилам документооборота.

Когда давались задания, всякий раз Динка оказывалась не у дел. Ей не позволялось даже покидать территорию. Ее не замечали, не считались с ее мнением, а то и вовсе пытались заткнуть ей рот, когда она пыталась вставить слово.

Так думали все, без исключения. Наивные. В то самое время, она шпионила, записывала, фотографировала, выставляя напоказ, все, что пытались скрыть другие. Она следовала тенью, невидимой, неузнанной. Хитрая, продуманная, она всегда оказывалась в нужное время в нужном месте.

— Офигеть! — вырвалось у Карины, когда среди прочих бумаг, она увидела фото со своим участием. Вот она с Гошей в парке на скамеечке, с Кириллом в торговом центре.

«Двенадцать тридцать два. Объект один и два вошли в кафе, заказали кофе и пирожные. Держатся за руки, целуются. Наверняка, после бурной ночи...»

Мерзкие пасквили, дополненные домыслами, комментариями противной Динки, не вызывали ничего иного, как презрение. Она прошла по всем без исключения, не упустив даже самых мелких деталей. Ощущение будто тебя раздели догола и рассматривают под микроскопом, когда видны все трещинки на теле.

«У каждого своя роль» — вспомнила Карина слова Алевтины.

Ей захотелось быстрее узнать о своей лучшей подруге Тинке, которой так и не удалось реализовать свои способности. Отгоняя мысли, что та может тоже оказаться предательницей, сводило в животе.

Дело Кристины, совсем тонкое, заполненное парой характеристик, не представляло ничего интересного. Подруга поведала ей куда больше. Однако, не все так просто: листок, вырванный из ученической тетради в клеточку, с каракулями неровного нервного почерка, поверг Карину в шок.

«Дорогая, Аля! Я знаю, что больше не вернусь. Последний раз я провела в больнице пять лет. Мой нынешний срок доведет меня до смерти. Обещай, что позаботишься о моей девочке. Кристина замечательная — добрая, умная, любит животных. Она не станет для тебя обузой. Я высылаю тебе ее фото, адрес, ведь в последний раз ты ее видела в два года. Она выросла красавицей, очень похожей на тебя. У нее твои глаза, фигура, волосы. Прими ее как родную дочь, устрой ее будущее замужество с хорошим человеком. Навсегда твоя сестра Маша».

Тинка — родная племянница Алевтины! Карине хотелось кричать от возмущения. На лицевой стороне папки в подтверждение красивый женский почерк вывел «Цель — Михаил» и три восклицательных знака.

Знала бы сладкая парочка, что их любовные отношения не что иное, как желание тетушки позаботиться о будущем родной кровиночки, а Михаил — лучший вариант для осуществления последней воли сестры.

Динка вертелась возле клуба с самого утра. В эту пятницу господин Серебряников презентовал проект важному кругу пользователей в узкой обстановке. Одним словом, приглашены избранные, остальные могут посмотреть репортаж по телевизору. Прибывали гости, усиливалась суэта, бдительная охрана переговаривалась между собой, проверяла посты, камеры видеонаблюдения.

В одиночку совершить похищение важного объекта Динке не по силам. Впрочем, у нее имелись вовсе иные планы, идущие в разрез с запросами Центра. Терять уже нечего. Обратного возврата нет — на хвосте прежние дружки, мечтающие поквитаться за косяки и потерянные по ее вине деньги. Как ни крути, если не те, так другие отыщут. Закон самосохранения диктовал иные правила.

Следуя по пятам за всеми членами группы, она знала слишком много, можно было роман с продолжением писать. Алевтина, как-то раз назвала ее тенью, в доказательство признательности за службу. Не было ни одного дня, чтобы она не отличилась в искусстве слежения. Невидимая, движущаяся незримо, она выполняла, по сути, заглавную роль. Именно ее уникальные способности сразу же проявились на начальном этапе, когда операция только набирала обороты. В особые заслуги — умение молчать, не разглашая тайны.

Готовясь к мероприятию, Динка нацепила блондинистый парик с длинной челкой, закрывающей пол-лица. Ей, правда, никогда не нравились подобного рода эксперименты. Но сегодня требовался максимальный уровень защиты, поэтому в дополнение — темные очки, высокий воротник свитера, бесформенная куртка мышинового цвета, спортивная обувь, почти не оставляющая отпечатков следов.

Выглядывая из-за угла здания, Динка заприметила автомобиль, доставивший объект разработки к месту. Серебрянников Кирилл в окружении охраны проследовал к входу в здание, где по сведениям должен пробыть не менее двух часов.

Еще вчера, карауля возле подъезда, она никак не могла обнаружить признаков его присутствия. Исчез автомобиль с парковки, а в квартире объекта так и не зажглось света. Оно и немудрено, после истории с похищением, он, следуя правилам безопасности, скорее всего, поменял место жительства.

Динка замыслила осуществить собственный план, для которого нужно только приблизиться к объекту, чтобы попросить у него деньги за важную информацию. Ей сейчас как никогда нужно было залечь на дно, предварительно получив кругленькую сумму.

Оценив обстановку вокруг, она приготовилась ждать, но не тут-то было:

— Попалась!

Сзади на ее плечо легла огромная ладонь Толика, теперь бессменно следовавшего за старинным товарищем в роли частного детектива.

— Я это...

— Чего ты тут высматриваешь? — грозно рявкнул он.

— Ничего. Мимо шла.

Толик сдернул с ее головы искусственные волосы, откинул в сторону, туда же полетели очки.

— Что вы делаете? — перешла на визг Динка, пытаясь вывернуться из крепких мужских рук.

— Неправильная постановка вопроса. Это я должен спросить: почему ты выглядываешь из-за угла, словно намереваешься что-то украсть?

— Я закричу.

— Это вряд ли. Оглянись вокруг ни души.

Его сердце ликовало. Наконец-то затея начала обретать смутные очертания, а эта девчонка с испуганными глазами, наверняка, станет проводником к расшифровке истории в целом. Камеры видеонаблюдения на подъезде Кирилла накануне зафиксировали похожую особу, крадущуюся через двор. Этот же разлохмаченный парик, темная одежда.

Сообразив на лице что-то мало-мальски похожее на улыбку, собрав все остатки вежливости, Толик произнес:

— Леди, не желаете ли вы проехать в более спокойное место, дабы разрешить наше недоразумение. Заверяю, что с моей стороны не будет попыток нарушить ваше целомудрие.

— Не желаю, — ответила Динка, пятясь в сторону.

Толик не успел сообразить, как она со всех ног бросилась наутек.

Однако он не спешил мчаться вслед. Не по-пацански бегать за всякими там пигалицами. Он нажал кнопку на рации и произнес:

— Принимай девчонку на выходе, смотри не упусти.

— Слушаюсь, босс!

Когда Толик вернулся к автомобилю, припаркованному в удобном для наблюдения месте, Динка уже сидела внутри.

— Кусается, — пожаловался один из охранников, — зубы острые, будто у акулы.

Он показал на ярко-красные следы от зубов на запястье.

— А ты не жалеяй ее. Еще раз рыпнется, прореди ей зубки.

— Как скажешь, босс, — довольно улыбаясь, ответил охранник, показывая Динке здоровенный кулак.

— Слышала: босс разрешил. Теперь буду делать с тобой все, что захочу, а фантазия у меня — будь здоров.

Динка все еще брыкалась и фырчала, но получивший разрешение к действию, мужчина нашел повод усмирить ее, накручивая волосы себе на руку. Со всей силы он рванул ее за длинный хвост, запрокидывая лицо.

— Уймись! Не то хуже будет.

Для пущей убедительности, он слегка вдарил ей в живот. Динка ойкнула, согнулась и стихла.

— Так-то лучше. Везите ее к нам. Надеюсь, мы найдем общий язык, видно, что девочка сговорчивая и на ласки отзывается, только прежде завяжите ей глаза, — приказал Толик.

В загородном поселке, где только-только начали отстраиваться коттеджи для желающих отделиться от городской суеты, у Толика имелся двухэтажный особняк за высоким забором. Место тихое, безлюдное, как раз подходящее для бесед по душам.

— Так, так, так...

Толик едва восстанавливал разыгравшееся воображение. Странная дикая пленница несла ахиною, напоминающую сюжет приключенческого романа. История про тайную организацию никак не укладывалась в его голове. Пытать, кстати, девицу не пришлось, она оказалась на редкость болтливой. Охотно и с вдохновением, она поведала о членах

группировки, обучении и прочих деталях нахождения на секретной базе.

Опустив глаза в пол, жестко сжимая пальцы, Динка кусала обветренные губы.

— Можно мне попросить воды?

Сделав большой глоток, она решительно заявила:

— Мне нужны гарантии и деньги.

— Опа! Посмотрите на нее, еще и условия ставит! — воскликнул Толик, пораженный наглостью дерзкой девчонки.

— В противном случае, больше не произнесу ни слова. Или ты думаешь, что я за бесплатно выдам информацию, стоящую, как минимум, пару миллионов?

— Ты обязательно получишь свою награду, — фальшиво ответил Толик.

— Тогда деньги вперед!

— Пока за все то, что ты сказала, я бы не дал и гроша. Словоблудие какое-то, лишь только для того, чтобы запудрить мозги. Откуда мне знать, может вчера в сумасшедшем доме был день открытых дверей и ты сбежала.

— Сам ты — ненормальный, — обиделась Динка, — ну, так и быть, только, чтобы вызвать ваш интерес. Это касается господина Серебрянникова.

— А вот это уже нужная тема, — оживился Толик.

— Нужно было выкрасть его сегодня и доставить на базу в целостности и сохранности.

— Зачем?

— Его следует устранить, пока он не заключил контракт с банком на внедрение системы безопасности, иначе важные люди теряют большие деньги.

— Но ты сказала в целостности и сохранности, — напомнил Толик.

— Ему бы нашли применение, поверь. Никто бы не отказался от шанса получить прибыль от его изобретения.

— Значит, он сейчас в опасности! С этого надо было начинать!

Толик хотел было ринуться на выручку своему другу.

— От группы осталась только я и Карина. Так что...

— Ты здесь. А Карина — это та самая, что с Кирюхой мутила?

— Она самая. Думаю, смылась. В ее-то положении.

Почесывая затылок, Толик уставился на пленницу.

— Не понял? Она что ранена?

— Ага! В самое больное место.

Динка зашлась в смехе.

— Ваш Кирюха ей бэбика заделал.

— Откуда информация?

— Сама тест на беременность в мусорке в ванной видела, тот самый, с двумя полосками, а после, все признаки токсикоза на лицо.

— Кирилл, — пробасил в трубку верный друг Толян, — у нас здесь птичка весело поет, заслушаешься.

— Поймали все-таки, — обрадовался тот, полагая, что их пленницей оказалась Карина.

— Э, нет, друг. Это не она.

— А кто?

— Типа, ее подружка.

Кирилл прежде не встречал эту девицу с высоко вздернутым носиком и россыпью мелких веснушек на щеках.

— Как тебя зовут, — начал он расспросы.

— Если это так важно, то — Дина. И, заметьте — это мое настоящее имя.

— Ну, что ж, Дина, раз мы уже познакомились, не ответишь ли ты на мои вопросы.

— Нет, — категорично огрызнулась она, — мы же договаривались, что я получу деньги.

— О чем это она? — удивился Кирилл, оглядываясь на друга.

— Бесплатно птичка не поет, на пару миллионов рассчитывает. На всякий случай, я пообещал, что она получит награду.

— Вот, оно как!

Кирилл на минуту задумался, специально затягивая паузу.

— Если информация стоящая, я готов платить. Честное пионерское.

— Спрашивай, — сдалась Дина.

— Я хочу узнать о Карине.

— Далась тебе эта Каринка, — зло бросила пленница, — не понимаю, что ты в ней нашел?

— Отомстить хочу.

— Тогда ладно. Ты — ее задание. Она у нас вроде приманки — красивая, яркая, на такую все мужики ведутся. Опять же, не ты один.

— Кто еще?

— Кот с фитнес-центра — ее рук дело. После того, как она его в ловушку заманила, Ром его так отделал, мать родная не узнала бы. Зубы выбил, нос сломал, еще несколько ребер в придачу. А все из-за чего?

— Из-за чего? — эхом повторил Кирилл.

— Чтобы к нему домой попасть, обыск произвести. Там по сведениям, полученным из надежного источника, мы должны были флешку найти.

— Не нашли?

— Нет, — с сожалением выдохнула Динка, — если бы так, то давно уже вся лавочка прикрылась, а я б на море косточки, на солнышке грела. Потом твой брат на Каринкину удочку попал.

— Не может быть!

— Еще как может, пока она его сказками развлекала, сначала в его забегаловке, а потом на свидании в парке, наши ребята в его доме погром учинили, но снова безрезультатно.

У Кирилла перехватило дух, от волнения. Как же он мог ошибаться и подпустить на такое близкое расстояние женщину, принесшую ему столько вреда. К своему великому

сожалению, он продолжал бороться с чувствами, ведь до сих пор он не переставал любить эту кареглазую бестию. Длинными вечерами, оставаясь в гордом одиночестве, он скучал по ее улыбке, ее поцелуям. никоим образом ему не хотелось перечеркнуть все то, что между ними случилось и объединило, пусть и на время, в счастливую пару.

— Где мне ее искать? — продолжал настаивать Кирилл, несмотря на всю правду, которая ему открылась.

— Не знаю, — четко ответила Дина, — она, как и я, сбежала с базы и вряд ли вернется туда когда-нибудь. Может, осталась в городе, а может — уехала далеко-далеко, чтобы больше не возвращаться. У нее здесь никого нет, ни друзей, ни родственников, одни лишь плохие воспоминания.

— А ее фамилия и имя настоящие?

— Ульянова Карина Сергеевна, — напомнила Динка, — детдомовка, отказница. Ее мамашка, когда то еще при рождении, на нее отказную написала. Отец, вполне естественно, неизвестен.

— Повтори, что мне рассказывала о ней, — подтолкнул Динку в бок Толик.

— Она беременна от тебя, — сквозь зубы прошипела Динка, — по подсчетам: месяца полтора.

— Ты точно уверена?

— На сто пятьдесят процентов, зуб даю!

— Босс! — оголосился один из охранников.

— Что еще? Видишь, я занят.

— Я вспомнил...

— Ты постоянно встречаешь не по делу.

— Я узнал ее.

— Кого?

— Динку, точнее — Дикарку. Это она когда-то руководила Заречной группировкой, до ее разгрома.

— Дикарка? — выпучил глаза Толик.

— Он ошибся, — попыталась исправить ситуацию Динка.

— Ну, уж нет! Я ее несколько раз с глазу на глаз видел. Я же тоже из Заречных. Она в свое время подставила всех и смылась в неизвестном направлении. Сначала мы думали, что ее нет в живых, даже что-то вроде прощания сообразили. Ребята серьезные шли с ее именем на смерть, только потому, что она в свое время подняла их с болота. Кто-то с иглы слез, а кто-то из тюрьмы вернулся: всех под свое крылышко. Заречные — сообщество родственных душ, влюбленное до беспамятства в свою предводительницу. Никогда мужики не подписывались за бабу, кроме этого случая. Она сильнее, умнее, а главное — отчаяннее. Если шли на дело, она во главе: горло режет в науку остальным, показательные казни, грабежи. Ее легкая рука и фортуна всех защищала и двигала вперед.

- Ты ошибся, — попытался отрезвить Толик своего подчиненного.

— Дикарка! — настаивал охранник.

Отрицательно качая головой, Динка все еще надеялась остаться незамеченной. Предусмотрительно она перекрасила волосы, сделала пластику лица. Ей так хотелось сохранить свою жизнь. Вокруг были все правы, что она зарвалась, когда в очередной раз вышла на тропу войны и повела самых преданных людей за собой, не рассчитав возможностей. Новые горизонты, территории с еще совсем неосвоенными вариантами

получения прибыли. Как и прежде, разделяя зоны на свои и чужие, она не могла уступить и сантиметра земли. Только вражеские замыслы шли в разрез с общепринятыми нормами. Пусть она руководила огромными силами, но их оказалось недостаточно, когда раздел велся по правилам боя.

Ей пришлось отступить, потеряв самых близких соратников, сложивших свои головы зря. Одному всевышнему известно, что ее душа давно отправилась в ад, чтобы сопровождать всех тех, кто повторял ее имя перед смертью. Теперь ее проклинали все, кто когда — либо имел с нею дело. Свои за предательство, враги за прежние заслуги, до сих пор не оставляющие в покое.

— Ты вернулась? — произнес охранник.

Динка, собравшись с духом, тихо произнесла:

— Вернулась...

Никто за ее жизнь теперь не дал бы и гроша.

— Отпусти ее, — предложил Кирилл, — она свободна.

— С удовольствием, — ответил Толик, — отвезем ее к прежним приятелям. Думаю, они будут благодарны за приятные новости об ее воскрешении.

— Стойте! — закричала Динка, — пожалуйста, не надо! Я хочу исчезнуть, в этот раз насовсем.

— Ты еще ждешь награды?

— Нет. Предлагаю сделку.

— Интересно. У тебя же ничего нет.

— Просто совет.

— Валяй.

— Ты найдешь свою Карину через восемь месяцев в одном из роддомов города. Наверняка, она там будет ждать тебя не одна.

— Спасибо, — сухо произнес Кирилл.

В нем боролись два человека. Один все еще мечтал вернуть Карину, а другой — желал отомстить и сравнять ее с землей.

— Ты особенно не дуйся, — вернула его обратно Динка, — твоя Каринка — жертва обстоятельств. Это у вас, сытых, богатых, все по правилам высокой морали, а в нашем мире правило одно — выживи любой ценой. Царапайся, кусайся, ведь твоя жизнь не стоит ничего, кроме того, во что ты одета.

— Не дави на жалость, — грубо оборвал ее Кирилл.

— Ты не особо рассуждал, когда тащил ее в постель. Не мне напоминать, что до тебя и после тебя у нее мужчин не было.

— С твоих слов, она — святая.

— Если честно, она мне не понравилась с первого взгляда. Со своими принципами, дерзкая, непокорная. У нее помимо тараканов в голове, еще осталась надежда и вера в светлое будущее и в то чувство, которое нормальные люди называют любовью. Таких, как она, хочется исправить, доказать им, что идут по ложному пути. Сколько раз я пыталась внушить ей, чтобы она защищалась всеми способами, иначе будет очень больно.

— Ты хочешь сказать, что весь этот фарс, на самом деле был для нее всерьез.

— Более того, она не играла, когда объяснялась тебе в любви.

— Снова уловки.

— Понимай, как хочешь. Женская душа — потемки. Не хочу защищать ее, но и

несправедливости не потерплю.

Кириллу был неприятен этот разговор, задевающий самые потаенные болезненные струны души.

— Толян, брат...

— Ты принял решение?

— Помоги Дине уехать из города.

— Ты удивляешь меня, она же...

— Поверь, она найдет свою награду. Только посмотри на нее. Она напугана, сломлена.

От той Дикарки, о которой слагались городские легенды, не осталось и следа. Да, и дай ей денег на первое время.

В боксе роддома находилась единственная роженица. Молодая девушка, только вчера ставшая мамочкой, сидела на кровати, поджав под себя ноги. Закусив губу, она раскачивалась из стороны в сторону, будто кукла-неваляшка. Ей, как не вставшей на учет в положенное время, не предоставили обычную палату.

Ее малыш, такой трогательный, ранимый находился постоянно рядом. Нет, он не плакал, а как серьезный маленький человечек, пришедший в мир, с великой целью, заявлял о себе молчанием.

— Арина, — услышала она строгий голос санитарки, — верни сына, ему пора сменить пеленки.

— Еще чуть-чуть, — умоляюще тянула молодая мамочка.

До сей поры она никак не могла свыкнуться с новым именем и каждый раз, словно во сне повторяя «Арина» она вздрагивала от недовольствия.

Она никак не могла налюбоваться на свое сокровище, надыхаться воздухом, переполненным любовью. Вся аура вокруг преисполнилась божией благодати. Их встреча сыном, намеченная свыше, состоялась вопреки всему. Долгие дни одиночества, раздумий о смысле жизни, соединились в одном маленьком создании. Сыночек стал не просто спасением, а смыслом, ради которого предстояло вытерпеть еще немало трудностей, чтобы, в конце концов, обрести единственного любящего человека.

Посылая мысленно слова благодарности Кириллу за великий дар, она с особым трепетом вспоминала все минуты, проведенные вместе, и никоим образом не сожалела о случившемся.

Ступая на порог государственного медицинского учреждения с огромным шевелящимся животом, Карина страшилась своего положения. Одинокая мамочка с ребенком на руках, без помощи и поддержки — жалкое зрелище. Она, конечно же, знала наперед, что не сдастся, и ни за что на свете не откажется от ангела, дарованного ей судьбой, не позволит вновь свершиться несправедливости, когда круг замыкается, а очередная детдомовская девчонка отказывается от малыша сразу же после его появления на свет.

Услышав первое движение бойких ножек внутри себя, она рассказывала малышу сказки, пела песенки, встречая каждый день с улыбки. Нося в себе частичку Кирилла, своей единственной любви, она возносилась до небес. Часто думая о выборе имени, она явно представляла, что будет мальчик. В целях безопасности, ни разу не посетив женскую консультацию, не пройдя ни одного обследования УЗИ, будущая мамочка безошибочно определила пол ребенка.

Назову в честь отца, решила она, следуя зову сердца, потом передумала, все-таки плохой тон. Пусть ребенок проживает свою собственную жизнь, без багажа прошлого. А имя... Просто формальность, ничего серьезного не имеющая под собой.

Не предполагая, как сложится ее будущее, сможет ли она стать хорошей матерью, одно она знала наверняка — он никогда не узнает того, что довелось испытать ей с самого младенчества. Она была готова пойти работать, чтобы у сыночка было все необходимое. На деньги из сейфа Алевтины она купила костюмчики, игрушки и даже коляску. Имелась еще машина, которую можно было продать.

Когда раздался первый вскрик малыша, Карина тихонечко прошептала:

— Поздравляю, Кирилл! Ты стал папой.

В это самое время, господин Серебрянников вместе со свитой, объезжал один роддом за другим.

— Нет здесь Карины, — с сожалением убеждал Толян, вручая выписку из рожениц, прибывших за последний месяц.

— Все-таки уехала, — теряя остатки надежды, бормотал Кирилл, вчитываясь в ряды фамилий, написанных на листе бумаги.

— Ты, брат, не раскисай. У меня еще пять адресов имеется.

Еще одна больница и пустая трата времени. Толик в своем желании помочь, очень рьяно взялся достичь положительного результата.

— Карина, наверняка сменила имя.

— С чего ты взял?

— На ее месте я бы поступил именно так. Вот, к примеру, смотри.

— Опять ты со своими догадками, — отмахнулся Кирилл.

— Кириллова Арина Викторовна.

Толик провел указательным пальцем по буквам, напечатанным на листе среди прочих.

— Ничего тебе не напоминает?

— Абсолютно.

— Ну, ты и дубина. Она же тебе намек дает. Ты хотя бы на фамилию внимание обрати.

— Кириллова.

— А дальше...

— Арина.

— Спереди букву «К» добавь, что получится? А фамилия — отсыл к твоему имени.

— Я не мастак ребусы разгадывать, ты же знаешь. Мой конек — ясность во всем, математически выраженная в формулах.

— А логика? Элементарная — уровень начальной школы, когда нужно переставить между собой буквы, чтобы получилось нужное слово.

— В этом определенно имеется смысл, но верится с трудом.

— Так мы с тобой с носом останемся, а ты до конца жизни не отыщешь свою Карину, как ни старайся.

— Найдем, — убедительно сказал Кирилл, нажимая на звонок, на двери роддома. Его сердце почему-то бешено забилося в груди, — сейчас проверим, что за Арина здесь обитает.

— М-м-м. Папочка пожаловал, — высунулась в проем двери пожилая медсестра. Заправляя седые пряди под кипельно белую шапочку, она уставилась на посетителей, коих видела на своем веку бесчисленное множество.

- Ирина Павловна, к кому? — раздался голос изнутри.

— Сейчас узнаем. Почему без букета? — забурчала женщина в белом халате, оценивающе осматривая мужскую делегацию, толпящуюся на крыльце, — какие же все-таки бестолковые эти молодые папаши. Все обучи, подскажи, а благодарности никакой.

— Я к Арине, к Кирилловой.

— А ты на часы смотрел, тихий час у нас?

Почему-то Кирилл чувствовал себя в этот момент провинившимся юнцом, опоздавшим к первому уроку.

— Кем приходитеесь Кирилловой? — тем временем развила нужную тему строгая

сотрудница отделения.

— Жених.

— Ну, и времена, ну и нравы, — себе под нос бубнила та, которую только что назвали Ириной Павловной, — Вот, раньше сначала женились, а уж потом детьми обзаводились, а сейчас — гражданский брак. Тьфу!

Она поморщилась, выражая свое искреннее недовольство.

— Ждите!

Медсестра громко захлопнула дверь перед ними.

— Девочка моя, — с заботой в голосе Ирина Павловна обратилась к грустной задумчивой роженице, все время всматривающейся в пейзаж за окном. Ранее ей доводилось видеть похожую женщину, точно так же стоящую возле подоконника. Только та, отказалась от малышки, а эта боялась отпустить от себя даже на минутку, вцеплялась руками в тугой сверток, баюкала, беспрестанно поцелуями маленькое личико.

Столько времени прошло, а медсестра помнила тот страшный день, выпустивший в мир еще одну сироту. Почему-то именно Арина задела ее за живое и заставила вернуться в то самое время. Может, виной яркие карие глаза, так пронзительно сияющие на прекрасном лице, а может то самое внутреннее чутье, которое возникло неожиданно.

Ко всем пациенткам пожилая медсестра питала материнскую любовь, старалась приободрить, пожалеть, а в особо сложных случаях, когда горе — папаши портили настроение, заменить им «жилетку» в которую можно поплакаться.

— Арин, к тебе пришли.

Девушка вздрогнула, побледнела.

— Но я никого не жду.

— Утверждает, что жених.

У Карины, теперь Арины, все похолодело внутри.

— Это ошибка, — начала она сопротивляться, — я не пойду.

— Еще чего! — возмутилась Ирина Павловна, — у ребеночка двое родителей должно быть. Ты умерь свою гордыню, потом разберетесь, а пока соберись, выпрями спину, и вперед. Я на всякий случай буду поблизости.

В конце, концов, Карина пришла к выводу, что ее наконец-то нашел Михаил, ведь он уже стал отцом.

— Ты там недолго, — продолжала опекать медсестра, — а то там сквозняки.

— Угу! — согласно кивнула Карина, медленно подходя к выходу, будто ее отправили на казнь.

Едва она вышла за дверь, ее тут же хватил удар. Там с улыбкой на лице ее ожидал Кирилл собственной персоной.

— Я так долго искал тебя, — успел сказать он.

В это самое время Карина лишилась сознания и повалилась прямо в его объятия.

— Значит, ты простил меня? — чуть слышно спросила она.

— Я люблю тебя больше всего на свете, глупышка. Тебе и так досталось с лихвой.

— А я тебя, — эхом отозвалась она, — мне так много нужно тебе рассказать.

— У нас для этого будет много времени, ведь мы больше никогда не расстанемся. Обещаю, что смогу защитить тебя...

— И нашего сына тоже, — внесла поправку Карина.

Их губы соединились в поцелуе.

— Еще немного, и ты бы опоздал...

Карина отстранилась и попыталась спрятать глаза.

— М-м-м? — нахмурился Кирилл.

— Выбрать имя для нашего малыша.

Надо, же, как будто специально оттягивала этот момент и так и не определилась.

— Ты подарила мне счастье, — прошептал Кирилл, зарываясь носом в ее волосы.

Ирина Павловна, подслушивавшая под дверь, толком не поняла смысла разговора, но уловила по интонации, что образовалась еще одна благополучная семья. Душа ангела-хранителя, поселившаяся внутри этой старой женщины, праздновала великую победу.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net